tructures unctions. Studies in Russian Linguistics

CTPYKTYPHINOYHKUMIN MCCVEYOBSHING IO BACKCLINKE

Studies in Russian Linguistics
Studies in Russian Linguistics TRYKTYRЫ MA TO PYCHCTIKE
WCCNEAOBAHWA TO PYCHCTIKE

International Editorial Board

Elena Belaya, France Dojcil Vojvodic, Serbia Rafael Guzman, Spain Seyed Hasan Zahraee, Iran Andrey B. Krasnoglazov, Estonia Andrey A. Lipgart, Russia Swetlana Mengel, Germany Elena V. Petruhina, Russia Yury E. Prokhorov, Russia Olga G. Revzina, Russia Marina L. Remneva, Russia Hannu Tommola, Finland Emmanuel Toumazou, France Henryk Fontański, Poland Zhang Huiqin, China Alexey A. Chuvakin, Russia Alexey D. Shmelev, Russia

Editors-in-chief:

Inga Mangus, Estonia Victoria V. Krasnyh, Russia Marina Y. Sidorova, Russia

Publishing editor:

Alena F. Kolyaseva

Prepress Inessa Zabolotnaya

ISSN 2228-2653

Publishing house Pushkin Institute www.pushkin.ee Maneezi 7, Tallinn 10117, Estonia

Международный редакционный совет

Елена Белая, Франция Дойчил Войводич, Сербия Рафаэль Гусман, Испания Сейед Хасан Захраи, Иран А. Б. Красноглазов, Эстония А.А. Липгарт, Россия Светлана Менгель, Германия Е. В. Петрухина, Россия Ю. Е. Прохоров, Россия О. Г. Ревзина, Россия М. Л. Ремнева, Россия Ханну Томмола, Финляндия Эмманюэль Тумазу, Франция Хенрик Фонтаньский, Польша Чжан Хойцинь, Китай А. А. Чувакин, Россия А. Д. Шмелёв, Россия

Главные редакторы:

Инга Мангус, Эстония В. В. Красных, Россия М. Ю. Сидорова, Россия

Выпускающий редактор:

А.Ф. Колясева

При использовании материалов в любом виде ссылка на журнал обязательна. За точность цитат, библиографических данных и соблюдение прав интелектуальной собственности ответственность несут авторы.

Редколлегия не обязательно разделяет мнение авторов и не всегда согласна с излагаемыми в статьях взглядами. Однако, руководствуясь тем, что исследователи могут принадлежать разным научным школам, придерживаться различных научных концепций и воззрений, вследствие чего в современной гуманитарной науке нет и, пожалуй, не может быть единственной – «правильной» – точки зрения, мы публикуем в том числе статьи, которые могут стать предметом острой дискуссии.

Том І. Вып. 3. К юбилею академика В. В. Виноградова Vol. I. Issue 3. On academician Victor V. Vinogradov's anniversary

СОДЕРЖАНИЕ

золотова г.А. значение трудов в.в. виноградова для современной филологии	4
ГРАММАТИКА	9
<i>Лекант П.А.</i> Русский инфинитив –	
«загадочная по своему современному значению категория глагола»	9
Нахид Шейхи, Сидорова М.Ю. «Человек может»	
в представлении русского языка	16
Храковский В.С. Глядя в прошлое:	
новаторские идеи русских языковедов, опередившие свое время	31
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	40
Иванова-Лукьянова Г.Н. Из наблюдений над пушкинскими текстами	40
Радбиль Т.Б. Образ автора и проблема нарративных аномалий	64
Уржа А.В. Страдательные конструкции в русском переводном нарративе	
конца XIX-начала XXI вв. на фоне «истории лингвистического вкуса»:	
интерпретация и рецепция	74
Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Экспериментально-вычислительные	
исследования художественной прозы Н.В. Гоголя	83
	104
Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста	
на примере мемуаров	.104
Ефимова С.Н. Анекдот и «языковое сопротивление» в русском языке XX в.	
в зеркале записных книжек Е.И. Замятина, И.А. Ильфа и Вен. Ерофеева	.116
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА. АНАЛИЗ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ	126
Пауткин А.А. Древнерусские посольские речи	
и повествовательная манера летописца	.126
Ремнева М.Л. Норма и пространство вариантов:	
языковые параметры редакций Жития Михаила Клопского	.135
Савельев В.С. Адъективные показатели количества: дискретные множества	
(на материале прямой речи в «Повести временных лет»)	.144
РЕЦЕНЗИИ	172
Осетрова Е.В. Рецензия на ежегодник	
«Филолого-коммуникативные исследования»	.172
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВЫПУСКА	183
ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ / CALL FOR PAPERS	.187

Значение трудов В.В. Виноградова для современной филологии

On Significance of Victor V. Vinogradov's Works for Modern Philology

Г. А. Золотова

Виктор Владимирович Виноградов – крупнейший русский филолог XX века. Великий труженик науки, в драматической биографии которого отразилась судьба послереволюционной российской интеллигенции, определил во многих направлениях пути последующего развития русской филологии и продолжает служить для нее живым источником идей.

Многогранность филологических интересов В.В. Виноградова, научная высота, с которой его мысль охватывала русский язык в действии, в движении, великолепное знание русского языка всех времен и во всех сферах его функционирования – все это обусловило силу его языковедческих идей, их верность сути языка. На следующих за его временем научных этапах его идеи остаются компасом и программой перспективных исследований.

Так, глубоко содержательными и результативными виноградовскими исследованиями движения словесной стихии в литературной речи подготовлен последовавший позже выход грамматики в пределы текста, осмысление текста как реальной среды существования и функционирования языка. Текст оказывается тем главным объектом лингвистики, в котором язык реализуется, обнаруживая свои и минимальные, и максимальные возможности, в котором система языка приходит в действие. Раскрыв механизмы текстовой реализации языковой системы, В. В. Виноградов в своем анализе стиля «Пиковой дамы» [Виноградов 1936] показал филологам путь к тексту.

До сих пор дискутируется вопрос: художественный текст – предмет лингвистики или литературоведения? Для Виноградова этого противопоставления не суще-

ствовало. В книге «О поэзии Анны Ахматовой» он пишет: «Для того, чтобы работа по изучению художественной речи была действительно плодотворной и научно целесообразной, необходимо стать в русло тех лингвистических достижений, которые совместными усилиями филологов и лингвистов скоплены» [Виноградов 1925], а в предисловии 1929 г. к неизданной книге признается: «Десять лет тому назад от лингвистики и во имя лингвистики я отправился в область истории и теории литературы. И с другой стороны опять пришел к лингвистике» [Виноградов 1980, 334]. Зачем понадобилось Виноградову уходить в литературу, чтобы вернуться к лингвистике? Чтобы во имя лингвистики понять язык в его высших достижениях, в интенсивном и напряженном взаимодействии всех его элементов в лучших созданных языком текстах.

Научная сила и прочность виноградовской концепции текста в том, что она выросла на базе тщательного и проникновенного рассмотрения языковых особенностей многих произведений русских писателей и поэтов, прежде всего А.С. Пушкина. Пушкин для Виноградова был, по словам Д.С. Лихачева, «любимым героем» исследований. Именно в трудах Виноградова о языке и стиле Пушкина даны непревзойденные анализы строя пушкинской прозы, поэм «Евгений Онегин» и «Медный всадник». «Язык Пушкина, – писал В.В. Виноградов, – отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII в. до конца 30-х годов XIX в., вместе с тем определил во многих направлениях пути последующего развития русской речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцом художественного слова для современного читателя» [Виноградов 1938].

Ключом к постижению единства и своеобразия литературного произведения стало предложенное В. В. Виноградовым понятие «образа автора». Образ автора как центр, фокус словесного произведения воплощается в соотношении, в пересечении сфер сознания, восприятия, оценок самого автора и рассказчика, персонажей, действующих лиц и наблюдателей событий. Открытые Виноградовым текстовые функции видо-временных форм глагола (позже установлено, что это функции не только глаголов, но всех предикатов) стали надежным инструментом анализа композиции текста, хода сюжетного времени. Во множестве форм и значений глагольных видо-временных образований релевантными для организации текста, его темпорального структурирования оказались четыре функции: две совершенного вида – динамический аористив и результативный перфектив – и две функции несовершенного – имперфектив процессуальный и описательно-характеризующий.

Следующую задачу В.В. Виноградов видел в систематизации «речевых единиц, как типов, однородных форм словесной композиции». Позже было предложено возможное решение этой задачи в концепции коммуникативных регистров речи [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998] и другие работы виноградовской школы).

Академик П. С. Билярский в «Записке о плане занятий в Отделении русского языка и словесности Академии наук» в 1860 г. писал: «В массе филологических понятий, находящихся у нас в обороте, есть и общие взгляды и частные представления, которые стоило бы подвергнуть критическому пересмотру и точнейшему определению». Эти слова В. В. Виноградов поставил эпиграфом к своей замечательной книге «Из истории изучения русского синтаксиса» [Виноградов 1958], и они остаются таким образом и для нас научным завещанием.

Из уважительно-критического пересмотра взглядов своих предшественников, из обширнейшей начитанности в текстах всех времен Виноградов вывел четкие представления о филологических понятиях либо перспективных, либо устарелых. В основе его классической книги «Русский язык» – принцип взаимодействия грамматики и лексики. Части речи, их морфология представлены в синтаксических конструкциях, в литературных примерах, в их семантических и экспрессивно-стилистических ресурсах. Грамматика существует, осуществляется в реальной жизни языка, в коммуникативном процессе, в устных и письменных текстах.

Неисчерпанная глубина виноградовской мысли, проницательность анализа, эффективность его идей и методов сулят современным филологам новые поиски и находки. А каждый филолог может сделать в своей области тем больше, чем успешнее он освоит то, что оставил нам академик Виноградов, что он наработал для нас. Низкий, благодарный поклон Виктору Владимировичу за его подвижнические и провидческие труды, за все, чем обогатил он нашу филологию и нашу культуру.

Γ

ЛИТЕРАТУРА

- **1.** Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски). Л., 1925.
- 2. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии, 2. М.–Л., 1936.
- 3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв. М., 1938.
- 4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
- 5. *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958.
- 6. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- 7. *Золотова Г. А.*, *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

ГРАММАТИКА

Русский инфинитив – «загадочная по своему современному значению категория глагола»

Russian Infinitive as an «Enigmatical in its Contemporary Meaning Verbal Category»

Лекант Павел Александрович

Lekant Pavel Alexandrovich

Статья обращается к нерешенным русистикой теоретическим вопросам, связанным с грамматическим статусом инфинитива. Категориальное значение инфинитива определяется как потенциальность, чем объясняются его грамматические характеристики. Большое внимание уделяется синтаксическому употреблению инфинитива, в частности в составе составного глагольного сказуемого, при этом, в отличие от грамматической традиции, именно инфинитив, а не спрягаемый глагол представлен центром конструкции.

The article addresses some theoretical issues concerning Russian infinitive and its grammatical status that have not been solved yet by Russian linguistics. The categorical meaning of infinitive is described as potentiality defining its grammatical features. Inter alia, special consideration is given to syntactic potential of infinitive, including it being a part of a compound verbal predicate. Contrary to linguistic tradition, it is the infinitive but not finite forms that is viewed as the real centre of the grammatical structure.

Ключевые слова: инфинитив, категориальное значение потенциальности, составное глагольное сказуемое

Keywords: infinitive, categorical meaning of potentiality, compound verbal predicate

Русский инфинитив – «загадочная по своему современному значению категория глагола»

П.А. Лекант

Русский инфинитив – «загадочная по своему современному значению категория глагола», – так охарактеризовал русский инфинитив А.М. Пешковский [Пешковский (1914) 2001: 141]. Действительно, русским языковедам пришлось решать много грамматических загадок инфинитива, а «единодушного» ответа, конечно, нет.

Некоторые загадки постепенно утрачивали остроту. Во-первых, это относится к вопросу о «существительном прошлом» инфинитива: а) инфинитив – это «существительное, не дошедшее на один шаг до глагола» [Пешковский 2001: 143]; б) «с течением времени инфинитив окончательно оглаголился» [Шахматов (1941) 2001: 41]. Во-вторых, это «попытка некоторых русских грамматистов... представить инфинитив как особую от глагола «часть речи»», которая (попытка), «конечно, абсолютно неудачна» [Щерба 1957: 76] и к которой никто более не возвращался.

Однако и помимо этих вопросов у современного инфинитива хватает загадок. «Инфинитив не центр глагольной системы, а ее окраина», – подчеркивает В. В. Виноградов [Виноградов 1947: 652]. Эта оценка, конечно, относится к неспрягаемости инфинитива, т.е. к отсутствию формальных показателей лица, времени, наклонения. Здесь и находится узел загадок и разгадок. А. М. Пешковский настаивал на том, что в форме инфинитива «нет никакого указания на действующий предмет <...> она совершенно безлична» [Пешковский 2001: 142]. Нет сомнений, что А. М. Пешковский имел в виду «чистую форму», безотносительно к синтаксическому употреблению инфинитива. «С нажимом» на формальную сторону М. В. Панов утверждает, что инфинитив – «внеличная форма, соотнесенная с личными и безличными» [Панов 1999: 29].

В. В. Виноградов без оговорок считал инфинитив «глагольным словом» и потому находил, что «отношение к лицу потенциально заложено в форме инфинитива» [Виноградов 1947: 430]. Более того, детальное изучение синтаксического употре-

бления глагольных категорий и форм позволило сделать чрезвычайно важный вывод: «Инфинитив приобретает все более широкие права экспрессивного, переносного замещения личных форм глагола» [Виноградов 1947: 604].

Как неспрягаемая форма, инфинитив характеризуется и внеличностью, и вневременностью, и внемодальностью. Эти грамматические признаки определяются категориальным значением инфинитива – потенциальностью.

Русский инфинитив отличается широчайшим синтаксическим употреблением. Грамматическую форму односоставного инфинитивного предложения определяет независимый предикативный инфинитив [Тимофеев 1950: 262], который, благодаря варьированию интонации и употреблению набора частиц, представляет богатейший спектр модальных значений [Лекант 2007: 154–156]. В двусоставном предложении форма инфинитива может быть употреблена в позиции подлежащего (Напомнить в наши дни о старинной, милой красоте – это заслуга – М. Горький) [Лекант 2002: 181–183] и в позиции сказуемого (Люди – пахать, а мы – руками махать - посл.). «Так как инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу, то возможны модальные употребления его в функции всех основных наклонений глагола» [Виноградов 1947: 604]. Такое употребление инфинитива обычно рассматривается как несогласованная форма простого глагольного сказуемого; см. примеры В. В. Виноградова: А вы стоять на крыльце и ни с места (Н. Гоголь); Дрозд горевать, дрозд тосковать; А он ну кричать. Надо сказать, такое употребление инфинитива, действительно экспрессивное, является все-таки «экзотическим» и малопродуктивным (в отличие от инфинитивных односоставных предложений).

Поразительной активностью и многообразием грамматических и семантических оттенков, «широтой модальных колебаний» (В.В. Виноградов) отличается предикативное употребление инфинитива в составном глагольном сказуемом [Лекант 1976: 62–87].

Общий (и главный) признак данного предикативного употребления инфинитива – это аналитичность. Спрягаемые вспомогательные глаголы выражают основные предикативные значения – время и модальность, т. е. выполняют формальную функцию при инфинитиве.

В понимании существа связи инфинитива и формального глагола закрепилось длительное грамматическое недоразумение: инфинитив характеризуется как зависимый, примыкающий [Грамматика 1954: 409], а состав сказуемого определяется как «глагольное словосочетание» [Сиротинина 1980: 60]. В грамматической

процедуре образования предложений все происходит «полностью наоборот»: не формальные глаголы притягивают инфинитив, а к инфинитиву **подбираются**, подтягиваются, подгоняются требуемые стратегией говорящего формальные глаголы. Их состав сложился, отшлифовался в русском языке в процессе грамматизации. Корпус формальных глаголов весьма обширен, в нем можно определить, отобрать ядро – специализированные единицы: **метаслова** начать, продолжать, кончить (фазисные); хотеть, мочь, решать, готовиться, любить и др. (модальные) – это любимая тема многих грамматистов. Русский язык дает прекрасную и обильную пищу для наблюдений, находок, остроумных догадок и выводов – благо красочная периферия модальных глаголов не имеет краев!

Есть, однако, магистральная проблема аналитической предикативной формы инфинитива – это проблема столкновения и взаимодействия категориального значения инфинитива – потенциальности действия – с грамматическими ресурсами формальных глаголов. В образовании аналитической предикативной формы инфинитива нет того автоматизма и «легкости», которые характерны для именных аналитических форм, в которых наблюдается полное функциональное размежевание между вещественным и формальным компонентами. Глагольная природа инфинитива по-разному реагирует на грамматическую семантику формального глагола и даже на некоторые отзвуки его вещественного прошлого; взаимодействуют и формы вида компонентов. Например: Так понемногу Феона Петровна совсем отвыкла петь (С. Сергеев-Ценский). Отвыкла - «прекратила, перестала» - фазисное значение, однако формальный глагол не утратил модальное значение обычности; ср.: отвыкала петь – протекающее действие. Однако я успел осмотреться вокруг себя (А. Куприн) – успел «смог» – модальное значение возможности (с оттенком своевременности); формы сов. вида в обоих компонентах выражают завершение состоявшегося действия – фазисное значение [Скобликова 1979: 86-87].

Типовые модальные значения возможности, желательности, готовности, долженствования и пр. сами по себе не репрезентируют решительное, категорическое преодоление потенциальности инфинитива – они оценивают отношение действия к субъекту – «действователю» (А.М. Пешковский). Информацию о состоявшемся/несостоявшемся действии содержит конкретное предложение: а) определенно: Я решил отложить встречу с учителем до завтра (Ф. Абрамов) – отложил; Солнце никак не могло пробиться сквозь густые сизые дымы (С. Сергеев-Ценский) – пробивалось; Ромашов любил ходить на вокзал по вечерам, к курьерскому поезду (А. Куприн) – ходил; б) неопределенно: Клавдий Иванович надумал добираться своим ходом (Ф. Абрамов); Я старался меньше размышлять на отвлеченные темы (С. Довлатов).

Иначе складывается партнерство инфинитива с фазисными формальными глаголами. Их грамматизация строго структурирована. Понятия фазы - начало, продолжение, прекращение - соотнесены с понятием длительности, временной продолжительности протекающего действия (поэтому инфинитив включается в аналитическую форму только в несовершенном виде). Фазисные формальные глаголы нейтрализуют потенциальность инфинитива, аналитическая форма обозначает совершающееся субъектом действие в определенном модально-временном плане. Фазисные формальные глаголы сближаются с категорией связок [Абакумов 1942: 133; Гвоздев 1958: 61] по предикативной функции, а их грамматизованная семантика «вливается» в вещественное содержание аналитического сказуемого. Кроме идеальных формальных глаголов могут быть употреблены метафорические формы с фазисной семантикой: Движение народов начинает укладываться в свои берега (Л. Толстой); Я с некоторых пор перестала удивляться вашему поведению (М. Лермонтов); Гармонь все же осталась лежать в шкафу (В. Белов); Сойдя с трактора, взялся Савелий столярничать (В. Распутин); Опять направо и налево пойдет хозяйничать зима (Б. Пастернак).

Мы выделяем особую аналитическую предикативную форму инфинитива с формальным глаголом стать в качестве идеальной, эталонной. Стать (омоним стать - становиться, фазисной связки именного сказуемого) употребляется с инфинитивом только в форме сов. вида (инфинитив только несов. вида), нейтрализует потенциальность инфинитива; аналитическая предикативная форма представляет протекающее действие в прошедшем и будущем времени, соотнесенное с субъектом или бессубъектное: Владимир стал дожидаться (А. Пушкин); Стану сказывать я сказки... (М. Лермонтов); Выехали на тракт. Стало меньше трясти (В. Белов). Эта функция формального глагола стать является «чисто» предикативной [Лекант 2009: 203-204]. Нет оснований относить стать к фазисным глаголам [Грамматика 1954: 410]. Фазисное значение начала действия может присутствовать в аналитической предикативной форме, а может его и не быть: Наконец в стороне стало что-то чернеть (А. Пушкин); Я обманывать себя не стану... (С. Есенин). По мнению А. А. Потебни, в русском языке стану с инфинитивом «может, кажется, становиться чисто вспомогательным <...> с грамматическим оттенком начинательности» [Потебня 1958: 364]. А. Н. Гвоздев счел возможным назвать стать связкой (впрочем, инфинитив обозначен им как «подчиненное», «присвязочное» слово, с чем, конечно, мы не можем согласиться) [Гвоздев 1958: 61].

Надо сказать, данная аналитическая форма инфинитива как эталонная не обладает той высочайшей степенью продуктивности и частотности, которая характерна для именной аналитической предикативной формы с идеальной связкой быть.

Употребительность эталонной предикативной формы инфинитива должна быть специально рассмотрена применительно к стилям речи и с учетом исторической перспективы.

Зависимое употребление инфинитива – довольно значительное явление в синтаксической системе современного русского языка. Это, во-первых, так называемый субъектный инфинитив, примыкающий к спрягаемому полнозначному глаголу (к сказуемому) и характеризующий целенаправленность действия: Лиза пошла в девичью положить в ящик наколотый сахар (Л. Толстой); Чичиков ушел в комнату одеться и умыться (Н. Гоголь); во-вторых, объектный инфинитив, имеющий двойную связь – со сказуемым, глаголом волеизъявления (с девербативом аналогичной семантики), с дополнением: Достоевский приказал жене хоронить себя в Александро-Невской лавре (В. Шкловский); – Позвольте вас просить расположиться в этих креслах, – сказал Манилов (Н. Гоголь); Директор приказал спилить дерево (В. Гаршин); Супрун решил просить командование дать ему другого техника (С. Дангулов).

По поводу такого рода случаев употребления инфинитива современные грамматики ограничиваются краткими меланхолическими замечаниями о функции второстепенных членов: а) обстоятельства цели, б) дополнения. Между тем в соответствующих предложениях осложненная структура реализует потенциальную глагольную семантику инфинитива и представляет каузируемое действие – эти предложения являются структурно-семантически осложненными, полипропозитивными. По мнению А. А. Потебни, инфинитив, «как глагол, всегда относится к категории сказуемого в общирном смысле, т.е. не может быть ни настоящим подлежащим, ни настоящим дополнением» [Потебня 1958: 342].

Наш обзор и анализ синтаксического потенциала инфинитива позволяют сделать два вывода: 1) инфинитив, как независимая категория, занимает особое место не только в системе глагола, но и в арсенале предикативных средств русского языка; б) инфинитив – активный участник грамматических единиц аналитической структуры. Не без учета роли инфинитива в реализации аналитизма как тенденции развития В. В. Виноградов характеризует современный русский язык как язык «переходного аналитико-синтетического строя» [Виноградов 1947: 167].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942.
- 2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
- 3. *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения/Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- 4. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Часть 2. Синтаксис. М., 1958.
- 5. Грамматика русского языка. Том II. Часть 2. Синтаксис. М., 1954.
- **6.** *Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.
- 7. *Лекант П. А.* Инфинитивно-подлежащные предложения/Очерки по грамматике русского языка. М., 2002.
- 8. *Лекант П. А.* Русский инфинитив как грамматическая категория // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М., 2006. № 3.
- 9. *Лекант П. А.* О грамматической форме инфинитивного предложения/Грамматические категории слова и предложения. М., 2007.
- **10.** *Лекант П. А.* Аналитические предикативные формы в современном русском языке. // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. В. III. М., 2009.
- 11. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- 12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- 13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. M., 1958.
- 14. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1958.
- 15. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979.
- **16.** *Тимофеев К. А.* Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- 17. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
- **18.** *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке/Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

«Человек может...» в представлении русского языка «Man can...» from the Russian language point of view

Нахид Шейхи, Сидорова Марина Юрьевна

Nahid Sheikhi, Sidorova Marina Yurievna

Предметом исследования служит семантическое поле 'возможности/способности человека', рассматриваемое через призму модальных конструкций «Человек может...» в русском языке. Пересекающиеся классы этих конструкций демонстрируют разные уровни обобщения суждений о возможностях/способностях человека, а также соответствие возможностей/способностей человека его статусу как одного из элементов постоянно изменяющегося мира. Таким образом, сущность человека раскрывается как единство внешнего и внутреннего, контролируемого и неконтролируемого, границ и их пересечения.

The authors explore the semantic field 'opportunities and abilities of Man' by analyzing modal constructions "Man can..." in the Russian language. Intersecting classes of these constructions represent different levels of generalization and show correspondence between Man's abilities/opportunities and the status of Homo sapiens as one of the elements in the ever-changing world, thus revealing Man's nature as an intersection of the inner and the external, the controlled and the uncontrolled, boundaries and their crossing.

Ключевые слова: русский язык, модальность, возможность, способность, коммуникативная грамматика

Key words: the Russian language, opportunity, ability, communicative grammar

«Человек может…» в представлении русского языка

Шейхи Нахид, М. Ю. Сидорова

Глендаур: Я духов вызывать могу из бездны! Хотспер: И я могу, и каждый это может, Вопрос лишь, явятся ль они на зов...

У. Шекспир. Генрих IV.

Антропоцентризм современной лингвистики является естественным следствием антропоцентрического устройства языка, главным пользователем и «героем» которого является человек [Алпатов 1993], [Антропоцентризм 2003], [Бугорская 2004]. В российской лингвистике XX в. антропоцентрический поворот выразился как в оформлении новых направлений исследования, таких как когнитивистика и коммуникативная грамматика (последняя естественным образом выросла из провидческих идей В.В. Виноградова), и их последовательном сближении на почве интереса к фигуре человека в языке, так и в антропоцентрической переориентации традиционных отраслей русистики. В настоящей статье коммуникативно-грамматический, когнитивный и традиционный лексико-семантический подходы к языку объединяются для исследования того, что с лексико-семантической точки зрения можно было бы назвать ядром семантического поля 'возможности/способности человека, с точки зрения коммуникативной грамматики - сочетаемостью имени класса 'человек' с модальным предикатом может и смысловым глаголом, с когнитивной точки зрения – языковым представлением возможностей и способностей Homo sapiens через сочетаемость с предикатами.

Эта проблема носит и междисциплинарный, можно сказать «общенаучный» характер. Считая себя венцом творения и, как традиционно отмечается в толковых словарях, «обладателем лучших интеллектуальных или моральных качеств», человек испытывает ревнивый интерес к своим возможностям и способностям в этом мире, к способам их расширения и проявления, их границам и всему, что на них посягает. Естественные и гуманитарные науки, с одной стороны, и средства массовой информации – с другой, не устают говорить не только о способностях и воз-

можностях человека, но и о его ресурсах, задатках, потенциале, капитале (имея в виду те же способности и возможности), таланте, одаренности, гениальности. Обсуждаются возможности тела и мозга, особое внимание при этом привлекают возможности/способности тайные, феноменальные, необъяснимые, паранормальные, скрытые...

Объединение возможностей и способностей человека в одном семантическом поле, внешне противоречащее разграничению этих двух модальных значений, на самом деле является оправданным: как мы увидим из приведенных ниже примеров, человеку свойственно рассматривать свои способности как возможности, а возможности использования и познания окружающего мира как реализацию своих способностей, поскольку он одновременно выступает по отношению к ним как диктумный субъект (носитель способностей и возможностей), и как модусный (оценивающий, анализирующий свои способности и возможности), и как субъект-каузатор, способный влиять на свои способности и возможности. Не случайно в текстах о внутренних ресурсах человека и их реализации эти два модальных слова часто выступают в сочинительном ряду и/или как взаимозаменяющие: Способности человека, его возможности и потенциал, значительно обширнее, нежели мы можем себе представить (esoterix.ru); Необъяснимые возможности и способности человека (oppps.ru). Человеческий мозг – возможности и способности. Нет ничего более загадочного и непознанного, чем человеческий мозг, возможности и способности которого волнуют умы учёных. Возможности мозга исследованы не более, чем на 10%, а сам человек использует не более пяти процентов собственного мозгового потенциала. Те, кто изучает возможности мозга, сталкиваются с множеством вопросов, которые в свою очередь требуют изучения. Интересно всё – почему у разных людей такие различные возможности и способности. Существуют разные подходы к пониманию возможностей мозга... Общение с людьми. Разговоры с интересными и умными людьми дают стимул для развития умственных способностей. Привычка всё записывать. Ведение любых записей расширяет возможности мозга (www.megamedportal.ru). Как видим из последнего примера, и относительно человека в целом, и относительно мозга один и тот же ресурс можно назвать возможностями либо способностями.

Представление гуманитарных наук о способностях/возможностях человека входит в терминологическое противоречие с отнесением этих модальностей к ирреальным, потенциальным в грамматике. При обсуждении этого предмета в философии, психологии, медицине принято противопоставлять реальные способности/возможности человека и потенциальные (см., например, [Маслоу 1999] [Фромм 2010]). Причем в ненаучных текстах эти прилагательные могут использо-

ваться в двух противоположных, зеркальных смыслах. В одних контекстах реальными называются стандартные возможности нормального человека, а потенциальными – исключительные, прогнозируемые учеными или демонстрируемые отдельными уникальными индивидами. В других – абсолютно наоборот. Ср.:

Считается, что человек использует свои **потенциальные возможности** не более, чем на 10%. Причем, это относится как к мозгу, так и к телу. Известно и описано множество случаев проявления людьми чудесных способностей, не присущих абсолютному большинству людей... (www.softmixer.com)

И

Опыт показывает, что когда речь заходит о **реальных умственных возможностях**, люди просто отказываются воспринимать даже бесчисленные цитаты из воспоминаний и мемуаров выдающихся людей, результаты экспериментов психологов, опросы аутистов, опросы известных творцов, данные исследований. То, что обычно представляют под способностями, обычно представляет собой какие-то обрывки **реальной мощности мозга** (vse-uchebniki.com).

В одном и том же материале на сайте http://samosoverhenstvovanie.ru/the-real-possibilities-of-human способность некоторых людей переносить экстремальное охлаждение охарактеризована одновременно как реальная способность человека и как потенциальная.

Стремясь к расширению своих возможностей, человек видит совершенствование своих способностей как один из путей. Однако, выступая в своей деятельности как существо не только биологическое, но и социальное, человек не только расширяет свои возможности (путем самосовершенствования или благодаря научнотехническому и общественному прогрессу), но и сужает их, ставя себя в границы норм, предписываемых обществом через традиции и законы, и подчиняясь существующему порядку общественной жизни. Права человека как юридическая категория связываются с его возможностями, но не способностями: «...Права человека как общесоциальная категория представляют собой объективно складывающиеся в результате закономерного развития человеческой цивилизации и вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования человеческой личности в обществе и государстве» [Лукашева 1996]. В то же время человек способен влиять на жизнь общества и окружающий мир в целом.

Следует разграничить предложения, в которых референция имени *человек* ко всему классу *Homo Sapiens* ничем эксплицитно не ограничена (конструкции генеритивного регистра типа

Человек может всё, если захочет. вот только надо много трудиться над своими целями и верить в себя, потому что кроме тебя тебе никто не поможет (otvet.mail.ru);

Человек может храпеть, издавая при этом звук порядка 80 децибел, что сравнимо со сном рядом с работающим отбойным молотком, разрушающим цемент (http://www.garshin.ru);

Не всегда **человек может** изменить обстоятельства. Зато **он может** изменить своё отношение к ним («Известия», 2001)¹),

и предложения, в которых множество субъектов-референтов имени человек –эксплицитно сужено до подкласса, например, с помощью прилагательного-атрибута или местоименного прилагательного makoŭ + описательная конструкция (предложения информативного регистра:

Раньше считалось, что **в России средний человек может** прожить на 1137 руб. в месяц («Коммерсантъ-Власть», 2000);

Путём манипулирования молекулами ДНК и РНК **современный человек может** произвольно и направленно изменять наследственность окружающего его живого мира – бактерий, растений, животных и человека (А.С. Спирин);

Или если судят убийц или разбойников, а среди кандидатов в присяжные есть кто-то, кого в своё время ограбили, то **такой человек может** принять необъективное решение («Газета», 2003)).

В первом типе предложений речь идет о возможностях человека как человеческого рода (выражаясь словами В.И. Даля, «каждого из людей; высшего из земных созданий, одаренного разумом, свободной волей и словесною речью») или его отдельного представителя, реализующего, экземплифицирующего свойства класса. Во втором типе – о возможностях подклассов человеческого рода, ограниченных временными рамками или другими параметрами и не экстраполируемых на дру-

¹ Здесь и далее значительная часть примеров – из Национального корпуса русского языка.

гие подклассы. И те, и другие дают представление о возможностях человека в зеркале языка (только об общих возможностях и о специфических), в отличие от конструкций с полузнаменательным, грамматическим употреблением слова человек в значении 'некий, всякий' (Замок заело? Надо позвать человека (= кого-нибудь), пусть починит), в качестве асемантической части сказуемого, формальной «подпорки» для прилагательного (Вы – человек опасный = Вы опасны; Он честный человек = Он честный), с количественно-именным сочетанием (Он нашел у ней человек двадцать гостей, мужчин и женщин (А. Тургенев)), как эквивалента местоимения он или они = $\pi \kappa \partial u$ (Ты знаешь этого человека/этих $\pi \kappa \partial e u$?) и $\pi \kappa \partial e u$?

Итак, что может человек, по данным русского языка? Какие виды возможностей/способностей человека обозначаются с помощью конструкции «человек может...», рассматриваемой нами в качестве центрального средства выражения этого значения? Естественным образом, если мы хотим учесть и знаменательную часть предиката, и объект, с которым предикат может соединять человека как субъекта конструкции, классификация получается пересекающейся. Ее классы располагаются на трех уровнях:

² Хотя это и не имеет прямого отношения к задачам настоящей статьи, упомянем, что в толковых словарях разграничение значений слова «человек» по степени семантичности, знаменательности, проводится непоследовательно (за вычетом Словаря Ожегова, где этого разграничения нет). См., напр., в Словаре Ушакова: «1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда. ... Эксплоатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как незыблемая основа нашего советского общества. Сталин. Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо (перевод лат. изречения: homo sum et nihil humani a me alienum puto). (Американская демократия) на деле не дает человеку никаких свобод и только маскирует эксплоатацию человека человеком. Ильф и Петров. На бульваре сидело пять человек. Отряд в пятьдесят человек. Кругом совершенно не было людей. Красивый человек. Рослый человек. Здоровые люди. Он нашел у ней человек двадцать гостей, мужчин и женщин. А.Тургенев. Я этого человека никогда не видал. Знаешь ли ты кого-нибудь из этих людей? || только с определением. То же, как носитель каких-нибудь внутренних качеств, свойств, личность. Служил он у нас и был человек честный и не пьющий. Салтыков-Щедрин. Не человек – змея! Грибоедов. Русский человек способен быть действительным героем, но это не выпячивает ему груди и не заставляет таращить глаза. Салтыков-Щедрин. Хороший человек. Добрый человек. Ученый человек. Несчастный человек. Гадкий человек. Что он за человек? Человек он не плохой. Милейший, добрейшей души человек. Невыносимый человек. 2. То же, как обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книжн. ритор.). Человек – это звучит гордо. Максим Горький. З. употр. в знач. местоимения: всякий (т.е. любой человек), никто (т.е. никакой человек), ктонибудь (т.е. какой-нибудь человек) и т.п. Ему ничего не стоит обидеть человека. Человек никогда не должен себя ронять. А.Тургенев. Как можно... написать это человеку, который нарочно за сто шестьдесят верст приехал, чтобы сказать последнее прости. Гончаров. Человек устал, а вы пристаете с пустяками (может быть сказано вместо я устал, он устал, NN устал и др.). – Не всегда, этак случается, чтобы вот стал человек, да и брякнул вам всю подноготную. Это хоть и случается, в особенности, когда человека из последнего терпения выведещь, но, во всяком случае, редко. Достоевский» [Толковый словарь русского языка 1940].

Человек может, потому что он Homo sapiens: нравственные нормы, интеллектуальные, психические, физиологические, физические возможности и способности и их ограничения – внутренние или внешние, например, связанные с научно-техническим прогрессом и т.п.

Человек может как субъект права (возможности, данные извне, «назначенные» человеку обществом)

Человек может, поскольку является членом подмножества (обладает некоторым дополнительным признаком)

«Человек может...» и поэтому обладает каким-либо другим признаком (характеристика способности/возможности человека выступает как способ создания подмножества)

1. Homo sapiens может

- 1.1. Физические и физиологические возможности: Человек может определять направление на звук благодаря тому, что улавливает очень малый промежуток времени, проходящий между моментом восприятия звука одним и другим ухом («Боевое искусство планеты», 2004); Человек может не дышать максимум 5 минут (sila-znaniy.com); Человек может поднять (если за подъем считать присед и становую) максимум 3,5-4 своих веса... (otvet.mail.ru).
- 1.2. Интеллектуальные возможности, направленные на познание внешнего мира или самого себя, на осуществление и совершенствование когнитвных действий: Это углубление в устройство мироздания физик-теоретик Лев Ландау подытожил триумфальным афоризмом: «Человек может познать даже то, что ему не под силу себе представить» («Знание сила», 2003); В романном мире Достоевского человек может познать самого себя не путем чистого умозрения, не с помощью логических процедур (сколь бы изощренными последние ни были) и даже не в результате внутреннего озарения, а только через реальные действия, поступок, благое (или неблагое) деяние (И. Волгин); Или вот, например, человек может научиться читать в двадцать раз быстрее, чем он читает («Пятое измерение», 2002).

- 1.3. Психические возможности: В это состояние человек может себя привести или впасть путем деавтоматизации, деспонтанизации, десимволизации привычных способов видения и действия в мире, отстранения от того, что видится по законам знаково-символических связей на его «культурном» сознании (В.П. Зинченко); Вот в чем заключается дилемма пациента, которая одновременно представляет собой обоснование необходимости психотерапии: насколько человек может раскрыться и позволить затронуть себя тому, что он первично и спонтанно ощущает как «плохое», потому что это причиняет боль, внушает страх, отнимает у него то, что он хочет сохранить? («Вопросы психологии», 2004).
- 1.4. Эмоциональные возможности, способность испытывать и выражать чувства: Согласно этому взгляду переживание человеком радости или других позитивных эмоций не исключает переживания им эмоций противоположного знака: человек может быть (а может и не быть), например, радостным и грустным одновременно («Вопросы психологии», 2004); Мне говорили часто и говорят еще теперь, что человек может тосковать лишь о том, что он испытал (В.Г. Короленко).
- 1.5. Нравственные нормы и качества: Из опыта целой истории человечества мы знаем, что любовь достигает своей полноты, когда делается такова, что человек может отдать свою жизнь, свою душу для любимых; Только ценя свои собственные права, человек может по-настоящему уважать права другого (Г. Горелик).

1.6. Действия:

- 1.6.1. С бенефициантом субъектом действия: Поэтому человек может запоем читать романы и повести, часами слушать музыку, наслаждаться сменяющими друг друга пейзажами, красотами гор, лесов, полей, восходом солнца, архитектурными ансамблями и т. д. («Вопросы психологии»).
- 1.6.2. С бенефициантом субъектом, отличным от субъекта действия: *Надо понять*, что творить законы, ограждать граждан от произвола, осуществлять правовое воспитание человек тожет только по внутреннему убеждению и влечению, согласно требованиям сердца, основанным на любви, совести (Ю. Азаров).

Пункт 1.6. можно членить более дробно, в зависимости от принадлежности акционального глагола в предикате к тому или иному классу в функционально-семантической классификации глаголов Г. А. Золотовой [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

- 1.7. Существование, выживание, способность, не умирая, переносить внешние воздействия (выделяется в отдельную группу, так как (не)возможность, (не)способность человека существовать может быть и физической, и душевной, и нравственной): И вообще человек может существовать на высоте не более 5500 («Совершенно секретно», 2003); Человек может выжить при ударном воздействии в 80 g в течение 3 миллисекунд, но более длительное воздействие становится опасным» («Формула», 2002); Без еды человек может прожить намного дольше, чем без воды («Твой курс», 2004); Человек может умереть от ужаса (стресса), увидев, например, что у него оторвана рука («Солдат удачи», 2004). Знаменательной частью предиката в этой группе служат экзистенциальные глаголы в имперфективной или перфективной функции.
- 1.8. Общая способность развиваться, совершенствоваться, справляться с трудностями (человек и испытания, человек и преодоление трудностей, преград, границ), способность/возможность человека воздействовать на обстоятельства: Человек может хорошо справляться только с одним делом («Даша», 2003). Не всегда человек может изменить обстоятельства. Зато он может изменить свое отношение к ним («Известия», 2001); Самосовершенствование есть и внутренняя работа, и внешняя. Человек не может совершенствоваться без общения с людьми и без воздействия их на него и своего на них (Л. Н. Толстой); Фотография это то искусство, в котором человек может совершенствоваться бесконечно (www.ugra.aif.ru); Человек может преодолеть в этой жизни все, если будет чувствовать в этом смысл! (vk-statys.ru); Учитывайте, что хотя человек и может преодолеть заикание, это не произойдет в одночасье (ru.wikihow.com).
- 1.9. Человек *vs* другие люди. В этой группе объединяются конструкции с диктумными предикатами (отношения человека и других людей, различные способы контакта) и модусными предикатами (авторизационными, сравнительно-сопоставительными, каузативными): Под воздействием «запахов-невидимок» человек может проявлять повышенную общительность по отношению к лицам своего или противоположного пола, вести себя агрессивно или, наоборот, излучать дружелюбие («Домовой»); Человек может превосходить окружение, но зависеть от его мнений и находиться в рабстве у посредственности (vsesochineniya.ru).

- 1.10. Человек vs животные: Благодаря чему человек может приручить практически любое животное? (otvet.mail.ru); Также человек может заразить собаку гепатитом, краснухой, ветрянкой и т.п., возможно гриппом, простудой (otvet.mail.ru); Животное может всё, что может человек, только на более примитивном уровне (otvet.mail.ru).
- 1.11. Человек vs трансцендентные сущности: Считалось, что человек может воздействовать на богов и духов путем жертвоприношений, соблюдением определенных правил и традиций («Пятое измерение», 2003); Поэтому рассуждать надлежит так: Бог посылает человеку только то испытание, которое человек может выдержать; через такое испытание человек укрепляется или искупает грехи, или и то и другое (С. Прокофьев); По отношению к неизменным, вечным заповедям, к Божьему Откровению, человек может быть либо исполнителем их, либо нарушителем (Р. Бухараев).
- 1.12. Человек vs природа: Мой совет каждому: создайте свой сад и ухаживайте за ним, только через садоводство человек может связать себя с такими важными элементами мироздания, как камень, вода, огонь, деревья («Ландшафтный дизайн», 2003); Только человек может сделать воду отвратительной. В океане и ручье, в пруду и реке можно увидеть движение жизни, сияние звезд, многоцветье неба, отражение полета птиц и облаков... (В. Бурлак). В первом примере обратим внимание на то, что взаимодействие человека и природы рассматривается как часть взаимодействия человека и мироздания.
- 1.13. Человек vs машина (конструкции с диктумными и модусными предикатами): Космос среда для человека враждебная, загадочная, приборы могут все фиксировать, регистрировать, но только человек может понимать и разгадывать («Известия», 2003); Это легко для компьютера, но в нашем мышлении для этого нет специального механизма человек может запомнить огромное количество слов, потому что понимает их смысл, то есть знает их связь с предметами, которые видит и использует в жизни; и для видения и использования у человека есть особые способности, то есть механизмы, отчасти врожденные, отчасти развитые в детстве, вместе с языком («Звезда», 2003); Сегодня на Марсе работают аппараты «Спирит», «Опортьюнити» и передают научную информацию в объеме, достаточном, чтобы раскрыть тонкие составляющие в исследованиях атмосферы, грунта, и на этом фоне трудно представить, в чем человек может с ними конкурировать («Наука и жизнь», 2007); Человек может превзойти компьютер (totalchess.spb.ru).

- 1.14. Возможности человека, связанные с научно-техническими (внешними) «расширениями человека», и их ограничения: Человек может только всеми доступными ему средствами верифицировать задействованные компьютерные программы (В. А. Успенский). Способности людей не только расширяются, но и ставятся под вопрос научно-техническим прогрессом: Проблемы оценки множества потенциальных взаимодействий будут здесь те же, что при конструировании белков, но возведенными в колоссальную степень: ведь человек может охватить взглядом отдельный белок и его ген (они умещаются на одной книжной странице), но никак не геном в целом (100 000 страниц) («Наука и жизнь», 2006).
- 1.15. Человек и история, человек и общественный прогресс: Общие историки, описывающие жизнь целых народов, считают, что составная величина многих усилий как раз и производит с неизбежностью необходимый результат и что будто бы по этой причине всякий человек может своей волей повлиять на ход и развитие так называемого прогресса (И. Адамацкий); Подчеркивая, что только человек может быть источником и носителем исторического развития, К. Брейзиг, например, утверждал, что задачей социального историка, задающего вопрос о создателе социальных феноменов, должно стать исследование человеческой души (И. М. Савельева, А. В. Полетаев);
- 1.16. Человек и его ипостаси, роли, вероятные пути: Человек может быть живым, человек может умереть, но не готов так долго быть умирающим («Искусство кино»); Поэтому в разных ситуациях, попадая в разные группы людей, один и тот же человек может выступать в разном качестве («Боевое искусство планеты», 2003); Как человек может быть одновременно великим инженером, изобретателем, футурологом, архитектором, модельером, наездником, фехтовальщиком, химиком, механиком? («Известия», 2002).

Как было сказано выше, классы по необходимости являются пересекающимися. Например, последний пример в п. «Человек vs трансцендентные сущности» является в то же время иллюстрацией возможности человека выступать в разных ролях, ипостасях.

2. Субъект права может

Кроме того, использовать эту льготу человек может всего лишь один раз в жизни (www.rbcdaily.ru); Если и власть в течение 30 дней не ответит, человек может продавать свой пай кому пожелает, но по цене не ниже, чем указывал в письме («Аргументы и факты», 2003). Этот тип возможностей может возникать у человека по закону, по традиции, по общественным установлениям и договоренностям: В отличие от других научных проектов, HST не используется исключительно отдельной группой специалистов, разработавших данный телескоп, или группой астрономов из одной лаборатории или института; в принципе, любой человек может провести свое наблюдение при помощи HST (www.uznaem-kak.ru).

3. Человек может как член подмножества

Человеку как члену подмножества присваиваются в качестве возможностей или способностей те же классы признаков, что и для человека в целом, но их реализация ставится в зависимость от дополнительных параметров, эксплицированных в предложении и сужающих референцию слова человек. Сужение множества может производиться разнообразными способами, не только с помощью прилагательного-атрибута и не только в пределах одной предикативной единицы: ... Только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и понять смысл жизни, кто в своем куске хлеба не ощущает горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти («Семейный доктор», 2002). Прилагательное или другой способ сужения референции слова человек до подкласса семантически связаны с тем, что этот подтип человека может, а само слово человек выступает как более или менее неполнознаменательная формальная «подпорка»: Русский человек может продуктивно существовать, если только он идеалист по химическому составу крови, и его не так волнует провалившаяся крыша, как именно Царствие Божие на земле (В. Пьецух) = Русский может продуктивно существовать, если только... Для экспликации причинно-следственных отношений между атрибутом слова человек и предикатом с может можно использовать условную конструкцию:...Только свободный человек может реализовать себя как личность, осуществив свое предназначение на Земле с максимальной пользой для себя и общества («Известия», 2003) = Только если человек свободен, он может...; Только честный <u>человек</u> может быть хорошим работником, семьянином, граждани**ном**, <u>человеком</u>, любящим свою семью, свою родину (Ю. Азаров) = Только если человек честен, он может... (в последнем примере попутно обратим внимание на использование в роли субъекта и в предикате слова человек в двух значениях).

Особое место среди этих предложений занимают те, где атрибут называет качество, присущее Homo sapiens как биологическому виду, но деформированное в данном подмножестве, а предикат с может обозначает либо следствия из этой деформации Человек с болезнью Альцгеймера может потеряться даже в знакомом месте (moskovskaya-medicina.ru) = Если у человека болезнь Альцгеймера, то..., либо признаки, ей противоречащие: Незрячий человек может правильно выбрать направление в незнакомой обстановке и свободно ездить, например, в ньюйоркском метро («Коммерсантъ-Власть», 2002) = Даже незрячий человек, человек, несмотря на свою незрячесть, может...; Все данные обрабатываются и отображаются на светодиодах в виде наборов разноцветных точек, в которых слабовидящий человек может узнать контуры людей или предметов (drbobah.com) = Даже слабовидящий человек, человек, несмотря на свое слабое зрение, может... Интересны также конструкции с прилагательным нормальный, в которых не всегда можно противопоставить значения 'соответствующий норме Homo sapiens', 'обычный' и 'умственно/психически полноценный': Откуда нормальный человек может знать такие вещи? (И. Ефимов); При этом нормальный человек может купить тот же самый транквилизатор или антидепрессант безо всякого рецепта со сравнительно небольшой переплатой в нескольких известных точках города («Частный корреспондент», 2010).

4. «Человек может...» – способ создания подмножества

Человек может быть субтильного телосложения или совсем не воинственного вида, но в конфликтной ситуации он без раздумья первым переходит к агрессивным действиям либо отвечает агрессией на агрессию, причем пускает в ход оружие или опасные для жизни и здоровья противника приемы («Боевое искусство планеты», 2004); Человек может совершенно не интересоваться политикой, не иметь представления о курсе доллара, не ходить в театр, но экологические проблемы его волнуют всегда («Московский комсомолец», 2003). Здесь, в отличие от предыдущего пункта, может – это характеристика, которая ограничивает множество, а не свойство, приписываемое членам множества, ограниченного другим образом; ср. (из п. 3): Впервые попавший на хардкор-пати человек может подумать, что в зале идет массовая кровопролитная драка не на жизнь, а на смерть («Хулиган», 2004).

Данная классификация, как любая попытка классификации, относящейся к человеку, носит упрощенный характер. Тем не менее она отражает основные характеристики парадигмы возможностей/способностей человека:

- существует органическая взаимосвязь между интеллектуальным, психическим, эмоциональным и нравственным миром человека и его поступками;
- способности, возможности и права человека могут восприниматься и «портретироваться» в языке как объективно ему присущие, а могут пропускаться через модусную рамку саморефлексии (*Человек может быть единственным только сам для себя* (А. Слаповский));
- человек может совершать контролируемые поступки и быть подвержен неконтролируемым событиям;
- ограничения и расширения возможностей человека связаны как с его внутренней сущностью, так и с окружающим миром;
- человек имеет права, закрепленные традицией, законом, его человеческим статусом;
- возможности, способности и права человека могут проистекать из человеческой сущности как таковой, из принадлежности к классу или из индивидуальных особенностей человека;
- человек может приспосабливаться к ситуации или преодолевать ее;
- человек способен влиять на мир вне себя, на других людей и на самого себя;
- возможности и способности человека связаны с тем, что он общественное существо;
- оценивая свои возможности и способности, человек соотносит себя с животными, машинами, трансцендентными сущностями, природой и мирозданием в целом, прогрессом научно-техническим и общественным.

ЛИТЕРАТУРА

- **1.** *Алпатов В. М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // Вопросы языкознания. 1993, № 3.
- 2. Антропоцентризм в языке и речи. СПб., 2003.
- 3. *Бугорская Н. В.* Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психологии. 2004, № 2. С. 18–25.
- 4. *Золотова Г. А.*, *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- 5. Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М., 1996.
- 6. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
- 7. Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. Ушакова Д. Н. Т. 4. М., 1940.
- 8. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2010.

Глядя в прошлое: новаторские идеи русских языковедов, опередившие свое время

Looking back to the Past: Innovative Ideas of Russian Linguists ahead of their Time

Храковский Виктор Самуилович

Khrakovskiy Victor Samuilovich

В статье рассматриваются работы русских лингвистов XIX – начала XX в., взгляды которых созвучны идеям представителей европейской лингвистики первой половины XX в. (Л. Теньера и III. Балли). Автор показывает, что идеи вербоцентризма существовали в русистике XIX в. наряду с идеей номиноцентризма.

The article discusses some works belonging to Russian linguists of the 19th and early 20th century. The author shows these works prove to be conformable to certain ideas brought forward by European linguistics of the first half of the 20th century and asserts that in Russian 19th century's linguistics the ideas of verb centrality were already known alongside with that of noun centrality.

Ключевые слова: синтаксис, история синтаксической науки, структура предложения, стеммы, вербоцентризм, модальная рамка.

Keywords: syntax, history of syntactic studies, sentence structure, verb centrality, parts of a sentence, modal frame.

Глядя в прошлое: новаторские идеи русских языковедов, опередившие свое время

В.С. Храковский

История русского языкознания XIX и самого начала XX века довольно хорошо изучена, однако следует подчеркнуть, что она изучалась не столько проблемно и концептуально, сколько персонально. Благодаря трудам академика В.В. Виноградова [Виноградов 1958, 1975, 1978] и ряда других исследователей, см. например [Александров 1963, Кацнельсон 1985, Бондарко 1985], мы неплохо осведомлены о творчестве таких выдающихся русских ученых как А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, К.С. Аксаков, А.А. Потебня, А.С. Будилович, В.П. Сланский А.В. Добиаш, Д.Н. Овсянико-Куликовский, Ф.Ф. Фортунатов и др. Лингвистические проблемы эпохи характеризовались в основном сквозь призму творческих биографий и анализа деятельности этих ученых.

Очевидно, уместно сразу же сказать, что изучение истории любой конкретной науки, и в том числе языкознания, сопряжено по меньшей мере с двумя объективными трудностями. Во-первых, нас подстерегает опасность модернизации науки прошлого. Будучи вооружены знаниями начала XXI века, мы можем вопреки нашему желанию «увидеть» в языкознании XIX и самого начала XX века то, чего в нем на самом деле не было. Вместе с тем более прискорбно по своим последствиям смотреть и не увидеть те идеи и методы исследования, которые, пусть в зародышевой форме, появились уже в XIX веке, хотя, как принято в настоящее время считать, они возникли намного позже.

Цель настоящей публикации как раз и состоит в том, чтобы обратить внимание на те открытия, которые были сделаны в языкознании XIX и самого начала XX века, но остались незамеченными и были переоткрыты спустя много лет.

Как известно, для современного языкознания характерно наличие ряда синтаксических концепций, предлагающих различные описания структуры предложения. Не останавливаясь на сущностных сходствах и различиях между этими концепциями, подчеркнем, что все они пользуются теми или другими графическими схемами синтаксической структуры предложения, представляющей собой объект, не данный нам в непосредственном наблюдении. Принято считать, что первым к помощи схем при анализе синтаксической структуры предложения обратился А. М. Пешковский, а более широко схемы были использованы Л. Теньером. А. М. Пешковский, очевидно, первым использовал две схемы со стрелками для различения синтаксической омонимии, при анализе предложения Вели ему помочь [Пешковский 2001: 44–45].

Хотя А.М. Пешковский, по-видимому, не придавал этим схемам какого-либо теоретического значения, Ю.Д. Апресян справедливо считает, что «здесь интуиция привела его к эпохальному открытию - возможности представлять структуру предложения в виде дерева зависимостей» [Пешковский 2001: XVII]. В отличие от А.М. Пешковского Л. Теньер уже осознанно представил синтаксическую структуру предложения в виде дерева зависимостей, введя понятие стеммы, которое он характеризует следующим образом: «Совокупность линий, изображающих синтаксические связи, образуют стемму. Стемма наглядно изображает иерархию связей и схематически показывает все узлы и образуемые ими пучки. Таким образом, стемма представляет собой материализованную в наглядной форме структуру предложения» [Теньер 1988: 26]. К определению стеммы Л. Теньер делает важное примечание, которое мы считаем нужным воспроизвести здесь почти целиком: «Впервые замысел стеммы возник у меня в июне 1932 г. Первые стеммы были опубликованы в моей статье «Как строить синтаксис», написанной в сентябре 1933 г. и вышедшей в свет в журнале «Bulletin de la Faculté des Lettres de Strassburg» в мае - июне 1934 г. В частном преподавании я начал применять стеммы с 1935 г., а в 1936 г. я использовал их при чтении лекций в Страсбурге. В 1936 г. я посетил СССР. Купив там несколько грамматик русского языка, я с радостью обнаружил в них независимо возникшее представление о стеммах. Наиболее ранней публикацией из тех, где я обнаружил стеммы, была работа Д. Н. Ушакова, А.М. Смирновой и Н.Н. Щепетовой «Учебная книга по русскому языку» (М.–Л., Госиздат, 1929, часть 3, с. 6 и 7, и часть 4, с. 5). Я слышал, что С. Г. Бархударов и Принцип, ученики Л. В. Щербы, использовали стеммы, начиная с 1930 г. Кроме того, я обнаружил стеммы в «Грамматике» С. Г. Крючкова и М. В. Светлаева (М., 1936, с. 6 и 7)» [Теньер 1988: 26-27].

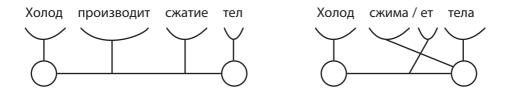

Это примечание можно резюмировать следующим образом. Во-первых, Л. Теньер вполне осознавал, что он не является первооткрывателем стемм. Во-вторых, в Советском Союзе уже в конце 20-х годов, стеммы достаточно широко применялись в учебной литературе по русскому языку.

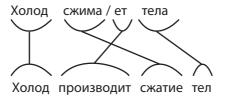
Однако осознанное применение схем для анализа предложения появилось раньше. Наши разыскания позволяют думать, что первым (первым ли?) схемы для анализа предложения в конце XIX века применил крупный отечественный лингвист В.П. Сланский³. Он, в частности, писал: «Мы считаем не лишним пользоваться между прочим **чертежным способом** (выделено нами – В. X.) выяснения дела [Сланский 1886: 23]. По мысли В.П. Сланского, содержание любого предложения отражает следующая схема, или, как говорил В.П. Сланский, фигура:

В этой схеме круги обозначают два понятия (вещи), из которых состоит предложение, а линия, соединяющая круги, обозначает то отношение, которое связывает между собой понятия (вещи). Далее В.П. Сланский показывает, как синонимичные предложения Холод производит сжатие тел и Холод сжимает тела соотносятся с выражаемым ими содержанием:

 ${\rm M}$ наконец, на основании этих схем В. П. Сланский показывает, как эти предложения соотносятся друг с другом:

³ Подробно о творчестве В.П. Сланского см. [Виноградов 1959, Бондарко 1985].

Важно подчеркнуть, что для В.П. Сланского схема представления содержания предложения – это не столько способ представления, сколько средство познания. По его словам, «применением к означенным анализам чертежных приемов, помимо большего выяснения требующихся понятий, придавались бы этим последним точность и определенность почти математические» [Сланский 1886: 135].

Идем дальше. В соответствии с положениями, развиваемыми современной синтаксической семантикой, простое «предложение отражает минимум одну ситуацию. Ситуация, соответствующая элементарному автономному глагольному предложению, - это предикатное выражение, которое состоит из предиката и набора его аргументов (семантических актантов)» [Касевич, Храковский 1981: 7]. Отдельным элементом содержания предложения является модальная рамка, которая понимается как сложная структура, имеющая места для модальностей говорящего и слушающего ('Я полагаю, что ты понимаешь, что'). Такая модальная рамка имеется в любом предложении независимо от того, выражена она эксплицитно или нет. Концепцию модальной рамки принято возводить к учению о модусе и диктуме, которое развивает Ш. Балли. Этому швейцарскому ученому принадлежит мысль о том, что предложения типа Идет дождь фактически с учетом имплицитного модального значения должны интерпретироваться как 'Я утверждаю/считаю (модус), что идет дождь (диктум). Напомним, что идеи о модусе и диктуме Ш. Балли развил в своей известной книге «Linguistique générale et linguistique française», первое издание которой вышло в 1932 году (русский перевод 1955 г.). Однако значительно раньше, в 1902 году известный русский лингвист Д.Н. Овсянико-Куликовский в работе «Синтаксис русского языка» в эксплицитной форме высказывал аналогичные идеи. Он, в частности, писал: «Предицируя, мы как бы имеем в виду себя, свою личность, мы ощущаем или осознаем себя как виновника акта предицирования: так предложение «снег бел» заключает в себе, в скрытом виде, следующее - невыраженное - движение мысли: «Я (говорящий, думающий) знаю, полагаю, утверждаю и т.д., что признак белизны должен или может быть приписан снегу как его предикат» [Овсянико-Куликовский 1902: 28].

Творчество Д. Н. Овсянико-Куликовского уже служило предметом анализа. В частности, подробный и, к сожалению, далеко не объективный разбор его взглядов принадлежит академику В. В. Виноградову [Виноградов 1978]. В этой связи возникает следующий вполне закономерный вопрос. Почему в таком случае до сих пор не было привлечено внимание исследователей к его идеям относительно модальной рамки? Мы усматриваем по меньшей мере две причины такого положения. Во-первых, эти идеи остаются вне основных научных интересов Д. Н. Овсянико-Куликовского, а, во-вторых, и это главное, распознать идеи модальной рамки

было нельзя до того, пока не была сформулирована соответствующая концепция. Но после того, как эта концепция стала широко известной в нашей стране (напомним, что русский перевод книги Ш. Балли вышел в 1955 г.), распознать относящиеся к ней идеи стало не так уж трудно.

Хотя Л. Теньера по праву считают создателем вербоцентрической концепции предложения, у него в XIX веке в России был предшественник. Мы имеем в виду оригинального и смелого исследователя А. А. Дмитриевского, мимо творчества которого прошли современники, и до недавнего времени его работы оставались сравнительно мало известными⁴. Он высказал ряд новаторских идей относительно синтаксического строения предложения, из которых отдельные не утратили актуальности до наших дней. Его основная работа – большая статья «Практические заметки о русском синтаксисе», которая отдельными выпусками печаталась в журнале «Филологические записки» в 1877 и 1878 гг.

Самое важное его достижение – новаторская для своего времени и, добавим, принятая и в настоящее время трактовка иерархии членов предложения. Первое существенное утверждение А.А. Дмитриевского в этой области состоит в том, что в предложении не два главных члена: сказуемое и подлежащее (господствующая в его время точка зрения), а только один – сказуемое. Что касается подлежащего, то оно, по сути, является одним из дополнений. Вот что говорит сам А.А. Дмитриевский: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограниченный властелин, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение: если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение. Иначе сказать: и само предложение есть не что иное, как сказуемое, или одно, или с приданными ему другими членами» [Дмитриевский 1877, вып. IV: 22–23].

По мнению А.А. Дмитриевского, это утверждение имплицитно высказал уже А.А. Потебня: «...хотя г. Потебня и не назвал прямо подлежащее второстепенным членом, все-таки minimum предложения он признает в одном сказуемом, а не в сказуемом и подлежащем [Дмитриевский 1877, вып. IV: 37]. Аргументацию этого утверждения А.А. Дмитриевский находит в том, что роль подлежащего при одних сказуемых аналогична роли дополнений при других: «...как для одного сказуемого ближайшее – подлежащее, так для другого ближайшее – какое-либо из дополнений и столь же важно для него, как подлежащее для первого. Значит, подлежащее играет столь же второстепенную роль в предложении, как и допол-

нение» [Дмитриевский 1877, вып. IV: 30]. В подтверждение высказанной мысли А. А. Дмитриевский сопоставляет такие примеры, как свищет соловей, ветер, не слышно песен на лугах, жаль мне, его бранят, запахло деттем, о пустяках не говорят. Еще один аргумент А. А. Дмитриевского заключается в обратимости подлежащего и дополнения, т.е. в том, что эти члены предложения в ряде случаев могут меняться местами. Имеются в виду примеры типа Мне жаль ← Э Я жалею и т. п. А. А. Дмитриевский не строит иллюзий относительно того, что эта его мысль найдет последователей. Он пишет: «Я уверен даже, что и многие педагоги, и, может быть, долго, будут чтить подлежащее как бога-громовержца, главного и единственного громовержца сказуемого. Ну и благо им!» [Дмитриевский 1878, вып. VI: 27]. Автор подчеркивает, что многие добросовестные научные заблуждения живут века, приводя в качестве одного из примеров историю открытия вращения земли вокруг солнца и сопоставляя картины мира Птолемея и Коперника.

Второе утверждение А.А. Дмитриевского состоит в том, что, хотя подлежащее и является одним из дополнений, оно вместе с тем является главным дополнением: «...в ряду дополнений подлежащее – главное дополнение, по сравнению со сказуемым, оно второстепенный член предложения» [Дмитриевский 1878, вып. VI: 17–18]. «...из всех дополнений самое ближайшее и непосредственно примыкающее к сказуемому есть подлежащее» [Дмитриевский 1878, вып. II: 68–69]. В этом утверждении, по существу, высказывается мысль об иерархической организации формально однородных и непосредственно зависящих от сказуемого второстепенных членов предложения.

Третье утверждение А. А. Дмитриевского заключается в том, что определения рассматриваются не как члены предложения, а как части тех членов предложения, от которых они непосредственно зависят. «Определение стоит в предложении не особняком» [Дмитриевский 1878, вып. IV: 86].

Следует отметить, что все перечисленные утверждения А. А. Дмитриевского оживленно дискутировались в языкознании XX столетия.

Несколько любопытных соображений высказал А. А. Дмитриевский по вопросу о формальных связях между словами в предложении. Он, кажется, первым предположил, что сказуемое связано с подлежащим не только и не столько связью согласования, сколько связью управления. «Сказуемое, управляя косвенным падежом, управляет и именительным падежом; подлежащее есть один из видов, которое, следовательно, разделяется на номинативное или подлежащее, аккузативное, или прямое, и косвенное. От природы сказуемого зависит, может ли при нем

стоять каждый из этих видов дополнения или нет» [Дмитриевский 1878, вып. II: 68]. Что касается согласования сказуемого с подлежащим, то это более или менее случайный признак, который не всегда соблюдается и зависит целиком от природы сказуемого. Мысль о том, что два члена предложения могут быть связаны одновременно двумя различными формальными связями, а не одной, как считалось до того времени, представляется чрезвычайно важной для теории формальных связей.

А. А. Дмитриевскому принадлежит образная динамичная характеристика предложения, в соответствии с которой «предложение есть драма, представление мысли посредством слова, которое является как бы актером того действия, которое есть мысль» [Дмитриевский 1877, вып. III: 12]. «Предметы-дополнения – действующие лица сцены; обстоятельства - сама сцена, а предложение - драма мысли» [Дмитриевский 1878, вып. IV: 76]. Удивительным образом много лет спустя к сравнению предложения с театральным представлением, используя сходную терминологию, прибегает Л. Теньер: «1. Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков... выражает своего рода маленькую драму. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства. 2. Если перейти от плана драматической реальности к плану структурного синтаксиса, то действие, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и сирконстантами [Теньер 1988: 117]. То обстоятельство, что у двух исследователей, работавших в разное время и в разных странах при анализе предложения возникают одинаковые ассоциации, свидетельствует об их адекватном понимании устройства предложения.

Оценивая в целом творчество А. А. Дмитриевского, следует сказать, что хотя он, в отличие от Л. Теньера, не создал целостной и развернутой концепции предложения, однако высказал ряд смелых, подчас спорных идей, которые, опережая свое время, очень долго оставались неизвестными и были вновь переоткрыты уже в середине XX века.

Резюмируя все изложенное, следует признать, что мы все еще недостаточно хорошо знаем идеи и методы, ранее высказанные в русском языкознании. В этой связи мы полагаем, что необходимо очень тщательно вглядываться в труды наших предшественников для того, чтобы выявить все те ростки нового, которые до сих пор остаются неизвестными или забытыми, вследствие чего у нас существует обедненное представление о русском языкознании XIX – начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Александров И. М.* Проблема второстепенных членов предложения в русском языке // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1963. Т. 236.
- 2. *Апресян Ю. Д.* «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- 3. Бондарко А. В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К. С. Аксаков, А. А. Потебня, В. Н. Сланский) // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
- **4.** *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958.
- **5.** *Виноградов В. В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- 6. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- 7. *Дмитриевский А. А.* Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки, 1877, вып. III, IV; 1878, вып. I, II, IV, VI.
- **8.** *Кацнельсон С. Д.* Теоретико-грамматическая концепция А. А. Потебни // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
- 9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- **10.** *Сланский В.* Грамматика как она есть и как должна быть: Пять научных бесед, предложенных в С-Петербургском Педагогическом музее. СПб, 1886.
- 11. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- **12.** *Касевич В. Б., Храковский В. С.* Общие вопросы семантики конструкций с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатным актантом. Л., 1981.
- 13. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб. 1902.
- **14.** *Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- **15.** *Храковский В. С.* Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // ВЯ. 1983. № 3.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Из наблюдений над пушкинскими текстами

On Studying Alexander Pushkin's texts

Иванова-Лукьянова Галина Николаевна

Ivanova-Lukjanova Galina Nikolaevna

В первой части статьи «Лета к суровой прозе клонят» проводится сравнительный интонационный и семантико-стилистический анализ поэтического и проза-ического описаний осени у А.С. Пушкина. Автор предлагает методику измерения степени ритмической организации текста. Во второй части статьи «Ускользающая интонема» утверждается необходимость выделения интонемы ровного типа (помимо традиционно выделяемых русистикой восходящей и нисходящей). На примере поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» прослеживается, как редакторская пунктуационная правка изменила авторский интонационный рисунок.

In the first part of the article the author conducts comparative intonational and semantical and stylistical analysis of poetical and prose descriptions of autumn by Alexander Pushkin. A method of measuring the degree of rhythmic organization of a text is offered. The second part of the article dwells on the importance of taking into consideration the intoneme of the even type (besides the ascending and descending types traditionally discussed in the Russian linguistics). Basing on Alexander Pushkin's poem *The Gypsies*, the author traces changes in the original intonation pattern of the text due to punctuation corrections in different editions.

Ключевые слова: анализ художественного текста, интонация, поэзия и проза, интонема ровного типа, интонема восходящего типа, интонема нисходящего типа, редакторская правка.

Keywords: fiction text analysis, intonation, poetry and prose, intoneme of the even type, descending and ascending intonemes, editorial corrections.

Из наблюдений над пушкинскими текстами

Г. Н. Иванова-Лукьянова

І. «ЛЕТА К СУРОВОЙ ПРОЗЕ КЛОНЯТ»

«Лета шалунью рифму гонят...» В этих стихах слышится мысль о некоем временном рубеже, когда на смену поэзии приходит проза: «старинной нет охоты...» – «другие, новые мечты». Но никакой временной границы между Пушкиным-поэтом и Пушкиным-прозаиком никогда не было: две противоположные стихии развивались в нем параллельно и обособленно друг от друга на протяжении всей его жизни. При этом остается только удивляться непохожести поэтических и прозаических строк, удивляться тому, как из-под одного пера в одно и то же время то вылетали «летучие листы» с причудливо декорированными словами и образами, то появлялись страницы скупой, сдержанной прозы. Два разных Пушкина словно разошлись по двум эпохам; само время словно раздвоилось в Пушкине, распалось на настоящее, в котором он жил, и будущее, в котором живем мы.

Если представить себе других литераторов, совмещавших эти два рода творчества, то контраст между их поэзией и прозой вряд ли будет таким резким. Взять, к примеру, таких прозаиков, писавших стихи, как И.С. Тургенев, И.А. Бунин, а из наших современников – В. Солоухин, или таких поэтов, писавших прозу, как М. Цветаева, Б. Пастернак, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Б. Ахмадуллина. Каждый из них имеет свой стиль, свою меру сложности, свои языковые особенности, узнаваемые как в стихах, так и в прозе.

Для нас Пушкин по преимуществу поэт, хотя за границей его знают как великого прозаика. Это оттого, что там не знают поэта Пушкина. Его стихи не поддаются переводу. «Красуйся, град Петров...» или «Восстань, Пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моей» – это перевести нельзя. И невозможность перевода пушкинских поэтических строк кроется не в стихотворной форме (она никогда не была препятствием для переводчиков), а прежде всего в обилии старославянизмов, создающих непереводимую стилистическую многоплановость текста,

которая сложилась в результате особенностей исторического развития русского литературного языка. В отличие от стихов, проза Пушкина оказалась свободной от этой многоплановости и потому открытой для мировых языков.

Мы, читающие Пушкина в подлиннике, приняли на веру его тезис, что *стихи* и проза – это лед и пламень, и давно привыкли к тому, что поэзия и проза стоят у Пушкина на разных эстетических основаниях: для поэзии – это изысканность, роскошь, барочность; для прозы – скромность, простота, строгость классицизма. В чем причина такого последовательно выдержанного противопоставления? Привычка притупляет поиск причины. Возможно, она кроется не в самом Пушкине, а в том месте, где формировалось его эстетическое и нравственное чувство, его вкус, где началось творчество и проснулся гений.

«Я с детских лет здесь возрастал», – писал Пушкин о Царском Селе. Этот уникальный уголок земли, ставший для него поэтической колыбелью, соединил в своей архитектуре противоположные, но гармонично сливающиеся детали. В одно и то же время на одном пространстве Растрелли возводил дворец для царицы, а русские архитекторы создавали постройки малых форм трогательной простоты. На смену барокко приходил ранний классицизм, и маленький Пушкин «возрастал», созерцая то пышное великолепие Екатерининского дворца Растрелли, то величавую простоту Александровского дворца Кваренги, то строгие формы лицея русского архитектора В.И. Неелова. Контраст создавался также соседством пейзажных и регулярных парков, когда причудливых форм цветники сменялись четкими прямыми каналами и канавками в обрамлении темных аллей. Все это создавало постоянную смену впечатлений и чувств – от величественности до строгой простоты, от праздничности до уединенности, от бурного веселия до печали и одиночества. Не те ли это контрасты в настроении и в стиле, которые поражают нас в Пушкине, когда мы сравниваем его стихи и прозу?

Сравним два пушкинских текста, которые отличаются друг от друга, на первый взгляд, только тем, что один написан стихами, а другой – прозой. Это сравнение пришло случайно, когда мы нашли в «Повестях Белкина» нечто похожее на проза-ический подстрочник знаменитых стихов об осени: «Унылая пора! очей очарованье!..» (ст. «Осень», 1833 г.). Если освободить этот стих от всех поэтических атрибутов: рифмы, размера, тропов, экспрессивно-стилистической окрашенности, – то получатся такие соответствия:

```
унылая пора – осень, 
в багрец и в золото одетые леса – красные и желтые листья деревьев, 
ветра шум и свежее дыханье – дует холодный ветер, 
мглой волнистою покрыты небеса – серые тучи покрывают небо.
```

А вот и сам текст, составленный из этих соответствий:

(А.С. Пушкин. «Станционный смотритель», 1830 г.)

Сопоставляя даты создания этих текстов, приходится изменить первоначальное представление о, якобы, «подстрочнике»: это не стихи, преобразованные в прозу, а проза, переписанная стихами; вернее всего, это один и тот же предметно-образный ряд осенней темы у Пушкина.

Нарочито упрощенный, лишенный каких-либо выразительных средств, текст выдвигает иные, чем в стихе, эстетические критерии оценки – он ритмически совершенен. На смену стихотворному размеру в ритмической прозе приходит равновеликость междуударных интервалов и длины фраз, а также четкость в чередовании восходящих, нисходящих и ровных тонов. Изменение этой ритмической гармонии, даже едва заметное, разрушает прозу так же, как разрушает стих плохая рифма или метрический сбой.

К ритму прозы не раз подходили с мерками стиха – и безуспешно. Если же подойти к стиху с прозаическими критериями оценки, то окажется, что по первой характеристике (слоговой) эти тексты вполне могут быть сопоставимы. Междуударные интервалы в том и другом тексте выравнены в пределах среднего и имеют всего по одному отклонению от него.

В прозе с высокой степенью ритмической организации слоговые интервалы между соседними ударениями не должны быть превышены или сокращены более чем в два раза, по сравнению со средним интервалом данного текста.

Средний интервал между ударениями в том и другом тексте примерно одинаков: в стихотворном тексте – 1,9 слога; в прозаическом – 1,7. Значит, интервал в четыре слога и более, а также нулевой интервал будут считаться нарушением некой условно принятой идеальной ритмичности, при которой отклонения от регулярного чередования ритмообразующих единиц равно нулю. Для удобства подсчетов достаточно учитывать именно эти пороговые величины.

Итак, нарушение идеальной ритмичности встретилось в данных текстах всего по одному разу: в стихе – u первые морозы, u отдалённые седой зимы угрозы, где встретился интервал в четыре слога; в прозе – yнося красные..., где встретился нулевой интервал. Разделив количество нарушений на количество всех интервалов, получаем числовое выражение слоговой ритмической характеристики: для стихотворного текста она составляет 0,03 (1:34 = 0,03); для прозаического – 0,06 (1:17 = 0,06). Эти цифры обозначают процент отклонений от идеальной слоговой ритмичности. В данных примерах мы получили очень высокий показатель; для прозы – это большая редкость.

Теперь изменим пушкинский текст, увеличив число нарушений.

Была осень.
$$-//-$$
 Серенькие и низкие тучи $/---/-$ покрывали все небо, $--/-/-$ злой ветер, усиливаясь, обдавал холодом, $//--/---/-$ унося красные и желтые листья, $--//---/-$ сорванные с деревьев. $/---/-$

Получилось уже 8 нарушений на 18 интервалов, и слоговая ритмическая характеристика стала равна 0,44. Такой показатель встречается в текстах с низкой степенью ритмичности. Нарушенная размеренность расстояний между двумя ударениями сделала текст тяжеловесным. Заметит ли это читатель? Почувствует ли, что оригинальный текст по сравнению с измененным звучит как ритмическая проза, но при этом вовсе не как стихи?

Таким образом, если подойти к ритму стиха с мерками прозы, то можно заметить, что показатели слоговой характеристики в обоих текстах могут быть почти одинаковыми и, следовательно, стихотворный ритм под влиянием метра не становится абсолютным с точки зрения прозы.

Итак, перед нами прозаический текст с самой высокой степенью ритмизации, хотя «Повести Белкина» еще никто, кажется, не называл ритмической прозой. Возможно, потому, что эта ритмичность внутренняя, глубинная, не поддержанная фонетическими приемами и сознательной ритмизацией, которая может создаваться именно за счет стихотворных метрических стоп.

Вторая ритмическая характеристика касается длины фраз: контраст соседних фраз не должен превышать два такта. При таком порядке фразовая ритмичность считается идеальной. В стихотворном тексте она задается строением стиха (подразумевается стих классический). В прозе выравненность фраз является одной из заметных примет идеального ритма. Что касается наших текстов, то равновеликость фраз в прозаическом тексте так же безупречно выдержана, как и в стихе.

Третья ритмическая характеристика интонационная. Она зависит от того, насколько равномерно следуют друг за другом разные интонации: восходящая, нисходящая и ровная. Посмотрим на сравниваемые тексты теперь и с этой точки зрения.

Унылая пора! | очей очарованье! \\
Приятна мне | твоя прощальная краса / \,
Люблю я пышное природы увяданье, –
В багрец и в золото одетые леса, –
В их сенях ветра шум | и свежее дыханье –
И мглой волнистою покрыты небеса, –
И редкий солнца луч, и первые морозы – –
И отдаленные седой зимы угрозы. \

Это случилось осенью. \
Серенькие тучи покрывали небо; – колодный ветер дул с пожатых полей; – унося красные и желтые листья / со встречных деревьев. \
Я приехал в село на закате солнца – И остановился у почтового домика.\

Интонация, обозначенная здесь стрелками, соответствует интонемам – единицам языка, которые можно выделить в любом тексте, звучащем или письменном, и которые выявляются благодаря единицам других уровней – лексическому и грамматическому. Каждая интонема имеет свой смысл. Интонема восходящего типа обозначает зависимость и незаконченность, интонема нисходящего типа обозначает независимость и законченность, интонема ровного типа обозначает независимость и незаконченность. Именно эта интонема, вобравшая в себя значения восходящего и нисходящего тона, обладает способностью варьирования: она может быть реализована любым тоном, в то время как две другие интонемы реализуются только конструкциями с направлением своего тона.

Интонация текста считается ритмичной, если в нем не соседствуют одинаковые интонемы. Такую ритмичность принимают за идеальную. В поэтическом тексте семь раз столкнулись одинаковые интонации. Если учесть, что общее число сочетаний интонем составляет 11, то процент отклонения от идеальной ритмичности получаем путем деления этого числа на число отклонений (7:11=0,64). В прозе всего одно отклонение, и ритмический показатель составил 0,16.

Следовательно, интонация прозы оказалась значительно более гибкой, плавной, а значит, и более ритмичной, чем в стихе, для которого монотонная интонация считается его характерным признаком.

Таким образом, с точки зрения ритма поэтический и стихотворный тексты оказались достойными сопоставления: степень ритмичности слогов и фраз в обоих текстах оказалась одинаковой, а высокий интонационный показатель в прозе уравновешивается наличием размера в стихе.

Исследуя прозаический ритм в сравнении со стихотворными, Андрей Белый назвал прозу «тончайшей, полнозвучнейшей из поэзий». В основе этого тезиса лежал ритмический критерий, и, может быть, именно в ритме – главная отличительная черта и сила прозы, в том ритме, который вбирает в себя регулярность не только фонетических единиц, но и единиц других уровней и который отвечает семантике текста, единственной для каждого текста из-за неповторимости комбинаций его составляющих.

Где же скрывается «тончайшая» поэтичность прозы? В чем ее превосходство над стихом?

Понятно, что ритм не следует рассматривать в отрыве от содержания. Поэтому обратимся к семантике. Известно, что эстетическая ценность текста обеспечивается единством формы и содержания. Интонационные показатели, по которым разошлись наши тексты, говорят о том, что в стихе господствует монотон, а в прозе – сочетание разнообразных тонов. Как это согласуется с содержанием?

Несмотря на очевидные параллели, в этих текстах больше различий, чем сходства. Общее только автор и тема. Причем тема осени для Пушкина-поэта всегда связана с положительным настроем, а для Пушкина-прозаика она звучит в контексте уныния и тоски. Правда, в прозе она выступает как фон, на котором что-то случилось, тогда как в поэзии она является самодовлеющей. Именно здесь, в поэтическом тексте, разыгрывается внутренний конфликт, выраженный

антонимическими отношениями. С одной стороны, выстраивается синонимический ряд с доминантой «очарованье»: очей очарованье - приятна мне - краса – люблю я – пышное – в багрец и в золото – свежее дыханье – мглой волнистою. С другой - синонимический ряд с доминантой «увяданье»: унылая, прощальная, увяданье, редкий луч - морозы - угрозы. На этом контрастном сочетании рождается идея текста - очарованье осени с оттенком грусти, точно выраженная словосочетанием «прощальная краса». Идея прозаического текста, напротив, рождается на синонимических отношениях: осенью – серенькие тучи покрывали небо – холодный ветер – с пожатых полей – красные и желтые листья – на закате. Этот ряд создает настроение тоски, уныния и одиночества. Все другие слова поддерживают эту идею. Это случилось – предвестье тяжелого события, которое усиливается от сочетания со словом осенью (ср.: «Это случилось весной» – такое предложение кажется стилистически тяжеловесным). Словосочетание со встречных деревьев создает образ движения, притом быстрого движения, от которого холодный ветер кажется еще холоднее. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах серенькие, домика создают впечатление невзрачности, неуютности и перекликаются с образом пожатых полей. К этому же добавляется мысль о бездомности: приехал на закате солнца, остановился у почтового домика. Поражает абсолютная необходимость и уместность каждого слова: село, а не город, где нет проблемы с гостиницей; на закате солнца - мысль о ночлеге; остановился у почтового домика - скромное место ночлега.

Образ автора (повествователя, лирического героя) в обоих текстах дан только личным местоимением «я». Но как по-разному представлены эти слова-звуки! Я приехал – ударная позиция местоимения создает ощущение тяжести, возможно, усталости. По сравнению с ним безударное «я» в Люблю я становится легким, эфемерным; кроме того, оно оказывается на подъеме интонационной волны, что и придает ему эту легкость. Контраст в восприятии этих местоимений, обусловленный фонетической позицией, определен и синтаксически: прямым и обратным порядком слов, что, в свою очередь, говорит о наличии и отсутствии экспрессивности на уровне синтаксиса.

Вообще противопоставленность двух пушкинских текстов по признаку экспрессивности наиболее заметна на уровне лексики и изобразительных средств. Поэтический текст имеет яркую стилистическую окрашенность, которая создается и старославянизмами (очи, мела, небеса), и сплошным узором изобразительных средств. В прозе, напротив, употреблены стилистически нейтральные, не отягощенные словообразовательными элементами древнейших русских периодов: это, очень, холодный, ветер, поле, красные, желтые, листья, деревья, я, село, солн-

це. Они придают тексту особую чистоту и ясность. Сохранилось свидетельство П. Вяземского: когда он увидел на столе Пушкина неразрезанный томик «Повестей Белкина», то спросил: «А кто такой Белкин?» – и услышал в ответ: «Кто бы он ни был, а писать повести надо так: ясно, коротко и просто».

Так, яркая образность в стихе и прямое словоупотребление в прозе оказались достойны сравнения. Прозрачность прозы, создающая особую эстетику чистоты, строится на таком прямом словоупотреблении древнейших слов, при котором открываются и словно просвечивают друг через друга все смыслы многозначных слов. Например, слово холодный включает в себя не только значение низкой температуры, но и другие: близкий к цвету льда, воды и воздуха; равнодушный, бесстрастный; недоброжелательный; враждебный. В слове ветер к основному значению добавляются те значения, которые приходят с идиомами: на семи ветрах (открытое пространство), с ветерком (о быстрой езде). В слове поле соединяются такие значения: равнина, обрабатываемая земля; большая, ровная площадь; пространство, в пределах которого проявляется действие каких-либо сил. Слово серенький объединяет значение пасмурный и ничем не примечательный. Каждое из этих слов нагружает текст почти всеми смыслами, которые оно может иметь, и эти смыслы воссоздаются одновременно, производя стереоскопический эффект. Употребление таких простых и, как оказалось, вовсе не простых, слов создает эффект неуловимой многозначности, которая действует на читателя подсознательно, точно так же, как действует прозаический текст, обладающий идеальной ритмичностью.

Возможно, что именно красота простоты в сочетании с глубинной многозначностью и делает прозу «тончайшей из поэзий». Такого рода тексты, однако, большая редкость не только в русской литературе, но и у самого Пушкина.

Таким образом, интонация, по которой разошлись римические характеристики стихотворного и прозаического текстов, говорит о следующем. Монотон, оформляющий внутренне противоречивый поэтический текст, не вполне соответствует его содержанию и не раскрывает всей сложности поэтических образов. И наоборот, сложная, контрастная интонация в прозе, служащая для оформления текста нарочито простого, построенного на отношениях тождества, но осложненного многозначностью, словно высвечивает его глубину и сложность.

Ритмы речи нередко сопоставляют с музыкой. Композиторы пишут романсы на стихи поэтов, остро ощущая заложенную в них мелодию. Иногда такая мелодия даже становится помехой. Когда П. И Чайковского спросили, почему он не со-

чинил ни одного романса на стихи Пушкина, он ответил, что не может писать музыку на стихи Пушкина, потому что они сами – музыка. А вот проза обычно не воплощается в романсы, но тем не менее именно к прозе Пушкина (к рассказу «Метель») Г. Свидиров написал одну из самых пленительных мелодий нашего времени.

II. УСКОЛЬЗАЮЩАЯ ИНТОНЕМА (Пушкинская интонация поэмы «Цыганы», измененная редакторской правкой)

Авторская интонация, вписанная в поэтический текст, под воздействием многочисленных и многократных редакторских изменений в области пунктуации испытывала и испытывает на себе постоянное давление. В своем истинном виде она сохраняется только в редакции автора и в черновиках. Как свидетельствуют черновики А.С. Пушкина, поэт, создавая произведение, несколько раз переписывал слова и фразы, но не вносил отдельные изменения в знаки препинания: они срастались с фразами, шли вместе с ними, обозначая синтаксический строй произведения и его интонацию. В редакторских вариантах, наоборот, слова и фразы оставались без изменения, но менялись знаки препинания в соответствии с меняющимися правилами. И вместе с этим менялась интонация, и читатели воспринимали ее уже не такой, какой она была создана в момент написания поэмы.

Интересно, что в зоне редакторских правок на протяжении всего послепушкинского периода всегда оказывалась одна и та же интонационная единица – интонема ровного типа. О ней и пойдет речь в данной статье.

Исследования в области интегративной интонологии, в которых интонация рассматривается с лингвистических, искусствоведческих, культурологических точек зрения, все более утверждают мысль о том, что всего две интонемы – восходящая и нисходящая, – традиционно рассматриваемые в русистике в качестве единственных смыслоразличительных интонационных единиц, не могут обеспечить реально существующую в языке интонационную противопоставленность фраз, одинаковых по своей лексике и грамматике.

Например: Да? Да. Да...

 Ты знал об этом?
 Ты знал об этом.
 Ты знал об этом.

 И все это будет?
 И все это будет.
 И все это будет.

Или в таких сочетаниях:

 Москва?
 Москва.
 Москва... как много в этом звуке...

 Зима?
 Зима.
 Зима... Крестьянин, торжествуя,...

 Весна?
 Весна... без конца и без краю...

Интонационно-смысловое противопоставление «точки» и «вопросительного знака» привычно и понятно: тон, идущий резко вверх или опускающийся до самой глубины, различает «вопрос без вопросительного слова» и «утверждение». Это ни у кого не вызывает ни сомнений, ни каких-либо затруднений в фонетическом воспроизведении таких фраз. Но тон, обозначенный многоточием, хотя и создаст некоторое затруднение в его определении, не составит сложности в его воспроизведении: фразы с многоточием все произнесут одинаково, а сам тон, который прозвучит в них, будет не восходящий и не нисходящий, а ровный. Он же прозвучит и в обращениях:

Света! Максим! Андрей Иванович!

А также в побудительных предложениях:

Скажите, пожалуйста! Поезжайте! Счастливо!

И еще в вопросительных предложениях с вопросительным словом: Когда вы вернетесь? Где эта улица?

Как видим, ровный тон может быть обозначен восклицательным, вопросительным знаком, многоточием. А также запятой, точкой с запятой, тире, двоеточием, если эти конструкции помещены внутри предложения.

Все многообразие приведенных примеров можно разделить на две группы: одна группа использует интонацию в качестве единственного смыслоразличительного средства, другая использует ее как вспомогательное средство, поскольку главная роль отводится единицам лексики, морфологии и синтаксиса.

Именно первая группа примеров показывает необходимость выделения третьей смыслоразличительной интонационной единицы – **интонемы ровного типа**.

Итак, «вопрос», «утверждение» и «побуждение» (или незаконченность), оформленные как самостоятельные предложения и отмеченные пунктуационно, противопоставлены по интонации. А поскольку интонация в них является единствен-

ным средством, различающим смысл, то тоны – восходящий, нисходящий и ровный – служат опознавательными знаками для различения трех интонем, смыслоразличительных единиц языка на уровне интонации: **интонемы восходящего типа** (ИВТ), **интонемы нисходящего типа** (ИНТ) и **интонемы ровного типа** (ИРТ).

Отец? Отец. Отец! (Отец...)

Такие же общие тоновые различия интонации отмечены и в музыке, где выделяются интонации повествования, вопрошения и восклицания, проявляющиеся в разных сочетаниях в различные исторические периоды и у различных композиторов [Радионова 2009].

В русском языке значения трех интонем выходят за пределы распознавания коммуникативных типов предложения. Например, ИВТ оформляет не только вопрос, но и незаконченность внутри предложения, а ИРТ, кроме обращения и побуждения, – отношения незаконченности, раздумья, многозначности и других, подчас неуловимых синтаксических оттенков. Для определения смысла трех интонем мы используем универсальные синтаксические значения, которые имеются в любом синтаксически оформленном образовании. Это значения законченности-незаконченности и зависимости-независимости. Так, интонема восходящего типа (ИВТ) определяется как обозначающая незаконченность и зависимость, интонема ровного типа (ИРТ) – незаконченность и независимость, а также законченность и зависимость.

Таким образом, значение ИРТ складывается из элементов двух разнонаправленных интонем и образует два различных сочетания:

1 незаконченность и независимость

И

2 законченность и зависимость,

которые будут соответствовать двум разновидностям этой интонемы: первую разновидность обозначим **ИРТ-1**, вторую **ИРТ-2**.

Проследим, как эти разновидности ИРТ реализуют себя в речи. В качестве речевых реализаций ИРТ-1 и ИРТ-2 используем отрывки из поэмы А.С. Пущкина «Цыганы».

Напомним, что интонация письменного текста имеет авторскую заданность и воспроизводится в звучащей речи по созданной автором лексико-грамматической форме текста, фонетический строй которой основан на законах языка, то есть в соответствии с тем, как формируются синтагмы письменного текста и как они реализуются в зависимости от занимаемых позиций (см. об этом [Иванова-Лукьянова 1999; 2000–2004; 2007].

Отличительной особенностью ИРТ является то, что, будучи составленной из значений ИВТ и ИНТ, эта интонема берет себе по одному из значений восходящей и нисходящей интонем и поэтому обладает способностью варьирования; но характер варьирования в двух ее разновидностях различен: ИРТ-1 разрешает использование любого тона – восходящего, нисходящего и ровного, а ИРТ-2 – только ровного и нисходящего. Это объясняется тем, что в значение ИРТ-2 входит идея завершенности, которая не допускает употребления восходящего тона, а в значении ИРТ-1 нет этой идеи, поэтому в ней допускается вариант с высоким тоном.

Проверим это на живых пушкинских примерах:

Земфира

Скажи, мой друг: (ИРТ-1; вверх-вниз-ровно) ты не жалеешь (ИВТ; вверх) О том, (ИВТ; вверх) что бросил навсегда? (ИНТ; вниз)

Алеко

Что ж бросил я? (ИРТ-2; ровно-вниз)

Земфира

Ты разумеешь: (ИРТ-2; ровно-вниз)

Людей отчизны, (ИРТ-1; вверх-вниз-ровно) города. (ИРТ-1; вверх-вниз-ровно)

В этом отрывке присутствуют все интонемы; наша задача услышать интонему ровного типа. Чтобы вспомнить, как звучит ровный тон, воспользуемся своеобразным «камертоном»:

ИВТ ИНТ ИРТ

Ты разумеешь? Ты разумеешь. Ты разумеешь:

Отец? Отец. Отец!

Все тихо? Все тихо. Все тихо; ночь.

В каждой колонке представлена одна из трех интонем, находящихся в сильной позиции, потому что синтаксические значения фраз передаются одним только тоном, без участия лексико-грамматических средств; это значит, что интонема в данных условиях реализуется своим основным видом. Для ИВТ – это высокий подъем тона, для ИНТ – низкое падение тона, для ИРТ – ровный тон. Можно заметить, что, в отличие от первых двух интонем, третья интонема воспроизводится с некоторым затруднением. Это оттого, что ИРТ не имеет своего единственного коммуникативного представления, а употребляется для выражения незаконченности, обращения, побуждения, просьбы, где она реализуется ровным тоном как своим основным видом.

Внутри предложения ИРТ встречается очень часто, но представлена уже не единственной своей реализацией, а всем многообразием интонационных вариантов: синтагма *Скажи, мой друг*: (ИРТ-1) может быть прочитана с восходящей, нисходящей и ровной интонацией, равно как и синтагмы *Людей отчизны*, (ИРТ-1) города (ИРТ-1), а синтагмы *Что ж бросил я?* (ИРТ-2), *Ты разумеешь*: (ИРТ-2) только с нисходящей и ровной. Однако авторское предпочтение остается в этих примерах за ровной интонацией. Заметим, что и читающие вслух тоже выбирают именно ее.

Послушаем, как звучит ИРТ-2 в следующем диалоге.

Старик

Не плачь: (ИРТ-2) тоска тебя погубит. (ИНТ)

Алеко

Отец, (ИРТ-2) она меня не любит. (ИРТ-2)

Старик

Утешься, друг: (ИРТ-2) она дитя. (ИНТ)

Твое унынье безрассудно: (ИРТ-2)

Ты любишь горестно и трудно, (ИРТ-1)

А сердце женское – (ИВТ) шутя. (ИНТ)

В этом примере все ИРТ-2 имеют одинаковую интонацию и одинаковую пунктуацию, за исключением обращения, которое не отделяется двоеточием. В этих синтагмах соединились значение синтаксической законченности со значением зависимости (они представляют синтаксически оформленное образование и их смысл тесно связан с последующей синтагмой). Напомним, что идея законченности создает запрет на использование восходящего тона, поэтому реализация ИРТ-2 в данных примерах может иметь такой вид:

 Не плачь:
 (ровно – вниз)

 Отец,
 (ровно – вниз)

 Утешься, друг:
 (ровно – вниз)

 Твое унынье безрассудно:
 (ровно – вниз)

Как и в предыдущем отрывке, в каждой из этих синтагм, несмотря на разрешение нисходящего тона, предпочтительным оказывается все-таки ровный тон – в этом легко убедиться, если прочитать их с падением тона.

И еще одна фраза произносится с таким же тоном. Послушаем, как она звучит: ..., она меня не любит. (ровно)

Если прочитать ее с низким тоном, то исчезнет оттенок страдания и жалобы... Но почему же тогда Пушкин поставил здесь точку? Ведь таким образом он обозначил интонему нисходящего типа, которая должна быть реализована нисходящим тоном, а не ровным, как мы предположили... Ответ нашелся. В черновиках [Пушкин 1937: 419] после этой фразы шло продолжение:

- а. А я
- б. Она другому предалась -
- в. Земфира неверна -
- г. Моя Земфира неверна –
- ∂ . возможно ль она.

В окончательном варианте продолжение исчезло, а первоначальная интонация осталась; следовательно, здесь задумывалась не ИНТ, а ИРТ – и ровный тон точно соответствует авторскому заданию.

Вообще ИРТ проявляет удивительное свойство: благодаря присущей ей вариативности, она способна передавать с помощью интонации всю сложность синтаксических отношений. Как видно из приведенного выше отрывка, интонация противопоставляет не только союзную и бессоюзную связь, но и оттенки сочинения и подчинения в бессоюзной связи. И хотя эти оттенки кажутся подчас неуловимыми, поэты их остро чувствуют и стремятся передать на письме различными способами, и прежде всего пунктуацией.

Взгляни: (ИРТ-2; ровно-вниз) под отдаленным сводом (ИВТ; вверх) Гуляет вольная луна; (ИРТ-1; вверх-вниз-ровно) На всю природу мимоходом (ИВТ; вверх) Равно сиянье льет она. (ИНТ; вниз)

Как уже говорилось, две разновидности ИРТ отличаются друг от друга разным характером вариативности: ИРТ-1 имеет широкую вариативность, а ИРТ-2 – ограниченную, и при этом выбор варианта нередко диктуется автором. В приведенных стихах синтагма *Взгляни*: произносится с ровным тоном, а *Гуляет вольная луна* – с нисходящим. Причина этого – ритмическая тенденция, то есть стремление пишущего к ритмизации речи, в силу которой скопление одинаковых интонаций нарушает ритм, а с ним и гармонию – естественную составляющую поэтического текста.

Читаем дальше, чтобы понять пушкинский замысел мелодики, напевную сложность стиха:

- (1) Заглянет в облако любое,
- (2) Его так пышно озарит -
- (3) *И вот* (4) уж перешла в другое;

И то недолго посетит.

В первых трех синтагмах – интонема восходящего типа, но как по-разному она реализуется! Целый каскад повышений – от незначительного (Заглянет в облако любое) к более высокому (Его так пышно озарит) и до самого крутого (И вот). Это связано с позициями интонем: в слабой позиции, где синтаксическое значение выражается не только интонацией, но и лексико-грамматическими средствами, может быть применено любое повышение; в сильной, где интонация является единственным смыслоразличительным средством и поэтому интонема реализуется своим основным видом, – только резкое. В четвертой синтагме реализуется ИРТ-1, предлагающая любое направление тона, но уместным здесь будет ровный тон, который разрядит скопление интонационных повышений. Обратим внимание на то, как расставлены знаки в этой градации тоновых восхождений и постепенного спада к самому низкому тону:

Однако пунктуационных знаков оказывается явно недостаточно для обозначения мелодики стиха. Причем если ИВТ и ИНТ обычно легко обозначаются имеющимися знаками, то ИРТ с ее различными реализациями вызывает у автора немалые трудности. Это видно из того, какие комбинации знаков придумывал Пушкин, чтобы обозначить интонационное своеобразие каждой ИРТ. Ее неуловимость и мучит и притягивает, а возможность уловить в ней авторскую мелодию и авторскую интенцию приносит исследователю ни с чем не сравнимое удовольствие.

Вот, например, в двух следующих отрывках одинаковая интонация отмечена разными знаками:

Прошло два лета. Так же бродят Цыганы мирною толпой; **Старик уснул;...** и все в покое, В шатре и тихо и темно.

Выделенные синтагмы произносятся с одинаковым нисходящим тоном. Никакие интонационные варианты недопустимы. Но почему автор поставил после них различные знаки? Дело в том, что это две разные интонемы. И определил их сам поэт, поставив разные знаки. Там, где стоит точка, – ИНТ, а где точка с запятой и многоточием, – ИРТ. Интонема, обозначенная точкой, может быть произнесена только с нисходящим тоном, а ИРТ – с любым. Неуловимость этой интонемы проявляется в этих стихах в полной мере. Не случайно пушкинская пунктуация претерпела в последующих изданиях несколько изменений и, вероятно, не раз еще изменится в будущем.

Авторские знаки, исправленные в последующих изданиях

Перед нами четыре издания: однотомник 1936 г. [Пушкин 1936], академическое десятитомное собрание сочинений 1937 г. [Пушкин 1937], юбилейный однотомник 1949 г. [Пушкин 1949], юбилейный трехтомник 1997 г. [Пушкин 1997].

Старик уснул – и все в покое... (1936 г., 1997 г.) Старик уснул;... и все в покое, (1937 г.) Старик уснул... и все в покое, (1949 г.)

Еще раз отметим, что такое расхождение знаков по сравнению с авторскими отмечается главным образом в случаях с интонемой ровного типа. Именно она дает многообразие пунктуационных обозначений для одной синтаксической конструкции. Поэтому внимание к пушкинской пунктуации, – усложненной, не совпадающей с принятыми правилами, может пролить свет на намерение поэта передать свою собственную интонацию, отражающую эмоционально-смысловые оттенки стиха. В нашем примере пушкинское сочетание двух знаков (; ...) говорит, во-первых, о широкой тоновой вариативности (вверх – вниз – ровно), поскольку первая часть сложносочиненного предложения с союзом «и» представляет ИРТ-1 (об этом говорит знак «;») и, во-вторых, об удлинении пространства мол-

чания, о чем говорит многоточие. А, как известно, продолжительная пауза обычно связывается с нисходящим тоном, следовательно, автор определил свой выбор в пользу нисходящего тона и при этом связал два предложения очень сложной, буквально неуловимой связью. Между Старик уснул и И все в покое нет зависимости (какая, кстати, появляется при знаке «тире»), и в то же время первое предложение нельзя воспринимать как самостоятельное. Вот и получается, что ИРТ-1 соединила в себе значения независимости и незаконченности, позволяющие использовать любой тон, но длительная пауза, обозначенная поэтом, сократила число вариантов до одного нисходящего тона. А два нереализованных варианта – восходящий и ровный, – с присущими им значениями, подспудно присутствуют в сознании читающего адресата.

При чтении глазами в голове читателя возникает множество возможностей озвучивания, но реализовать он может только один вариант. Поэтому, как писала И.И. Ковтунова, только при чтении про себя в сознании читателя возникает бесконечная смысловая перспектива, которая исчезает с озвучиванием текста [Ковтунова 1986].

Сопоставляя пунктуационные варианты одного текста, можно проследить изменение смысловых оттенков текста в зависимости от пунктуации и понять, какую роль в этом играют знаки препинания в авторской редакции.

Пушкинские знаки сохранены в академическом собрании сочинений поэта 1937 г., в котором известнейшие пушкинисты того времени не только восстановили авторские знаки по рукописям поэта, но и опубликовали большую часть его черновых вариантов. В поздних изданиях, а также в однотомнике 1936 г., пунктуационные знаки приближены к требованиям современных правил. Общими местами всех изменений по-прежнему остается неуловимая интонема ровного типа.

Пушкинская редакция [Пушкин 1937]:	Исправленные редакции:
И скоро месяц уж покинет Небес далеких облака –	; [Пушкин 1936, 1997]
Земфиры нет как нет; и стынет Убогий ужин старика	, [Пушкин 1936, 1997]

В результате редакторской правки произошло два изменения:

- 1) тире во второй строке заменено точкой с запятой;
- 2) точка с запятой в третьей строке заменена запятой.

Что же получилось в результате таких исправлений?

Первое исправление лишило текст продолжительной паузы и снизило его эмоциональность из-за появления самого распространенного у Пушкина, а потому эмоционально растраченного знака. Постановка тире вовсе не противоречила правилам – это обозначение резкого перехода, контраста действий. Здесь именно такой случай: настроение старика переходит от созерцания темнеющей ночи к беспокойству о дочери. Контрастность перехода подчеркнута и лексически: от поэтических слов Небес далеких облака до разговорных Земфиры нет как нет.

Важность столкновения этих фраз для поэта объясняется тщательным отбором синонимов к каждой группе. Для эпитета к слову небес подыскивались определения: пустынных, померкших, печальных, веселых; поэт остановился на слове далеких как на самом многозначном. Состояние старого цыгана, переданное коротким устойчивым словосочетанием нет как нет, тоже соткано из множества разнообразных переживаний и является результатом долгой черновой работы [Пушкин 1937: 408]:

- а. Но где ж она? теперь уж ночь
- б. Что ж дева медлит? Вот уж скоро ночь
- в. Что ж дева медлит?
- г. Но где ж она? не слышно
- д. Что ж медлит –
- е. Где же дева
- ж. Что ж медлит беспокойный взор

Значит, знак «тире», стоящий перед словом Земфиры, призван передать сильный эмоциональный импульс, который может быть реализован несколькими интонационными вариантами (вверх – вниз – ровно), хранящимися в этом знаке. Кроме того, этот знак передает глубокую психологическую паузу; такая же пауза должна следовать и за синтагмой Земфиры нет как нет, благодаря знаку «точка с запятой» – и таким способом эта синтагма как момент сильного переживания оказалась с двух сторон ограничена паузами; этот момент напряжения ослабевает затем в конце строфы: и стынет Убогий ужин старика.

Новые знаки отменили длительные паузы, создающие напряженность момента, – и вместе с ними исчезла смысловая многозначность отрывка.

Понять авторский замысел помогает анализ интонем. В поле редакторских исправлений не случайно опять оказалась интонема ровного типа. Ее подвижность, подверженность переменам в зависимости от того, какими знаками она выделяется, делает эту интонему особенно привлекательной для анализа интонационной заданности текста, то есть его изначальной интонации, какой она прозвучала в авторском произношении.

В четырех строках этого отрывка заключено пять интонем (в третьей строке две интонемы). Из пяти интонем только две интонемы ровного типа – и именно в них происходят все изменения. Объясняется это не только присущей этой интонеме вариативностью, но и ее раздвоенностью на ИРТ-1 и ИРТ-2, которая влияет на сам характер вариативности. В синтагме Небес далеких облака реализуется ИРТ-1, а в синтагме Земфиры нет как нет – ИРТ-2. Напомним, что пушкинское тире, стоящее после первой синтагмы, заменено было на точку с запятой, а точка с запятой после второй синтагмы превратилась в запятую. Первая синтагма с ее ИРТ-1, если принять редакторскую правку, может быть прочитана с любой интонацией, но если следовать авторскому знаку «тире», то здесь прочитывается требование только восходящей интонации. Кроме того, значения ИРТ-1 (незаконченность и независимость) не вписываются в эту синтагму, поскольку в ней заложена идея связи, зависимости с последующей синтагмой. Значит, замена «тире» на «точку с запятой» можно объяснить неоднозначным пониманием синтаксической связи простых предложений в составе сложносочиненного. Пушкин определил первое предложение как имеющее уступительно-временной оттенок в составе сложного, а корректорско-редакторская трактовка оценила его как сложносочиненное предложение с равноправными частями. Первая версия требует восходящей интонации на стыке двух простых предложений, поскольку первое предложение определяется как ИВТ с ее значениями зависимости и незаконченности, и это четкое требование обозначено знаком «тире». Вторая версия заставляет рассматривать первое предложение как реализацию ИРТ-1 в первой части с ее значениями незаконченности и независимости, о чем говорит знак «точка с запятой». Следовательно, пушкинская интонация прочитывалась только как восходящая, а интонация последующих редакций как допускающая все возможные варианты.

Несмотря на неустойчивость ИРТ в отношении пунктуационных знаков, в тексте поэмы можно найти случаи полного согласия поздних редакторов с пушкинскими знаками:

Лето знойное пройдет – И туман и непогоды Осень поздняя несет: Людям скучно, людям горе; Птичка в дальние страны, В теплый край, за сине море Улетает до весны.

Однако в тех местах поэмы, где эмоциональная напряженность достигает наивысшего накала, можно заметить, какие сомнения переживал автор в стремлении найти необходимые пунктуационные средства для выражения своих чувств. Как он придумывал свои собственные комбинации знаков, которые потом будут исправлены в новых изданиях:

1937	1936	1949	1997
Я мирно спал – заря блеснула,			Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я, подруги нет!			Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову – пропал и след – –	Пропал и	след	– пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,			
И я заплакал – с этих пор			И я заплакал!
Постыли мне все девы мира;			
Меж ними никогда мой взор			
Не выбирал себе подруги –			Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги			
Уже ни с кем я не делил.			Уже ни с кем я не делил.

Все измененные знаки в основном сохраняют пушкинскую интонацию. Однако драматизм ситуации, переданный в автографе с помощью большого количества «тире», замененного в дальнейшем другими знаками, ослабил свою остроту. Например, в первой строке Я мирно спал – заря блеснула, несмотря на слово мирно, знак «тире» передает тревогу – это из-за того, что глаз допускает множественную интонационную вариативность (ИРТ-1), а в ней тон вверх передает некую настороженность, исчезающую при «точке с запятой», когда ИРТ-2 ограничивает вариативность нисходящим и ровным тоном. Вот так и проявляют свои особенности две разновидности ИРТ.

Особое внимание привлекает к себе необычный авторский знак – сдвоенное тире. Во всей поэме он встречается всего два раза и имеет одинаковый смысл, так как употребляется в одинаковых ситуациях, разделенных временем:

Алеко спит: в его уме Виденье страшное играет; Он, с криком пробудясь во тьме, Ревниво руку простирает; Но оробелая рука Покровы хладные хватает – Его подруга далека...

В обоих отрывках двойное тире заменено обычным тире, и связь двух похожих картин, организованная автором поэмы, осталась для читателя только в качестве домашнего задания.

В нашей попытке объяснить авторские знаки, передающие пушкинскую интонацию, заключено лишь стремление уберечь художественный текст от влияния времени. Как произведение искусства, он не может быть ни исправлен, ни улучшен. Тем более что некоторые пунктуационные исправления не только не улучшают текст, но и идут вразрез со смыслом. Например, в следующем отрывке дважды звучит слово *постой*: один раз это – шепот, другой раз – окрик. После первого слова Пушкин поставил многоточие из пяти точек, после второго – восклицательный знак. В последующих редакциях, рассмотренных нами, оба слова звучат одинаково, так как их интонация обозначена восклицательными знаками.

1937	1949	1997
И близкий шепот слышит он – Над обесславленной могилой. –		
1-й голос		
Пора 2-й голос		
Постой	<i>!</i>	!
1-й голос		
Пора, мой милый.		
2-й голос		
Нет, нет, постой, дождемся дня.		
Алеко		
Постой!	!	!
Куда, красавец молодой?		
Лежи –	!	!
(Вонзает в него нож.)		

Авторский знак «тире» после слова *Пежи* передает целую гамму противоречивых чувств героя, однако восклицательный знак ограничивает ее до размера мести.

И снова вспоминаются слова Марины Цветаевой: «Книга должна быть исполнена читателем, как соната. Ноты – знаки. В воле читателя осуществить или исказить». Пунктуационные знаки в художественном произведении являются той связующей нитью, которая соединяет интонацию пишущего и читающего для создания и понимания единственного для данного произведения смысла.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Иванова-Лукьянова Г. Н. О позициях в интонации // Фортунатовский сборник. М.: Наука-Флинта, 1999.
- 2. Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи: Интонация. Паузирование. Логические ударения. Ритм. Темп. М.: Флинта, 1999–2004.
- 3. Иванова-Лукьянова Г. Н. Авторская заданность интонации художественного текста // Культура народов Причерноморья, № 110, том 1. Крым, 2007.
- 4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- 5. Пушкин А. С. Собрание сочинений. М., 1936.
- 6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 4. Изд-во АН СССР, 1937.
- 7. Пушкин А.С. Собрание сочинений. 1949.
- 8. Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т. 2. СПб: Золотой век «Диамант», 1997.
- 9. Радионова Т. Я. Интонация в музыке // Интегративная интонология. Независимая академия эстетики и свободных искусств. М., 2009.

Образ автора и проблема нарративных аномалий Image of the Author and the Problem of Narrative Anomalies

Радбиль Тимур Беньюминович

Radbil Timur Benyuminovich

Статья посвящена проблеме нарративных аномалий в художественном тексте, которые выражаются в разного рода отклонениях от «прототипического нарратива». На материале языка художественных произведений А. Платонова описываются аномалии в зоне субъекта дейксиса, субъекта речи, субъекта сознания и субъекта восприятия.

The article deals with the problem of narrative anomalies in literary texts represented by various deviations from the «prototypical narrative». Anomalies in the zone of the subject of deixis, the subject of speech, the subject of consciousness and the subject of perception are examined as exemplified in the language of A. Platonov's works.

Ключевые слова: образ автора, нарративные аномалии, художественный текст, Андрей Платонов.

Keywords: image of the author, narrative anomalies, literary text, Andrei Platonov.

«Образ автора» и проблема нарративных аномалий

Т.Б. Радбиль

Многолетнее изучение языковой аномальности привело меня к выводу, что наряду с системно-языковыми аномалиями как отклонениями от существующего в узусе языкового правила можно говорить и о существовании так называемых «аномалий текста», которые заключаются в интуитивно ощущаемых читателем отклонениях от «прототипического нарратива». В свое время я попытался формализовать понятие «прототипический нарратив», предложив список постулатов «прототипического нарратива» [Радбиль 2006], в числе которых есть и так называемый «постулат образа автора»: даже в отсутствие реального автора-творца в любом тексте имеется «образ автора», имплицируемый специфическими «эгоцентрическими» языковыми средствами, которые обязательно присутствуют в любом тексте.

Резонно допустить, что некоторые отклонения от «прототипического нарратива» в тех или иных текстах могут быть связаны и с неадекватной актуализацией «образа автора», т.е. с определенными нарушениями в сфере субъектной организации текста. В настоящей работе я попытаюсь подтвердить это на материале художественных текстов А. Платонова.

Концепция «образа автора» как центральной категории текста, обусловливающей единство всех элементов и всех уровней структуры художественного произведения, в своем наиболее завершенном виде, как известно, была разработана В. В. Виноградовым в монографии «О теории художественной речи» (1971). В целях настоящего исследования особенно важно подчеркнуть, что образ автора представляет собой «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейностилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов 1971: 118]. При этом важнейшим (но, разумеется, не единственным) текстовым воплощением «образа автора» представляется фигура Повествователя.

В настоящей работе я предполагаю описать некоторые виды нарративных аномалий, связанных с лингвистическим воплощением «образа автора» в повествовании. Классификация этих аномалий опирается на предложенное Е.В. Падучевой разграничение разных ролей говорящего, которое в свою очередь в известной мере коррелирует с разграничением разных типов «точек зрения» в работе Б. А. Успенского «Поэтика композиции» [Успенский 2000]. Семантика слов и грамматических категорий естественного языка предполагает несколько различных ролей говорящего: 1) говорящий как субъект дейксиса; 2) говорящий как субъект речи; 3) говорящий как субъект сознания; 4) говорящий как субъект восприятия [Падучева 1996: 262]. В канонической речевой ситуации все эти роли выполняет реальный говорящий. В нарративе как в неполноценной коммуникативной ситуации эти роли своеобразно распределяются между Повествователем и персонажем.

І. Аномалии в зоне субъекта дейксиса

В канонической речевой ситуации говорящий как субъект дейксиса задает пространственные и временные координаты высказывания. В нарративном режиме интерпретации эту функцию выполняет Повествователь, а при имитации реальной речевой ситуации в тексте (например, в прямой речи) эту роль принимает на себя персонаж. Нарративные аномалии в зоне субъекта дейксиса связаны с неадекватной актуализацией в тексте таких эгоцентрических элементов, как указательные местоименные наречия места и времени (здесь, сейчас, там и пр.), некоторых других дейктических наречий (сегодня, завтра) и т. п. Типичным примером такой аномалии является следующий фрагмент: Вощев добрел до пивной и вошел туда на искренние человеческие голоса. Здесь были невыдержанные люди, предававшиеся забвению своего несчастья, и Вощеву стало глуше и легче среди них («Котлован»).

Контекст однозначно включает точку зрения героя, наблюдающего картину как бы «в реальном времени». Однако слово здесь, будучи первичным эгоцентриком, в реальном речевом режиме интерпретации означает 'в том месте, где находится говорящий (в момент данной своей речи)', а в нарративном режиме по умолчанию задает пространственную координату Повествователя. С этим и связана аномалия: ведь Повествователь в «прототипическом нарративе» по определению дистанцирован от персонажа в пространстве и во времени и не имеет с ним общего поля зрения. Поэтому нормально сказать *там были...*, т. е. 'в некотором месте, удаленном от говорящего и не занятого адресатом'.

Отметим, что аномалия обнаруживается только в экстенсиональном, т.е. в прямом контексте, без каких-либо иных сигналов «переключения» точки зрения Повествователя на точку зрения персонажа. В неэкстенсиональном (косвенном) контексте она снимается: Вощев добрел до пивной [и увидел]: здесь были..., – поскольку субъектом дейксиса выступает уже реальный субъект предыдущего высказывания, т.е. персонаж.

II. Аномалии в зоне субъекта речи

Такие аномалии прежде всего обнаруживают себя в разного рода отклонениях при передаче «своей» и «чужой» речи, в неадекватном использовании разнообразных средств авторизации или, напротив, адресации в речевых актах. Особой разновидностью аномалий в зоне субъекта речи, на мой взгляд, является аномальное взаимодействие метатекстовых и текстовых элементов. К метатекстовым элементам относятся так называемые дискурсные слова или элементы, с помощью которых говорящий организует собственный текст и выражает свое к нему отношение [Вежбицка 1978: 402–421]. Это модальные конструкции типа следует признать...; вводные слова и словосочетания типа во-первых, напротив, например; некоторые частицы: а именно, все-таки; союзы: то есть, притом и др. Все эти элементы объединяет обязательное наличие модальной рамки 'Я говорю (скажу), что'.

«В традиционном нарративе подразумеваемым субъектом такого рода оборотов речи может быть только повествователь» [Падучева 1996: 277]. При имитации реального речевого режима (в диалогической речи) субъектом речи будет персонаж. Помимо нарративного и речевого режимов Е.В. Падучева выделяет и третий режим интерпретации, называя его синтаксическим: «Эгоцентрический элемент может занимать особую синтаксическую позицию, например, если он входит в состав предложения, подчиненного глаголу речи, восприятия, мнения, эмоции, то на место говорящего встает синтаксический субъект подчиняющего предложения» [Падучева 1996: 266].

По всей видимости, метатекстовые элементы «нормально» не могут интерпретироваться в синтаксическом режиме (например, косвенной речи), что и приводит к аномалии. Источником подобной аномалии является противоречие между «модальной рамкой» метатекстового элемента 'я говорю, что' и эксплицированным значением подчиняющего предложения 'он/она говорит, что': Чагатаев по-

нял их и <u>спросил, что</u>, **значит**, они теперь убедились в жизни и больше умирать не будут? («Джан»).

Здесь аномалия порождается конфликтом между эксплицированной субъектной принадлежностью *он спросил*, *что* [=герой] и модальной рамкой 'я говорю, что' [=Повествователь]. При переводе в нарративный или речевой режим интерпретации аномалия снимается: *Он спросил* [=Повествователь (нарративный режим)]: «'я говорю, что' *Значит*, *вы теперь убедились...*» [=герой (речевой режим)]. Аномалии нет, так как наличествует сигнал переключения речевой зоны Повествователя и персонажа – в качестве «загородки» здесь осознается граница между словами автора и прямой речью.

Еще один любопытный вид аномального включения метатекстовой единицы в текст в повествовании А. Платонова связан с нейтрализацией в контексте метатекстового и текстового употребления единицы, при которой одно и то же слово в плане метатекста оказывается принадлежащим речевой зоне повествователя, а в плане прямого, текстового употребления входит уже в речевую зону персонажа: Но председатель коммуны упросил их остаться на вечернее заседание коммуны, чтобы совместно обдумать памятник революции, который секретарь советовал поставить среди двора, а Маланья Отвершкова, напротив, в саду («Чевенгур»).

Здесь напротив может пониматься в качестве вводного слова как метатекстовая оценка Повествователем двух противоположных мнений – секретаря и Маланьи, но одновременно контекст дает возможность и буквального прочтения значения напротив – 'поставить памятник в саду, который находится напротив двора', что может свидетельствовать уже о принадлежности этого элемента речевой зоне Маланьи.

III. Аномалии в зоне субъекта сознания

Говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект ментального, эмоционального или волитивного состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен или даже не может быть выражен в тексте высказывания; такое состояние обычно интерпретируется как состояние говорящего.

Говорящий служит подразумеваемым субъектом сознания для слов со значением эмоционального состояния (*грустно*), восприятия (*видно*) или с модальным зна-

чением (можно). Также к этой группе можно отнести многие модальные и вводные слова (наверное). Нарративные аномалии в зоне субъекта сознания могут быть связаны с разного рода немотивированным или противоречивым (без сигналов и «загородок») смешением или нейтрализацией субъектности Повествователя и персонажа.

Ряд аномалий такого рода, часто встречающихся в художественном повествовании А. Платонова, связан с употреблением вводных слов со значением модальной или эпистемической оценки. Дело в том, что в нарративном режиме интерпретации таких эгоцентриков в качестве субъекта сознания может выступать не только Повествователь, но и персонаж. Но если они употреблены в позиции вводного слова, то субъектом речи обязательно будет только Повествователь: «...семантика вводной конструкции включает говорящего как субъект речи» [Падучева 1996: 280]. Тогда возникает определенное противоречие: субъектом сознания и субъектом речи при интерпретации одного и того же эгоцентрика выступают разные лица: В городе бесчинствовали собаки, а люди, наверно, тихо размножались («Сокровенный человек»).

Сама произвольность и даже некоторая экстравагантность подобной антитезы заставляет нас предположить, что субъектом данной эпистемической оценки (т.е. субъектом сознания) здесь выступает персонаж – Пухов (подобные суждения он демонстрирует и на протяжении всего текста), но субъектом речи является Повествователь, что задается функцией употребления вводной конструкции.

IV. Аномалии в зоне субъекта восприятия

Говорящий выступает как подразумеваемый субъект восприятия, когда употребляются слова или синтаксические конструкции, предполагающие наличие некоего воспринимающего лица. Это может быть зрительный тип восприятия: появиться, показаться, белеть, маячить; слуховой тип восприятия: раздаваться, доноситься, послышаться; обонятельный тип восприятия: запахнуть и др. Если в высказывании не актуализована позиция субъекта восприятия, то по умолчанию этим субъектом является говорящий. В нарративном режиме интерпретации этим подразумеваемым субъектом выступает Повествователь.

Понятие субъекта восприятия тесно связано с понятием «фигура Наблюдателя», введенным в работах Ю.Д. Апресяна. Говорящий и Наблюдатель – это не одно и то же, хотя в большинстве случаев, когда позиция актанта Наблюдателя при пре-

дикате не заполнена, роль Наблюдателя по умолчанию исполняет говорящий [Апресян 1986: 5–33]. Естественно предположить, что в нарративном режиме интерпретации роль Наблюдателя берет на себя Повествователь. Аномалии такого рода связаны с неадекватной импликацией «места Наблюдателя», когда в пределах одного фрагмента повествования Наблюдатель в роли субъекта восприятия немотивированно меняет, условно говоря, «точку обзора»: *Из лунной чистой тишины* в дверь постучала чья-то негромкая рука... («Котлован»).

Здесь *пунная чистая тишина* фиксируется в системе координат гипотетического внешнего Наблюдателя – Повествователя, а *стук в дверь* уже воспринимает Наблюдатель, находящийся внутри, т. е. персонаж.

Подобные аномалии я условно охарактеризовал как «плавающий Наблюдатель». Рефлексы «плавающего Наблюдателя» в повествовании А. Платонова порождают своеобразный стереоскопический эффект «двоемирия», при котором наблюдаемые явления одновременно наблюдаются с двух разных точек зрения – Повествователя и персонажа: Город опускался за Двановым из его оглядыващихся глаз в свою долину... («Чевенгур»).

Здесь компонент *из его оглядывающихся глаз* однозначно имплицирует Повествователя в роли субъекта восприятия, который наблюдает картину как бы «в профиль». Однако компонент *в свою долину* предполагает уже ракурс наблюдения самого Дванова, идущего по направлению от города и наблюдающего уже «своими глазами» результаты своего перемещения по линии «сверху вниз». При этом предикат *опускался* связывает два разных плана наблюдения в единую концептуальную схему посредством заполнения валентностей: (двигаться) *откуда* и *куда*. Снова отсутствует условная граница («загородка») между двумя субъектами восприятия – Повествователем и персонажем.

Все рассмотренные мною нарративные аномалии в сфере «образа автора» могут считаться таковыми только при соотнесении с неким идеальным «прототипическим нарративом», и не случайно аномальность многих из них выявляется лишь путем довольно сложного анализа: «на взгляд» и «на слух» современного реципиента они вовсе не воспринимаются как аномалии. Они и не являются таковыми в плане успешности, эффективности их рецепции читателем и апроприации в культуре в целом. Напротив, современный, так сказать, «прототипический читатель» считает такую повествовательную форму не только приемлемой, но и крайне эффективной в художественном плане.

Дело в том, что «прототипический нарратив» тоже подвержен эволюции: он, если можно так выразиться, «культурозависим», поскольку естественным образом изменяются взгляды и представления людей по поводу того, что считать допустимым и даже желательным в построении художественного повествования. Большинство из указанных аномалий вполне укладываются в русло способов организации повествования, присущих такой активной для текстов XX в. повествовательной форме, как свободный косвенный дискурс (Е. В. Падучева), и в этом смысле они вполне традиционны и соответствуют сложившейся в современном культурном пространстве «повествовательной норме». Иногда художественная манера А. Платонова воспринимается даже как пародийно-ироническое «остранение», «переиначивание» повествовательных форм свободного косвенного дискурса, которые сами по себе уже смело можно рассматривать в качестве некоего эталона, своего рода «прототипического нарратива» для литературы XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. научн. статей. М.: Наука, 1986. Вып. 28.
- **2.** *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
- 3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
- 4. *Падучева Е. В.* Семантика времени и вида в русском языке // Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- 5. *Радбиль Т. Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Изд-во МПГУ, 2006.
- 6. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000.

Страдательные конструкции в русском переводном нарративе конца XIX – начала XXI вв. на фоне «истории лингвистического вкуса»: интерпретация и рецепция

Passive Forms in Russian Translations of Narrative (the End of XIX–XXI cent.) and the Changes of 'Linguistic Taste': Interpretation and Reception

Уржа Анастасия Викторовна

Urzha Anastasia Victorovna

Русские переводы англоязычных произведений рассматриваются в статье сквозь призму «истории лингвистического вкуса» (В.В. Виноградов) – изменяющегося читательского восприятия, которое характеризуется определенным (хотя порой и неосознанным) представлением о стилистических нормах употребления синтаксических конструкций. Объектом анализа стали средства интерпретации английских пассивов: действительные и страдательные конструкции, описательные неизосемические обороты типа подвергнуться испытанию, неопределенно-личные и безличные предложения. Не будучи лингвистом, рядовой читатель опирается на языковое чутье, используя оценки «уместно» – «неуместно», «хорошо» – «несуразно» и предпочитая одни переводы другим.

Отправной точкой для работы стала дискуссия вокруг недавно опубликованных «новых» переводов Дж. К. Джерома. Также в статье сопоставлены два типа переводов Эдгара По: те, которые приводят усложненный синтаксис оригинала «в соответствие» со стилистическими нормами языка перевода, и те, которые пытаются остраненно воспроизвести его. Если первые обеспечили рассказам «безумного Эдгара» популярность у русского читателя, то вторые остаются примером переводческого эксперимента и объектом читательской критики.

The article focuses on the readers' reception of feature translations through their idea, or even a subconscious feeling, of a stylistic norm (a changing 'linguistic taste', as V. V. Vinogradov called it). Different interpretations of English passive forms by the means of Russian syntax are being estimated not only by linguists, but by common readers, who give their judgment like 'proper' – 'improper', 'good' or 'nonsense', and

can recommend or not recommend the translation to their friends. The paper is based on a linguistic investigation, aimed to date the anonymous translation of the novel by Jerome K. Jerome, concerning its syntax, vocabulary and style; it also describes differences between numerous translations of Edgar Poe's tales. The analysis takes into account both diachronic trends in translating the passive and non-isosemic sentences, and changing approaches to interpreting the style of the author.

Ключевые слова: синтаксис, стиль, художественный перевод, страдательный залог, интерпретация.

Key words: syntax, style, feature translation, passive forms, interpretation.

Страдательные конструкции в русском переводном нарративе конца XIX – начала XXI вв. на фоне «истории лингвистического вкуса»: интерпретация и рецепция

А.В. Уржа

В работе «О задачах стилистики» В.В. Виноградов писал: «Нельзя сомневаться, что... каждый носитель того или иного говора производит эстетическую оценку и отбор между возможными выражениями мысли. Трудно отрицать и то, что есть некоторые общие нормы этого отбора для лиц одного говора в данную эпоху. Поэтому можно, вслед за К. Фосслером, говорить об особой ветви стилистики – своего рода «истории лингвистического вкуса» [Виноградов 1923: 200]. Нормы отбора, о которых писал В.В. Виноградов, работают не только при «всяком словесном построении», но и при его рецепции. И несмотря на то что использование средств в художественном переводе обусловлено массой дополнительных факторов, от расхождений языковых и культурных систем до задач воссоздания манеры автора, тем не менее, нормы языка перевода, задающие характер читательской рецепции, оказываются фактором судьбы переводного текста.

В основу статьи легли результаты лингвистического «расследования», поводом к которому стало обсуждение в интернете⁵ качества перевода романа Д.К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», опубликованного в 2007 году. Читатели-нефилологи отмечали промахи переводчика (имя которого в издании не указано), характеризуя текст как «несуразный», и, главное, не смешной. Они сопоставляли критикуемый текст со «знакомым всем старым переводом Михаила Салье», отмечая различия. В переводе, изданном в 2007 году, в большом количестве встречаем фразы: «Прежде всего послана была в лавку горничная, чтобы купить на 6 пенсов гвоздей/Через полчаса палец был завязан, молоток, гвозди, лестница и табуретка принесены./Когда гвоздь был найден и подан, оказалось, что дядя Поджер потерял заметку на стене./Среди споров глав-

⁵ Джером К. Джером: Трудности электронного перевода. URL: http://www.ljpoisk.ru/archive/3468809.htmlTpoe 2007.

ное число было забыто, и дядя Поджер снова должен быть мерить стену». В переводе М. Салье, изданном в 1957 году, им соответствуют неопределенно-личные или двусоставные предложения в действительном залоге: «Он посылает горничную купить гвоздей на 6 пенсов. Ему перевязывают палец, достают другое стекло и приносят инструменты, стремянку, табуретку и свечу. В пылу ссоры мы забываем первоначальное число, так что дяде Поджеру приходится мерить еще раз». Читатели с трудом подбирают слова, чтобы определить, почему «новый» перевод нравится им меньше. Лингвист же отметит в нем огромное количество страдательных конструкций, утяжеляющих текст как в синтаксическом, так и в стилистическом плане. В эти построения вплетены книжно-официальные обороты, например: «Вследствие подобных соображений было решено ночевать под открытым небом только в хорошую погоду».

Детальное исследование стиля, синтаксиса, лексики, словообразовательных средств, использованных в «новом» переводе, убедительно свидетельствует о том, что он был создан... в начале XX века (приведем лишь один пример из сферы лексики: «Тогда он взял **аршин** (выделено мной – А. У.) и измерил длину стены: оказалось, что ему надо найти половину 21 фута и пяти целых с тремя восьмыми дюйма»). В то время, на волне первой популярности повести Д. К. Джерома, появился целый ряд ее переводов, в том числе и анонимных. В 2007 году текст был просто «перенабран» в современной орфографии.

Обратимся к особенностям синтаксиса анонимного перевода. В книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.» В.В. Виноградов отмечает в последней трети XIX века резкое возрастание роли «газетно-публицистического и научно-популярного языка» [Виноградов 1982: 420]. Особенно интересны зафиксированные В. В. Виноградовым нарушения грамматических норм и новые стилистические тенденции в литературном языке. Ссылаясь на статью И. М. Николича «Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати» (1878 года), В.В. Виноградов отмечает «распространение форм причастий страдательного залога настоящего времени, в том числе от глаголов с непереходным значением (например, «ставлю командуемую им армию в безвыходное положение», «деятельность общества, председательствуемого таким-то») [Виноградов 1982: 474]. Возрастает количество оборотов, которые Виноградов называет описательными активами и пассивами (типа подвергнуть наказанию, подвергнуться испытанию), которые будут позже названы Г.А. Золотовой неизосемическими, ограниченными в стилистическом употреблении [Золотова 1998: 109]. «В официально-деловой, научной, публицистической речи, - пишет В. В. Виноградов, - часто было существенно стереть или затушевать оттенок индивидуализирующей,

нередко фамильярной изобразительности действия, присущий простой форме того или иного глагола». В итоге «развивается своеобразная манера искусственно-книжного, перифрастического, синтаксически запутанного изложения», которая влияет даже на язык мещанства [Виноградов 1982: 451].

Эту тенденцию на рубеже веков мы обнаруживаем и в художественных переводах (где к тому же велико искушение калькировать конструкции оригинала). Профессиональную критику таких текстов мы находим в «Высоком искусстве» К. И. Чуковского, первый вариант этой книги был написан уже к 1919 году. Многочисленные примеры «насилия над синтаксическим строем русского языка» взяты К. И. Чуковским из опубликованных переводов того времени: «Радость, доставляемая мне созерцанием все расширявшегося... пейзажа, - была для меня достаточной наградой». «Происшествия, которые я собираюсь изложить, будут сочтены скорее плодом безумного воображения, нежели действительным опытом человеческого разума» [Чуковский 1964 (1919)]. Чуковский любил рассказывать историю о сенаторе-графомане, переводившем О. Уайльда и печатавшем свои творения анонимно. Однажды тот принес перевод «Соловья и розы», где была фраза «За неимением красной розы моя жизнь разбита» (Дословно: «For the want of a red rose my life is broken'). Когда К. Чуковский и М. Горький указали ему на неприемлемость такой фразы в русском переводе, он принес другой вариант «Ввиду отсутствия красной розы моя жизнь разбита». История правдива, этот вариант перевода сказки Уайльда действительно существует. Не исключено, что «творение» именно такого переводчика и было перепечатано издателями Джерома в 2007 году.

Итак, отмеченные современными читателями синтаксические построения, в первую очередь, страдательные конструкции с акциональным значением и неизосемические обороты переполняли низкокачественные художественные переводы сто лет назад, и уже тогда осознавались образованными читателями как стилистически «нагруженные», а чаще просто инородные в художественном повествовании. В середине XX века, в эпоху, по выражению О. Г. Ревзиной, «стагнации официального литературного языка» [Ревзина 2000: 34], сфера использования подобных оборотов расширялась, но росло и неприятие их в культурной среде: о канцелярите в художественном переводе и в речи после К. Чуковского будет писать и Нора Галь, высмеивая фразы типа «производился забор выдыхаемого воздуха» [Галь 1975].

В итоге, во второй половине XX века многие произведения оказались представлены на русском языке в двух синтаксических «обличьях»: переводы, изобилующие

страдательными конструкциями и неизосемическими оборотами, противостоят вариантам, заменяющим их соответственно на неопределенно-личные и изосемические предложения. Речь в данном случае идет о доминирующей тенденции, на фоне которой воспроизводится (или, наоборот, теряется) индивидуальный стиль переводимого автора. Одну из особенностей юмора Дж. К. Джерома, как известно, составляет стилистическая игра, чередование возвышенно-поэтических фрагментов с разговорно-бытовыми зарисовками, сценками. И использование страдательных оборотов во всех контекстах разрушает авторский прием в глазах читателя.

Особая ситуация складывается в случае, когда пассивные конструкции составляют неотъемлемый атрибут стиля переводимого автора, например, Эдгара По. Благодаря синтаксически «облегченным» переводам его произведения стали в России чтением для широкой аудитории, вплоть до подростков, тогда как формально копирующие его манеру тексты предстают остраненными, необычными [Уржа 2009: 225].

Сопоставим четыре перевода отрывка из рассказа Э. По 'Нор-Frog' (по-русски «Лягушонок», «Скакун-Лягушка», «Прыг-Скок»). Это рассказ о том, как карликшут отомстил жестокому королю и министрам за унижения, нарядив их на карнавале обезъянами, а потом подпалив их костюмы. Оригинал представляет нам здесь типичную манеру По-прозаика. Э. По, предтеча не только триллера, но и аналитического детектива-расследования, питал слабость к наукообразности изложения. Его тексты даже по сравнению с произведениями современников перегружены многоэтажными пассивными конструкциями и описательными неизосемическими оборотами [Fletcher 1973: 20]. Современным американским студентам читать его нелегко, хотя пассивные конструкции до сих пор распространены и функционально нагружены в английском языке значительно больше, чем в русском [Leech, Svartvick 1975; Аракин 1979; Копров 2010]. Как решали для русского читателя эту проблему переводы, созданные в конце XIX и на протяжении XX века?

E. Poe 'Hop-Frog'	The suggestion was at once overruled by the dwarf (курсив мой – А. У.), who soon convinced the eight, by ocular demonstration, that the hair of such a brute as the orangoutang was much more efficiently represented by flax.
изд. В. Н. Маракуева, 1885 г. ⁶	но она (мысль) была сейчасъ же отвергнута карликомъ, которому удалось очень скоро убъдить этихъ особъ, что по внъшнему виду шерсть такого животнаго, какъ орангутангъ, можетъ быть представлена болъе върно посредствомъ пеньки.
изд. И. Д. Сытина, 1908 г.	Но карликъ рѣшительно воспротивился этому предложенію, доказавъ наглядно, что обезьяньи волосы гораздо ближе можно поддѣлать съ помощью льна.
М. Викторов, 1927 г.	но карлик не согласился на это и уговорил восьмерку, что пенька лучше всего заменит шерсть орангутанга.
В. В. Рогов, 1970 г.	но предложение было тотчас же отвергнуто карликом, который быстро убедил всех восьмерых посредством наглядной демонстрации, что шерсть такой твари, как орангутанг, гораздо более успешно изобразит льняная кудель.

Анонимный перевод в издании В. Н. Маракуева копирует оригинал. Не только нам, современным читателям, но и жившему в то время К. И. Чуковскому он по-казался бы синтаксически и стилистически неадекватным, ср. [Чуковский 1964: 261]. В издании И. Д. Сытина страдательные конструкции отсутствуют, они заменены на действительную («карлик воспротивился предложению») и безличную. В переводе М. Викторова мы видим две действительных конструкции. Вариант же В. Рогова, созданный почти через сто лет после первого перевода, удивительным образом сближается с ним: есть не только пассив, но и книжное сочетание «убедил посредством наглядной демонстрации», так похожее на «представлена посредством пеньки». 6

Проведем еще одно диахроническое сопоставление, анализируя фрагменты трех переводов «Рукописи, найденной в бутылке»:

⁶ Подробные сведения об использованных в статье переводах см. в [Уржа 2009].

E. Poe 'MS. Found in a Bottle'	Our cable had, of course, parted like pack-thread, at the first breath of the hurricane, or we should have been instantaneously overwhelmed (курсив мой – А. У.).	With great difficulty I gained my feet, and looking dizzily around, was, at first, struck with the idea of our being among breakers; so terrific, beyond the wildest imagination, was the whirlpool of mountainous and foaming ocean within which we were engulfed.
К. Д. Бальмонт, 1911 г.	Нашъ канатъ, конечно, лопнулъ, какъ тонкая бичевка, при первомъ же взрывъ урагана, въ противномъ случаъ мы тотчасъ же были бы поглощены моремъ.	Съ великимъ затрудненіемъ я высвободилъ свои ноги, и, оглядъвшись кругомъ потеряннымъ взглядомъ, былъ прежде всего пораженъ мыслью, что вокругъ насъ свиръпствуетъ бурунъ, – такъ чудовищно было это невообразимое круженіе исполинскихъ пънистыхъ массъ океана, въ смятеніе которыхъ мы были втянуты.
М. А. Энгельгардт, 1914 г.	Канатъ, безъ сомнѣній, лопнулъ, какъ нитка, при первомъ натискѣ урагана, иначе корабль разбился бы моментально.	Съ трудомъ поднявшись на ноги, я дико оглядълся, и въ первую минуту мнъ показалось, что мы попали въ сферу прибоя: такъ бъшено крутились громадные валы.
М. Беккер, 1976 г.	При первом же порыве урагана наш якорный канат, разумеется, лопнул, как тонкая бечевка, и лишь благодаря этому нас тут же не перевернуло вверх дном.	С большим трудом поднявшись на ноги и растерянно оглядевшись, я сначала решил, что нас бросило на рифы, ибо даже самая буйная фантазия не могла бы представить себе эти огромные вспененные буруны, словно стены, вздымавшиеся ввысь.

Переводы К. Д. Бальмонта и М. А. Энгельгардта появились приблизительно в одно и то же время, в начале XX века, тогда как перевод М. И. Беккер – один из поздних. Но выбор синтаксических и стилистических средств, отношение к оригиналу и к читателю резко противопоставляет именно переводы современников. У К. Д. Бальмонта – стопроцентное следование за конструкциями оригинала (таких примеров можно привести десятки), в некоторых случаях они поэтизируют повествование, как в первом, в других выглядят инородными, некорректными. М. А. Энгельгардт предпочитает действительные конструкции, М. И. Беккер же широко использует безличные, специфически русские обороты, актуализирующие значение «инволюнтивности», стихийности действия, беззащитности персонажа перед ним [Золотова и др. 1998: 124].

Данные сравнительного анализа показывают, что и среди ранних, и среди поздних переводов Э. По существуют те, которые последовательно предпочитают действительные, в том числе неопределенно-личные и безличные конструкции, и те, которые напротив, изобилуют страдательными и неизосемическими оборотами. Если в одних «между пленниками завязалась тесная дружба», то в других «пленники сблизились и подружились», если в первых «при курении опиума безразлично, какое количество употребляется», то в других «когда куришь его, не так важно, сколько взять» [Уржа 2009: 110–112]. В чем причина этого феномена?

Стиль оригиналов Э. По вступал, по мнению многих переводчиков, в противоречие с увлекательностью сюжета. Выбирая действительные, неопределенно-личные и безличные предложения, переводчики локализовали текст в соответствии с той стилистической нормой, которая характеризовала восприятие русского читателя. Другие представляли читателю остраненный текст, необычный, в какой-то мере приближающий нас к положению современных американцев, читающих оригиналы Э. По. Читатель, конечно же, отдает предпочтение первым, не зря такой подход и называется за рубежом 'reader-oriented translation'. Именно благодаря им в XX веке Э. По стал так популярен в России, в том числе и среди подростков - любителей приключений и детективов. Появление же переводов второго типа можно объяснить попытками создать перевод, позволяющий почувствовать необычность, специфику синтаксиса Э. По, так сказать 'author-oriented' translation. Эта тенденция вновь усилилась в наше время, которое называют эпохой переводческого плюрализма, ср. [Калашникова 2008; Venuti 2008]. Однако такие эксперименты всегда затрагивают читательское представление о норме, и то, что у своего автора покажется новаторством, спецификой, манерой, в переводе рискует оказаться непонятым и непринятым.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979.
- 2. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборник статей. Под ред. Л. В. Щербы. Пг.: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. Ч. І. С. 195–293.
- 3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982.
- 4. Галь Н. Слово живое и мертвое. М. 1975.
- 5. Джером К. Джером: Трудности электронного перевода. URL: http://www.ljpoisk.ru/archive/3468809.htmlTpoe 2007.
- **6.** Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- 7. Калашникова Е. По-русски с любовью: беседы с переводчиками. М., 2008.
- **8.** *Копров В. Ю.* Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, 2010.
- **9.** *Ревзина О. Г.* Этапы развития русского языка в XIX–XX веках // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 2000.
- **10.** Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М., 2009.
- 11. Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1964.
- **12.** *Fletcher R. M.* The Stylistic Development of Edgar Allan Poe. Mouton, The Hague Paris, 1973.
- **13.** *Leech G., Svartvick J. A.* Communicative grammar of English. London: Longman, 1975; М.: Просвещение, 1983.
- **14.** *Venuti L.* The Translator's Invisibility: a History of Translation. London New York, Routledge, (1995) 2008.

Экспериментально-вычислительные исследования художественной прозы Н.В. Гоголя

Experimental and Computational Study of N. V. Gogol's Narrative Stories

Ягунова Елена Викторовна, Пивоварова Лидия Михайловна

Yagunova Elena Victorovna, Pivovarova Lidia Michailovna

В статье представлены результаты анализа семантической и информационной структур, где первая в наибольшей степени соотносится со стилем (характерным для писателя, цикла, произведения), а вторая – с содержанием произведения и/или цикла. Проведенное исследование на базе вычислительного эксперимента и эксперимента с информантами позволяет формальным образом охарактеризовать особенности построения анализируемых произведений Н.В. Гоголя. Особое внимание уделяется явлениям взаимодействия и пересечения семантической и информационной структур, что отличает художественную прозу от информационно насыщенных стилей текста (научного и новостного).

The article presents an investigation of semantic and information structures; the former mainly characterises style (of a writer, a cyclus or a single piece of work), and the latter refers to the content of the work and/or cyclus. Based on computational experiment and experiments with informants, the research allows us to characterise formally Nikolai Gogol's works. Particular attention is given to interaction and intersection of information and semantic structures – phenomena, distinguishing fiction from highly informative text genres (scientific papers and news).

Ключевые слова: художественный текст, семантическая и информационная структуры текста, вычислительный эксперимент, эксперимент с информантами.

Key words: fiction text, semantic structure, information structure, computational experiment, experiment with informants.

Экспериментально-вычислительные исследования художественной прозы H.B. Гоголя

Е.В. Ягунова, Л.М. Пивоварова

1. Постановка проблемы. Цели, гипотезы, задачи

Современная коллокативистика, методы которой используются в данной работе, во многом заимствовала свой подход из работ В.В. Виноградова «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947) и «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946). Нами решались – в экспериментальных и прикладных парадигмах – некоторые из глобальных теоретических задач, сформулированных в свое время В.В. Виноградовым. В первую очередь речь идет о постановке задачи изучения языка русской художественной литературы и индивидуального стиля (языка) писателя (см. статью В.В. Виноградова «О языке художественной литературы» [Виноградов 1959]).

В лингвистике текста часто говорят о различении синтаксических, семантических, а также информационных (смысловых) структур текста (см. обзор в [Ягунова 2008]). Граница между этими структурами нечеткая. В наших работах предлагается исследование структур текста, соотносимых либо со стилевыми характеристиками (функциональным стилем, стилем конкретного автора или, например, стилем новостного источника), либо с тематикой текста. Терминология в такого рода работах пока не сложилась; предлагаем ориентироваться на используемую в наших работах терминологию, ориентированную первоначально на работу с текстами научного и новостного (газетно-публицистического) функциональных стилей (см., например, [Ягунова, Пивоварова 2010а; Ягунова, Пивоварова 2010б; Ягунова, Пивоварова 2011б]). Семантической структурой мы называем структуру, характеризующую прежде всего стилевые характеристики (предварительно – научных и новостных текстов); информационной структурой – характеризующую тематику, предметную область анализируемых текстов. На уровне методики экспериментального (автоматического) выделения эти структуры соответствуют разным статистическим мерам.

Общие предварительные гипотезы этого исследования состоят в следующем:

- формально определяемые (на основании статистических мер) семантическая и информационная структуры лучше всего различаются для информационно насыщенных политематических коллекций;
- для художественных произведений (циклов) такого рода структуры могут быть выделены таким же формальным образом, но эти структуры тесно взаимодействуют, в отличие от информационно насыщенных научных и новостных текстов.

Семантическая структура должна в наибольшей степени соотноситься со стилем (характерным для писателя, цикла, произведения), а информационная структура – с содержанием произведения и/или цикла. Для монотематических (например, научных) и политематических коллекций возможны существенные различия: в первом случае коллокации, характеризующие стилевые и тематические характеристики, могут смешиваться.

Степень простоты и однозначности для процедур выделения ключевых слов зависит от следующих параметров:

- от функционального стиля текста (художественный, научный, новостной, официально-деловой),
- от темы, стиля, жанра и т. д.,
- от стиля конкретного писателя,
- от тематики произведения или цикла произведений рассматриваемого писателя,
- от степени статичности/динамичности повествования.

Традиционно, выделяемые списки коллокаций отражают главным образом интуицию исследователя и лишь в некоторой степени могут быть соотносимы с изучением тех особенностей, которые не просто заложены в языке (во всех текстах на этом языке), но в существенной степени зависят от типа рассматриваемых текстов. Альтернативой интуитивному методу можно считать использование различ-

ных статистических мер, позволяющих автоматически выделить из текстов коллокации и ранжировать их по степени устойчивости в соответствии со значениями выбираемых мер. Для нас статистический метод является единственно приемлемым, так как в нашем исследовании рассматриваются большие массивы текстов разных функциональных стилей и предметных областей. Список потенциальных коллокаций для них принципиально не задан, поскольку этот список является отражением тех языковых и экстралингвистических характеристик, которые заложены в анализируемых текстах и выявление которых является конечной целью данного исследования.

В исследованиях научных и новостных текстов нами были проверены и подтверждены следующие гипотезы (см. подробнее в [Ягунова, Пивоварова 20106; Пивоварова, Ягунова 2010; Ягунова, Пивоварова 20116]):

- 1. Используемые в работе статистические меры (МІ и t-score) позволяют охарактеризовать предметную область и стилистические особенности новостных текстов.
- 2. Списки коллокаций, полученных с помощью MI и t-score, различны.
 - а) коллокации, выделяемые с помощью MI, позволяют определять прежде всего наименования объектов, термины, сложные номинации, отражающие предметную область;
 - б) критерий t-score направлен на выделение «общеязыковых устойчивых сочетаний» (производных служебных слов, дискурсивных слов) и «устойчивых конструкций», где и те, и другие характеризуют стилистические особенности новостных текстов.
- 3. Коллокации, выделяемые для монотематической коллекции (на примере научных текстов), характеризуются большей однородностью:
 - а) коллокации, выделяемые с помощью MI, точно определяют предметную область, но могут включать и клише или стилевые маркеры (например, (на) наш взгляд, свою очередь, речь идет, представляет собой);
 - б) коллокации, выделяемые с помощью t-score, дают представление о наборе общеязыковых устойчивых сочетаний (или, скорее, общих для рассматриваемой коллекции);

в) степень тематической однородности коллекции соотносится с однородностью множества выделяемых коллокаций: терминологические коллокации, общие для всех (или подавляющего большинства) текстов коллекции, характеризуются высокими значениями меры t-score.

Третья гипотеза имеет для нас особое значение. Целью данной работы является изучение текстов Н.В. Гоголя, а не набора любых (разных) текстов художественной литературы. Поэтому наши интересы лежат в области изучения близких к монотематичности текстов (см. ниже три тематически наиболее однородные коллекции из произведений Н.В. Гоголя).

Еще одним интересующим нас параметром является степень статичности/динамичности повествования (нарратива), что отражено при отборе материала. Предполагается, что в рамках трех коллекций будет учтено разделение на потенциально более динамические и более статические. Анализируемые ранее научные и новостные тексты, очевидно, являются статическими. В данной работе нами проверяются следующие дополнительные гипотезы:

Статические тексты имеют семантическую и информационную структуры более близкие к структурам научных и новостных текстов;

Динамические художественные тексты противопоставлены научным и новостным по двум параметрам: как художественные и как динамические.

2. Материал и методика

В качестве основного анализируемого материала рассматриваются три тематически наиболее однородные коллекции:

- 1) «Петербургский цикл»,
- 2) «Мертвые души»,
- 3) украинская тематика: «Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Процедура анализа в общем виде такова: для всех биграмм в тексте подсчитываются значения набора статистических мер, после чего биграммы ранжируются по значению этих мер. Наверху отранжированного списка оказываются колло-

кации, которые в наибольшей степени характеризуют информационную или семантическую структуру. На следующем этапе изучается распределение этих коллокаций (топ-списков) на фоне всех прочих сочетаний слов текстов (коллекции). Топ-списки определяются на основании анализа полученных выдач (коллокации или ключевые слова со значениями мер). В данной работе топ-списки коллокаций составляли около 100 единиц.

Опишем более подробно статистические меры, использованные в данном исследовании. Мера МІ позволяет проверить независимость появления двух слов в тексте: если слова полностью независимы, то вероятность их совместного появления равна произведению вероятностей появления каждого из них, то есть произведению частот (использование абсолютных частот вместо относительных увеличивает значение МІ для всех коллокаций в корпусе на константу, однако не меняет ее вероятностного смысла).

$$MI = log_2 \frac{f(c_1, c_2) \times M}{f(c_1) \times f(c_1)}$$

где

 c_i – коллокаты;

 $f(c_1, c_2)$ – абсолютная частота встречаемости коллокации c_1c_2 , с учетом порядка коллокатов внутри биграммы;

 $f(c_1), f(c_2)$ – абсолютные частоты c_1 и c_2 в корпусе;

N – общее число словоупотреблений в корпусе.

Недостатком меры MI, который отмечают многие исследователи (в том числе [Stubbs 1995; Manning, Schutze 2002] и др.), является ее свойство завышать значимость редких словосочетаний. Поэтому в данной работе мы рассматривали только те биграммы, которые встретились в коллекции не менее 16 раз.

Мера t-score учитывает частоту совместной встречаемости целевого слова и его коллоката. Она отвечает на вопрос, насколько не случайной является сила ассоциации (связанности) между коллокатами. Мера t-score, расчитывается по формуле (условные обозначения здесь приняты те же, что и выше для МІ):

$$t - score = \frac{f(c_1, c_2) - \frac{f(c_1) \times f(c_2)}{N}}{\sqrt{f(c_1, c_2)}}$$

Данная мера используется гораздо реже, чем мера МІ, поскольку она является лишь несколько модифицированным ранжированием коллокаций по частоте. Значение данной меры тем выше, чем выше частота коллокации в коллекции. Данная мера содержит коррекционный компонент (вычитание деленного на размер коллекции произведения частот коллокатов), но эта поправка отражается лишь на самых частотных словах. Это свойство часто делает данную меру малопригодной для поиска терминологических словосочетаний, и для этой цели она, как правило, не используется.

Мера TF-IDF – статистическая мера, традиционно используемая в информационном поиске для оценки важности слова в контексте документа, являющегося частью коллекции документов. Мера TF-IDF является произведением двух сомножителей: TF и IDF.

TF ($term\ frequency$ – частота слова) оценивает важность слова t_i в пределах отдельного документа:

$$TF = \frac{n_{i}}{\Sigma_{k} n_{k}}$$

где n_i есть число вхождений слова в документ, а в знаменателе – общее число слов в данном документе.

IDF (*inverse document frequency* – обратная частота документа) учитывает количество документов коллекции, в которых встречается некоторое слово. Учёт IDF уменьшает вес широкоупотребительных слов (слов, встретившихся во многих документах коллекции):

IDF = log
$$\frac{|D|}{|(d_i \supset t_i)|}$$
,

где $|\mathrm{D}|$ – количество документов в корпусе; $|(\mathrm{d_i} \supset \mathrm{t_i})|$ – количество документов, в которых встречается t_i (когда $\mathrm{n}_i \neq 0$).

Большой вес в TF-IDF получают слова с высокой частотой в пределах конкретного документа и с низкой частотой употреблений в других документах. На основании весов слов – значений меры – мы можем определить потенциально ключевые сло-

ва. Правильность этого определения зависит, главным образом, от того, насколько правильно определен контекст, то есть коллекция, с которой сравниваются слова интересующего нас текста или – как в случае данной работы – произведения максимально однородной подколлекции (цикла).

Анализируемые подколлекции (циклы) текстов Н. В. Гоголя сопоставлялись с контекстом: коллекцией, включающей уже перечисленные тексты Н. В. Гоголя и сборники А. П. Чехова «Человек в футляре», «Рассказы 1887 г.», «Рассказы. Повести. 1888–1891», «Рассказы. Повести. 1892–1894», «Рассказы. Повести. 1894–1897». Состав контекста (выбор произведений А. П. Чехова, входящих в контрастивную коллекцию) обусловлен задачей получения максимально однородной контрастивной коллекции.

Кроме того, мы использовали традиционную методику проведения эксперимента с информантами со стандартной инструкцией А. С. Штерн [Мурзин, Штерн 1991]: «Вспомните «Петербургские повести» Н. В. Гоголя. Подумайте над их содержанием. Выпишите 10–15 слов, наиболее важных для их содержания». И далее также – «Вспомните «Мертвые души» Н. В. Гоголя...», «Вспомните украинский цикл Н. В. Гоголя («Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки»)...». Единственное отличие от традиционного варианта заключалось в том, что информантам предлагалось вспомнить тексты, т. е. оценивалось остаточное знание текста. В экспериментах по определению КС участвовало по 22 информанта для каждого из трех циклов. В качестве информантов выступали профессиональные филологи (не студенты), хорошо знающие русскую классику. К участию в эксперименте не привлекались преподаватели русской литературы в школе или ВУЗе, чтобы образовательные методики, программы, стандарты не влияли на результат эксперимента.

3. Результаты. Обсуждение результатов

В таблице 1 приводится топ-список (коллокации с максимальным значением меры МІ), являющийся пересечением топ-списка для словоформных и лексемных биграмм (отдельно для «Петербургских повестей», «Мертвых душ» и «Украинской тематики»). Подробнее о причинах выбора тех коллокаций, которые выделяеются и для словоформ, и для биграмм см. в [Ягунова, Пивоварова 2010; Ягунова, Пивоварова 20116].

В этой таблице (табл. 1а, б, в) представлены:

- 1. МІ-коллокации, характеризующие тематику текстов, как элементов информационной структуры; например, <u>Невского проспекта</u>, коллежского асессора, статского советника, <u>Акакию Акакиевичу</u>, Павел Иванович, Миргородского повета, Хома Брут;
- 2. МІ-коллокации, соотносимые с составными и дискурсивными словами, клише, стилистическими маркерами; например, большей частию (компонент), крайней мере, никоим образом, понимаете ли, таким образом, Боже мой, очень приятно, слава Богу,...нас черненькими... (как компонент крылатой фразы);
- 3. МІ-коллокации, представляющие собой предикативные конструкции, например, частию лежал, сказал, вы встретите, носит царица.

Между названными тремя классами существуют пересечения и неоднозначность интерпретации. Например, *понимаете ли* – это вводная и предикативная конструкция, часто характеризующая особенности стиля того или иного автора. Первый тип МІ-коллокаций максимально соответствует тому типу единиц – прежде всего, сложных номинаций – который был выявлен на разных научных и новостных коллекциях (в рамках исследования функционального стиля). Например, для коллекции новостных текстов портала Лента.ру за 2009 год топ-список МІ-коллокаций содержит следующие единицы: *Бритни Спирс*, *Эльвира Набиуллина*, *Ле Бурже*, *Лионель Месси*, *мысе Канаверал*, *бин Ладена*, *Норильского никеля*, *дельтыы Нигера*.

В таблицах 1 и 2 полужирным шрифтом выделены те единицы, которые мы интерпретируем как пересечение семантической и информационной структур; к ним примыкают предикативные единицы, выделенные курсивом, их интерпретируем как потенциальное пересечение семантической и информационной структуры.

Результаты сравнения позволяют делать выводы о многих факторах, влияющих на возможность разделения информационной и семантической структур текстов разных стилей. Включение в набор анализируемого материала монотематической коллекции научных текстов после редакторской правки позволяет говорить о том, что в определенных случаях и по определенным параметрам монотематические научные и художественные коллекции обнаруживают схожие свойства.

Таблица 1. *Топ-список МІ-коллокаций*

а) «Петербургские повести»

пп	МІ-биграмма
1	Невского проспекта
2	коллежского асессора
3	статского советника
4	12 часов
4	господами офицерами
5	Петербургские повести
6	ma chere
7	<u> Акакию Акакиевичу</u>
9	Милостивый государь
10	большею частью
11	милостивый государь
12	титулярный советник
13	начальник отделения
14	частью лежал
15	коллежский асессор
20	умоляющим голосом
22	передо мною
24	крайней мере
26	ваше превосходительство
27	маиора Ковалева
28	значительного лица
29	сорок копеек
30	друг Гофман
31	сих пор
33	Иван Яковлевич

	Т
34	Андрей Петрович
37	поручик Пирогов
41	такой степени
44	Отец мой
47	таким образом
50	каждый день
51	никаким образом
54	перед зеркалом
55	мой друг
57	новая шинель
59	рублей сорок
61	во внутрь
62	после обеда
65	без сомнения
66	во сне
67	Боже мой
69	между тем
70	может быть
73	понимаете ли
74	однако ж
76	несколько минут
77	вам угодно
80	два года
81	молодой человек
82	вместо носа
87	про себя

б) «Мертвые души»:

пп	МІ-биграмма
1	Кифа Мокиевич
2	Мокий Кифович
4	ездят холостяки
5	земская полиция
6	<u>Павел Иванович</u>
7	воскресным дням
8	врачебной управы
9	полковнику Кошкареву
10	Александра Степановна
11	Настасья Петровна
12	действительный статский
13	Софья Ивановна
14	Фома Большой
15	Фома Меньшой
16	губернаторскую дочку
17	ранней редакции
18	увезти губернаторскую
19	окончание главы
20	красного дерева
21	наваринского пламени
22	трактирного слуги
23	второго тома
24	слава Богу
25	первом издании
26	близкий приятель
28	генерала Бетрищева
29	издании второго
30	французский язык
31	русскому обычаю

32 карточная игра 33 немецкого писателя 34 фраке наваринского 35 дядя Митяй 36 статский советник 37 Анна Григорьевна 38 Платон Михалыч 42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич 66 Иван Григорьевич	Г	r
34 фраке наваринского 35 дядя Митяй 36 статский советник 37 Анна Григорьевна 38 Платон Михалыч 42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	32	карточная игра
35 дядя Митяй 36 статский советник 37 Анна Григорьевна 38 Платон Михалыч 42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	33	немецкого писателя
36 Статский советник 37 Анна Григорьевна 38 Платон Михалыч 42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	34	фраке наваринского
37 Анна Григорьевна 38 Платон Михалыч 42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	35	дядя Митяй
38 Платон Михалыч 42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	36	статский советник
42 записной книжки 43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	37	Анна Григорьевна
43 расположении духа 44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	38	Платон Михалыч
44 Андрей Иванович 46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	42	записной книжки
46 двенадцатого года 47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	43	расположении духа
47 Константин Федорович 48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	44	Андрей Иванович
48 председателя палаты 49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	46	двенадцатого года
49 Брат Василий 50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	47	Константин Федорович
50 хозяйственная часть 51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	48	председателя палаты
51 мертвые души 53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	49	Брат Василий
53 книжки Н 54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	50	хозяйственная часть
54 полковник Кошкарев 55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	51	мертвые души
55 рукописи отсутствуют 56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	53	книжки Н
56 среди волн 57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	54	полковник Кошкарев
57 капитан Копейкин 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	55	рукописи отсутствуют
 59 Афанасий Васильевич 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич 	56	среди волн
 60 ваше сиятельство 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич 	57	капитан Копейкин
 61 десять миллионов 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич 	59	Афанасий Васильевич
 62 Петр Петрович 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич 	60	ваше сиятельство
 63 Александр Петрович 64 некотором роде 65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич 	61	десять миллионов
64 некотором роде65 Иван Антонович66 Иван Григорьевич	62	Петр Петрович
65 Иван Антонович 66 Иван Григорьевич	63	Александр Петрович
66 Иван Григорьевич	64	некотором роде
1 1	65	Иван Антонович
70 крайней мере	66	Иван Григорьевич
	70	крайней мере

в) украинская тематика

пп	МІ-биграмма
1	Миргородского повета
2	Хавронья Никифоровна
3	глиняная кружка
4	смертным часом
5	ученики старших
6	Антона Прокофьевича
7	Демьян Демьянович
9	учеников младших
10	Агафия Федосеевна
12	Степана Кузьмича
13	большею частию
15	младших классов
16	любезные читатели
17	Тиберий Горобець
18	изо рта
20	носит царица
21	Василиса Кашпоровна
22	Мосий Шило
23	гоп трала
24	старших классов
25	блаженной памяти
26	вывороченном тулупе
27	клок волос
29	Григория Григорьевича

30 Фомы Григорьевича 33 милостивый государь 34 пшеничной муки 35 гусиный хлев 36 село Хортыще 37 Черное море 38 длинный клок 45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед 106 Кой черт	[T
34 пшеничной муки 35 гусиный хлев 36 село Хортыще 37 Черное море 38 длинный клок 45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	30	Фомы Григорьевича
35 гусиный хлев 36 село Хортыще 37 Черное море 38 длинный клок 45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	33	милостивый государь
36 село Хортыще 37 Черное море 38 длинный клок 45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	34	пшеничной муки
37 Черное море 38 длинный клок 45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	35	гусиный хлев
38 длинный клок 45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	36	село Хортыще
45 понюхать табаку 47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	37	Черное море
47 городские ворота 49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	38	длинный клок
49 рюмку водки 50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	45	понюхать табаку
50 крайней мере 51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	47	городские ворота
51 тысячи червонных 57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 <i>разинул рот</i> 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 <u>об одолжении</u> 104 <i>выступил вперед</i>	49	рюмку водки
57 куренной атаман 62 Хома Брут 63 той поры 64 есаул Горобець 67 <i>разинул рот</i> 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 <u>об одолжении</u> 104 <i>выступил вперед</i>	50	крайней мере
 Кома Брут той поры есаул Горобець разинул рот Иванов сын Никифоров сын собачий сын вороном коне Катеринин отец об одолжении выступил вперед 	51	тысячи червонных
63 Той поры 64 есаул Горобець 67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	57	куренной атаман
64 есаул Горобець 67 <i>разинул рот</i> 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	62	Хома Брут
67 разинул рот 70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	63	той поры
70 Иванов сын 71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	64	есаул Горобець
71 Никифоров сын 81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	67	разинул рот
81 собачий сын 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 об одолжении 104 выступил вперед	70	Иванов сын
 83 вороном коне 90 Катеринин отец 101 <u>об одолжении</u> 104 выступил вперед 	71	Никифоров сын
90 Катеринин отец 101 <u>об одолжении</u> 104 выступил вперед	81	собачий сын
101 <u>об одолжении</u> 104 выступил вперед	83	вороном коне
104 выступил вперед	90	Катеринин отец
	101	об одолжении
106 Кой черт	104	выступил вперед
-	106	Кой черт

В таблице 2 приводится топ-список (коллокации с максимальным значением меры t-score), являющийся пересечением топ-списка для словоформных и лексемных биграмм (отдельно для «Петербургских повестей», «Мертвых душ» и «Украинской тематики»). В таблице отдельно приводятся значения частотности (частоты встречаемости fr) и меры t-score (t). В отдельных случаях поправочный коэффициент t-score корректирует значения частотности.

Таблица 2. Ton-список t-score-коллокаций

а) «Петербургские повести»

t-score биграмма		t
как будто	61	7,72
Акакий Акакиевич	53	7,27
потому что	53	7,08
не мог	42	6,26
может быть	37	6,06
будто бы	36	5,94
не было	44	5,87
Иван Яковлевич	28	5,29
не могу	26	4,97
ваше превосходительство		4,90
вместе с	24	4,80
Акакия Акакиевича		4,79
никак не	24	4,77

так что	28	4,67
это время	22	4,61
если бы	22	4,61
однако же	21	4,56
никогда не	22	4,55
сказал он	24	4,49
вовсе не	22	4,47
Невский проспект		
Невский проспект	19	4,36
Невский проспект так же	19 20	4,36 4,27
так же	20	4,27
так же крайней мере	20 18	4,27 4,24
так же крайней мере тут же	20 18 18	4,27 4,24 4,22

б) «Мертвые души»

t-score биграммы	fr	t
сказал Чичиков	116	10,5
потому что	105	10,0
как бы	97	9,22
что ж	85	6,68
тут же	82	8,96
Павел Иванович	77	8,77
может быть	75	8,64
если бы	62	7,72
ничего не	64	7,59
как будто	59	7,57
самом деле	56	7,48
однако же	55	7,34
в самом	55	7,19
не мог	54	7,09
никак не	52	7,01
однако ж	49	6,97
все это	53	6,92
так что	64	6,74
то есть	46	6,68
между тем	44	6,61
ваше превосходительство	40	6,32

про себя	38	6,15
еще не	49	6,08
это время	38	6,03
вместе с	34	5,72
тот же	33	5,67
в городе	34	5,67
крайней мере	32	5,66
таким образом	31	5,56
по крайней	29	5,36
то же	33	5,34
Афанасий Васильевич	28	5,29
мертвые души	28	5,29
так сказать	29	5,24
несмотря на	25	4,93

в) украинская тематика

t-score биграммы	fr	t
Иван Иванович	183	13,5
как будто	128	11,15
Иван Никифорович	147	9,97
потому что	91	9,37
Иван Федорович	70	8,34
вместе с	62	7,73
на свете	61	7,60
ничего не	61	7,53
ж отг	76	7,37
не мог	56	7,28
однако ж	81	7,06
может быть	50	7,06
если бы	50	6,96
это время	49	6,92

44	6,43
42	6,41
39	6,22
55	6,14
39	6,13
37	6,08
37	6,07
36	5,99
34	5,81
34	5,76
34	5,58
33	5,54
31	5,54
44	5,41
29	5,38
31	5,37
	39 55 39 37 37 36 34 34 34 33 31 44 29

В таблице 3 приведены потенциально ключевые слова, выделенные с использованием коэффициента важности TF-IDF, слова упорядочены по убыванию значения этой меры. Пороговое значение определялось эмпирически.

Можно сказать, что определяемые таким образом слова представляют собой наименования действующих лиц, мест и событий. Полужирным шрифтом выделены слова, относящиеся к пересечению множеств ключевых слов, выделяемых в ходе вычислительного эксперимента (см. табл. 3) и в ходе эксперимента с информантами (табл. 4).

Для научных текстов предлагаемая методика дает еще более четкие результаты выделения и классификации ключевых слов (Ягунова 2010а; Пивоварова, Ягунова 2011а). Различие между художественными и научными текстами состоит, прежде всего, в весах этих признаков. В частности, различительная сила слова, оцениваемая с использованием критерия TF-IDF, гораздо выше для научного текста, чем для художественного.

Таблица 3. *Ключевые слова, полученные в результате вычислительного эксперимента*

«Петербургские повести»	«Мертвые души»	Украинская тематика
Акакиевич	Чичиков	козак
Ковалев	Ноздрев	Никифорович
Акакий	Манилов	пан
Яковлевич	Селифан	хата
маиор	Собакевич	запорожец
Шиллер	Костанжогло	козацкий
Чартков	человек	Андрий
Пискарев	Плюшкин	Тарас
проспект	Платон	Остап
Чертокуцкий	Хлобуев	Данило
чорт	тентетник	курень
портрет	слово	Катерина
человек	рука	Иван
Невский	Тентетников	Бульба
глаза	время	парубок
Гофман	Копейкин	Днепр
рука	Мураз	дьяк
лицо	Антонович	черевички
медж	Петрушка	рука
пуф	бричка	Чуб
нос	Платонов	кузнец
квартальный	лицо	свитка
бакенбарды	купчая	Голова
время	Павел	галушка
департамент	город	Левко
голова	сторона	Оксана
комната	глаз	Янкель

художник	Кошкарев	хлопец
слово	место	Петро
Испания	ассигнация	сотник
штаб-офицерша	герой	человек
беспрестанный	несколько	лях
шинель	души	Вакула
ростовщик	дама	Миргород
aceccop	голова	Солоха
коллежский	Леницын	Хома
гитулярный	поэма	есаул
коломна	чубарый	панночка
лорнет	думать	Григориевич
прыщик	Иванович	куренной
Рафаэль	жизнь	Прокофиевич
Фидель	Бог	гетьман
Психея	дом	Дорош
происшествие	барин	комиссар
чиновник	полицеймейстер	Иванович
дама	председатель	Шинок
казаться		

В таблице 4 приведены результаты эксперимента с 21 информантом по выделению ключевых слов, количественные данные приведены в абсолютных числах (указывается число информантов, записавших в анкете данное слово с точностью до лексемы).

Таблица 4. *Ключевые слова, полученные в результате эксперимента с информантами*

«Петербургские повести»		«Мертвые «души		Украинская тематика	
слова	КС	слова	КС	слова	КС
шинель	14	помещик	5	черт	8
нос	8	дорога	8	ночь	8
художник	10	тройка	8	панночка	6
чиновник	10	бричка	7	черевички	6
Невский	9	Коробочка	7	кузнец	6
Акакий	8	Плюшкин	7	любовь	5
проспект	7	Чичиков	7	Рождество	5
сумасшествие	7	купчая	6	гусак	5
портрет	5	Манилов	6	ведьма	3
Петербург	6	Собакевич	6	Голова	4
мечта	4	мертвые	5	Иван Иванович	4
майор	5	Ноздрев	5	Иван Никифорович	3
страх	4	крепостные	3	Ивана Купала	2
холод	4	Россия	3	праздник	4
Акакиевич	3	губернатор	2	Солоха	4
обман	2	души	2	Чуб	4
Пирогов	3			ярмарка	4
Пискарев	3			Вакула	3
				Вий	3
				Днепр	3
				еда	3
				звезды	3
				казак	1
				нечисть	3
				парубок	2
				русалка	2
				смех	3
				Украина	3
				хутор	3

Наибольший интерес представляют слова (выделенные жирным шрифтом), относящиеся к пересечению множеств ключевых слов, определяемых в ходе вычислительного эксперимента (см. табл. 3) и в ходе эксперимента с информантами (табл. 4).

Для вычислительного эксперимента имеют существенное значение такие факторы, как частотность слова в тексте, число документов, содержащих это слово, даже наличие/отсутствие очевидной внутренней формы (например, *Коробочка*).

Слова, являющиеся «символами текста», далеко не всегда могут определяться в ходе вычислительного эксперимента. Например, лексема *тройка* (в частности, «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться...») встречается 13 раз в тексте (низкое значение компонента ТF); однако, вряд ли кто-нибудь усомнится в значимости этого ключевого слова для нашего представления о тексте «Мертвые души» (8 человек из 21 записало это слово в своей анкете). Слово дорога является частотным в русском языке и, в частности, в текстах Н. В. Гоголя и А. П. Чехова. В «Мертвых душах» эта лексема встречается 119 раз, но оно встречается в большом количестве документов анализируемой коллекции, и за счет компонента IDF слово не попадает в ключевые. По мнению же информантов слово является ключевым (опять же 8 человек из 21 его записало в анкетах).

4. Заключение

В статье представлены результаты анализа семантической и информационной структур, где первая в наибольшей степени соотносится со стилем (характерным для писателя, цикла, произведения), а вторая – с содержанием произведения и/или цикла. Объекты исследования – цикл «Петербургские повести», поэма «Мертвые души» и произведения украинской тематики (циклы «Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Методика исследования – вычислительный эксперимент и эксперимент с информантами. Семантическая и информационная структуры анализировались через сопоставление наборов коллокаций (двух типов, выделяемых на основании статистических мер МІ и t-score) и ключевых слов.

В художественном тексте в результате взаимодействия и пересечения семантической и информационной структур семантическая структура приобретает элементы, свойственные содержательной стороне (например, частотные ключевые слова или коллокации становятся также характеристикой стиля), а информационная структура начинает включать те стилевые сочетания, которые приобрели важную

для содержания роль. Такого рода взаимопроникновение отличает художественную прозу от информационно насыщенных стилей текста (научного и новостного). Проведенное исследование (сопоставление разных списков словосочетаний и слов) позволяет формальным образом охарактеризовать особенности построения анализируемых произведений Н.В. Гоголя.

Существенную роль во взаимодействии семантической и информационной структур играют степень тематической и стилевой однородности и степень статичности/динамичности текстов. Так, в статье были кратко показаны основные различия во взаимодействии семантических и информационных структур в зависимости от выбора одной из трех коллекций («Петербургские повести», «Мертвые души» и «украинская тематика»), где противопоставление происходит как по степени однородности, так и по степени статичности/динамичности.

«Петербургские повести» отличаются взаимопроникновением структур, а списки потенциально ключевых слов, выделяемых на основании вычислительного эксперимента и эксперимента с информантами (см. табл. 1а и табл. 2а), хорошо демонстрируют различия между двумя типами информационных структур: извлекаемой человеком в процессе понимании текстов vs. извлекаемой автоматом при реализации процедур информационного поиска. Структуры подколлекции «украинская тематика» характеризуется максимальной неоднородностью. Данные, полученные на материале поэмы «Мертвые души», оказываются промежуточными между этими подколлекциями.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 84–166
- 2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977
- 3. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- 4. Пивоварова Л. М., Ягунова Е. В. Извлечение и классификация терминологических коллокаций на материале лингвистических научных текстов (предварительные наблюдения) // Материалы Симпозиума «Терминология и знание» (Москва, май 2010 г.). М., 2010.
- 5. *Ягунова Е. В.* Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей). Пермь, 2008.
- 6. Ягунова Е. В. Формальные и неформальные критерии вычленения ключевых слов из научных и новостных текстов // Материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010. С. 533–534.
- 7. *Ягунова Е. В.* Эксперимент и вычисления в анализе ключевых слов художественного текста // Сборник научных трудов кафедры иностранных языков и философии ПНЦ УрО РАН. Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика. Отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Вып 1. Пермь, 2010. С. 85–91.
- 8. *Ягунова Е. В.* Ключевые слова в исследовании текстов Н. В. Гоголя // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2011. Вып. 15. Пермь, 2011.
- **9.** *Ягунова Е. В.*, *Пивоварова Л. М.* Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация, Сер. 2, № 6. М., 2010. С. 30-40
- 10. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Извлечение и классификация коллокаций на материале научных текстов. Предварительные наблюдения // V Международная научно-практическая конференция «Прикладная лингвистика в науке и образовании» памяти Р. Г. Пиотровского (1922–2009): Материалы. СПб., 2010. С. 356–364.
- 11. *Church K.*, *Hanks P.* Word association norms, mutual information, and lexicography // Computational Linguistics, 16 (1), 1990. P. 22–29.
- **12.** *Church K.*, *Gale W.*, *Hanks P.*, *Hindle D.* Using statistics in lexical analysis // U. Zernik ed. Lexical Acquisition. Englewood Cliff, NJ: Erlbaum., 1991. P. 115–64.
- 13. *Manning C., Schutze H.* Collocations // *Manning C., Schutze H.* Foundations of Statictical Natural Language Processing, 2002. P. 151–189.
- **14.** *Stubbs M.* Collocations and semantic profiles: on the case of the trouble with quantitative studies. // Functions of language 2:11. Benjamins, 1995. P. 23–55.

АНАЛИЗ НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Образ автора и образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров

The Image of the Author and the Image of the Addressee in Texts of Memoirs

Бакланова Ирина Ивановна Baklanova Irina Ivanovna

В статье рассмотрены различия между источниками сведений об имплицитно отраженном в мемуарном тексте образе его автора и образе его предполагаемого адресата. Показано, что источником выведения образа автора мемуарного текста является информация о том, что именно сказано в тексте и какие языковые средства входят в лексикон автора. Эти сведения могут быть получены на основании теории Б. А. Успенского о четырех планах отражения в тексте точки зрения его отправителя – плане оценки, плане выбора языковых средств, плане фактуальной информации и плане психологии. В свою очередь, источником выведения образа предполагаемого адресата являются сведения о том, каким образом передается информация в тексте. Они могут быть получены на основании постулатов речевого общения Г.П. Грайса – постулатов категории Количества, категории Качества, категории Отношения и категории Способа.

The article deals with differences between the sources of information on the image of the author and the image of the addressee implicitly expressed in texts of memoirs. It is shown that the image of the author can be inferred from what is said in the text and what linguistic means are present in the author's lexicon. These data can de obtained based on B. A. Uspensky's theory described in his book *The Poetics of Composition* about four planes of reflection of the speaker's point of view in a text (planes of evaluation, choice of linguistic means, factual information and psychology). Meanwhile, the image of the supposed addressee can be inferred from how the information is transmitted, which can be derived based on H. P. Grice's conversational maxims.

Ключевые слова: имплицитная информация, образ автора, образ адресата, точка зрения наблюдателя, постулаты Грайса, мемуарный текст.

Keywords: implicit information, image of the author, image of the addressee, narrator's point of view, P. Grice's conversational maxims, memoirs.

Образ автора и образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров⁷

И.И. Бакланова

Как известно, вопрос об отражении в тексте образа автора был впервые поставлен в трудах В. В. Виноградова [Виноградов 1971, 1980]. В дальнейшем эта проблема, а также проблема образа предполагаемого адресата текста получила развитие преимущественно на материале художественных текстов [Бахтин 1996а; Бахтин 19966; Бударагина 2006; Падучева 1996; Шмид 2003]. Однако информация об авторе и адресате в достаточном объеме содержится и в текстах нехудожественных.

Цель данной статьи – определить, во-первых, в чем состоят проявления образа автора в нехудожественных текстах, во-вторых, в чем заключаются различия между источниками сведений об образе автора и образе адресата подобных текстов и, наконец, в-третьих, из каких источников может быть почерпнута информация об адресате данного типа текстов.

В качестве примера нехудожественных текстов в данной статье использованы мемуары Надежды Мандельштам [Мандельштам 1990] и Михаила Ардова [Ардов 2001].

Сначала обратимся к ответу на первый вопрос – в чем проявляется образ автора нехудожественного текста. По нашим наблюдениям, он проявляется в трех не вполне совпадающих аспектах.

Во-первых, это образ автора, который отправитель нехудожественного текста в соответствии со своими намерениями стремится создать в сознании читателей. Такой образ мы назовем **интенциональным образом автора**.

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00145а «Имплицитное содержание единиц русской речи: системное описание»).

Во-вторых, очевидно, что интенциональный образ автора совершенно необязательно должен полностью совпасть с теми представлениями об этом авторе, которые возникнут у читателей. Образ автора, непосредственно воспринимаемый читателем, назовем перцептивным образом автора.

Наконец, в-третьих, следует отметить, что и интенциональный, и перцептивный образы автора далеко не всегда полностью соответствуют личности реального человека, который создал некий нехудожественный текст. Это обстоятельство дает основания говорить еще и о конкретном авторе текста. Об особенностях личности конкретного автора – не только нехудожественного текста, но и любого другого – следует судить не столько по написанным им текстам, сколько по фактам его биографии (см. [Бакланова 2004; Бакланова, Федосюк 2005]).

Зададимся вопросом, на какой основе в сознании читателей формируется, во-первых, интенциональный, а во-вторых, перцептивный образы автора нехудожественного текста.

Очевидно, что интенциональный образ возникает благодаря той явной или имплицитной информации, которая намеренно передается автором данного текста. Вместе с тем любые компоненты содержания текста способны вызывать в сознании читателей и не запланированные его создателем импликации, т. е. сообщения, которые могут быть логически выведены из текста в результате взаимодействия воспринятого содержания с предшествующими знаниями читателей [Арнольд 1982; Федосюк 1988]. Выводимые из текста импликации позволяют читателям сознательно или неосознанно делать такие выводы об особенностях личности автора нехудожественного текста, которые не соответствуют коммуникативным намерениям этого автора. Именно на основе этих импликаций в сознании читателей и формируется перцептивный образ автора нехудожественного текста.

Продемонстрируем примерный механизм реконструкции интенционального и перцептивного образа автора на примерах.

«И Ахматовой я как-то устроила сцену из-за этого самого «я». Она попросила меня найти какое-то стихотворение по алфавитному списку и невзначай сказала, что у нее много вещей начинается на «я». Я впала в ярость и стала вдруг доказывать, что это худший из ее пороков – «ячество». Она не защищалась, хотя вообще легко вставала на дыбы. Моя уверенность, что в слове «я» содержится что-то запретное и даже постыдное, показалась ей убедительной. Вероятно,

она тоже прошла через отвращение к «я». Вскоре я, впрочем, опомнилась: во-первых, начальных «я» у нее не больше, чем у других, – лирика ведь самый личный жанр; во-вторых, вовсе не слово «я», а все направление стихов показывает наличие или отсутствие пресловутого «ячества». И наконец, разве не подвиг сохранить чувство личности и ощущение «я» в нашу эпоху оптовых смертей и гигантских мясорубок? Такие эпохи порождают только индивидуализм, основанный на принципе «спасайся, кто может», а совсем не чувство личности» [Мандельштам 1990: 11].

Интенциональный образ автора, выводимый из этого отрывка таков: автор близко и хорошо знает А. А. Ахматову, т. к. ему известны ее недостатки, и даже худшие из них, он легко устраивает ей сцены и при этом впадает в ярость, отстаивая свою точку зрения. Автор имеет свое авторитетное мнение о людях, разбирается в жизни и поэзии так хорошо, что А. А. Ахматова вынуждена соглашаться с его точкой зрения. У автора сильный и независимый характер, однако он скромен и может идти на уступки, если понимает, что не прав.

Перцептивный образ автора, выводимый из этого отрывка иной: автор – женщина с непростым характером, темпераментна, эмоциональна, самоиронична, активна.

Заметим, что образ конкретного автора этого отрывка – Надежды Яковлевны Мандельштам – может не совпадать с выведенными двумя. О ее конкретной личности можно судить только по ее биографии и воспоминаниям мемуаристов.

Теперь перейдем к поискам ответа на второй вопрос – в чем заключаются различия между образом автора и образом адресата нехудожественного текста.

Обратимся к примерам.

«Моя сослуживица по **САГУ, Среднеазиатскому университету**, с моей точки зрения совершенно благополучная женщина...» [Мандельштам 1990: 10].

«Мясницкие ворота из-за близости **Вхутемаса** Ахматова считала самым «пастернаковским местом» в Москве» [Ардов 2001:39].

Как видно, аббревиатуры, приведенные в этих примерах, различаются по способу ориентации на потенциального адресата. Название $CA\Gamma Y$, по мнению автора

(Н. Мандельштам), скорее всего, неизвестно ее адресату, и поэтому автор поясняет, что САГУ – это Среднеазиатский университет. Название *Вхутемас* остается без пояснений, т. к., по мнению автора (М. Ардова), предполагаемому адресату хорошо известно, что Вхутемас – это Высшие художественно-технические мастерские, существовавшие в Москве в 1920–1926 гг.

Сравнивая способы получения информации об образе автора и образе адресата на основании приведенных выше примеров, можно сделать вывод: если источник сведений об образе автора – это то, что автор текста помещает в текст, то источник сведений об образе адресата – это то, как он преподносит информацию.

Теперь перейдем к ответу на третий вопрос – из каких источников может быть почерпнуты сведения о предполагаемом адресате нехудожественного текста.

Как отмечает Г.П. Грайс, речевое общение подчинено Принципу Кооперации, который он сформулировал так: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога». На основании этого принципа «можно выделить и более конкретные постулаты, соблюдение которых в общем и целом соответствуют выполнению этого принципа» [Грайс 1985: 222]. Согласно Принципу Кооперации и выведенным на его основе постулатами адресат по умолчанию получает от отправителя текста информацию – в соответствующем знаниям этого адресата объеме, внятно изложенную, отвечающую коммуникативным запросам этого адресата, с объяснением всего непонятного и, кроме того, в приемлемой для адресата форме. Добавим, что если автор вынужден нарушать какие-либо постулаты, то он, по наблюдениям Т.В. Шмелевой, это специально оговаривает [Шмелева 1983].

Из сказанного вытекает, что, анализируя те способы, которыми автор передает информацию, и исходя из предположения, что он соблюдает все постулаты речевого общения, мы можем реконструировать образ того адресата, на которого был рассчитан данный текст.

Проиллюстрируем сказанное.

Постулат Количества гласит: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется» и «Твое высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется». Из этого следует, что если при употреблении в тексте какого-либо собственного имени автор сопровождает его пояснениями, то он считает, что референт данного имени неизвестен его адресату. Если же, наоборот,

автор оставляет это имя без пояснений, то он полагает, что адресат осведомлен об упоминаемом объекте. Например:

«По вечерам мы собирались в **«Хламе» – ночном клубе художников, ли- тераторов, артистов, музыкантов»** [Мандельштам 1990: 19].

Из данного примера следует, что, по мнению его автора Н. Мандельштам, адресату неизвестно название «Хлам», поэтому автор объясняет, что это ночной клуб художников, литераторов, артистов, музыкантов.

«Еще я наслушалась про Оленькины <Глебовой-Судейкиной> куклы из тряпки и всякие безделки в стиле «Мира искусств». К тому времени уже изрядно надоел и «Бубновый валет», и все «Ослиные хвосты», а про «Мир искусств» я и слышать не хотела» [Мандельштам 1990: 371].

Из отрывка следует, что, по мнению его автора, адресату хорошо известны названия объединений художников начала XX века «Мир искусства», «Бубновый валет», «Ослиный хвост» и их художественные направления, поэтому автор оставляет эти названия без пояснения.

Говоря о поступате Количества, важно подчеркнуть, что он является ключевым по отношению к другим поступатам и в то же время их необходимой составляющей. Соединяясь с другими поступатами, он определяет то количество конкретизирующей информации, которая необходима автору для того, чтобы его адресату была понятна авторская мысль.

Постулат Качества гласит: «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным», «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Из этого вытекает, что любые излагаемые автором оценки и суждения, если они могут показаться адресату неистинными или необоснованными, должны быть аргументированы. Если же автор их не аргументировал, значит, он полагает, что его адресат придерживается тех же знаний и суждений. Приведем примеры:

«Его <чиновника-функционера> прозвали «гиеной в сиропе». Сироп ему необходим, потому что он обращен к писательским массам и обязан с каждым вести доверительный разговор. Он играет в этой комедии роль человека. Из того, как он ведет себя в ласковые мину-

ты, можно заключить, как он понимает человеческое и что такое для него человек. Зато когда «некто в штатском» корректирует его действия, он превращается в чистую функцию и берет назад все свои обещания» [Мандельштам 1990: 473].

В данном отрывке Н. Мандельштам называет «гиеной в сиропе» собирательный образ мелкого чиновника советских писательских организаций. Однако она не уверена в том, что ее адресат оценивает этого функционера так же, как и она, поэтому сопровождает свое суждение аргументами, объясняя, почему этот чиновник «гиена», да еще «в сиропе».

«6 марта 1966 года. Мы с Бродским бредем по кладбищу в Павловске, в том самом Павловске холмистом... Мы ищем место для могилы Ахматовой. Нас сюда послала И. Н. Пунина <...>

Мы медленно бредем прочь от павловского кладбища... И вдруг нас осеняет... Зачем мы слушаем эту дуру Пунину? Ахматова сама точнехонько указала место для своей могилы. Мы вспоминаем последние строки «Приморского сонета»» [Ардов 2001: 178].

В данном отрывке М. Ардов дает И. Н. Пуниной весьма резкую оценку. Поскольку не объясняются причины возникновения данной оценки, легко сделать вывод, что, по мнению М. Ардова, его предполагаемому адресату известна роль И. Н. Пуниной в жизни А. А. Ахматовой и эту роль он так же, как и автор, оценивает отрицательно.

Постулат Отношения гласит: «Не отклоняйся от темы». Из этого следует, что адресату должен быть понятен ход мыслей автора и ассоциации, возникающие при упоминании автором тех или иных явлений, оценок, событий и т. п., поэтому, если автор сопровождает возникшую ассоциацию разъяснениями, то он считает, что его адресату непонятны причины ее появления. Если же ассоциативная информация не снабжена объяснениями, следовательно, автор исходит из того, что адресату понятен ход мысли автора. Приведем примеры:

«Потом было и еще одно предложение – предоставить самой Ахматовой однокомнатную квартиру... Все это нами обсуждалось, и мне запомнилась замечательная шутка, сказанная очень бойким двенадцатилетним мальчиком Саней, сыном литературоведа И.Л. Фейнберга. Он заявил:

- Ахматову нельзя поселить в однокомнатной квартире, у нее должно быть по меньшей мере две комнаты: в одной – будуар, в другой – моленная. Чтобы было между чем и чем метаться.

(Как известно, А.А. Жданов в своем печально знаменитом докладе объявил, что творчество Ахматовой – «поэзия взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной»)» [Ардов 2001: 236–237].

По мнению М. Ардова, адресат может не понять, на чем основана ирония и почему речь идет о метаниях между будуаром и моленной, доэтому автор поясняет, что это слова А. А. Жданова, из доклада по постановлению ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» от 14 августа 1946 г., которое резко осуждало писательскую деятельность А. Ахматовой и М. Зощенко.

«Иноземец, говорят, советовался, не повредит ли он своим визитом Ахматовой. Решили, что вреда не будет, – ведь она не инженер. Никаких технических тайн выдать не может (они не знали, что у нас тайна все – даже, как мы дышим). Как будто встреча с иностранцем была одним из козырных доводов в пользу постановления» [Мандельштам 1990: 298].

По мнению Н. Мандельштам ее адресат прекрасно знает, какое постановление имеется в виду, поэтому к упоминанию о нем не дано никаких пояснений.

Кроме сказанного выше, из постулата Отношения «Не отклоняйся от темы» следует, что передаваемая автором информация должна соответствовать коммуникативным потребностям адресата. Поэтому, если автор сопровождает какой-либо рассказ обоснованием своего обращения к нему, то он стремится не потерять интерес адресата и предупредить возможное недопонимание. Следовательно, любое сообщение, приведенное без объяснения причин, по которым автор решил передать его адресату, по умолчанию несет информацию о круге интересов предполагаемого адресата. Приведем примеры:

«Вместо того чтобы думать о своей литературной судьбе, Мандельштам и Ахматова искали людей, которые в стихах хоть как-то приблизились к поэзии, потому что им не хотелось оставаться в пустоте. Увлекающийся Мандельштам то и дело «от-

крывал» поэтов среди тех, кто не подражал акмеистам и не употреблял «мнимо акмеистических слов» <...>

Быть может, именно он спас старика Звенигородского. Он пришел к нам в начале тридцатых годов и прочел милые, старомодные и очень чистые стихи. Мандельштам почуял, что старику живется очень туго, и бурно признал его. Затем он побежал ко всем, кто мог и не мог помочь бедняге, и заварил хлопоты о пенсии, а пока суд да дело, раздобыл ему пропуск в писательскую столовую, где кормили по казенным ценам и довольно сносно – по нашим убогим требованиям. Время было голодное, и все кормились по столовым. Пенсию старик получил, когда мы уже были в Воронеже. Доделал это дело, кажется, Пастернак, то есть человек без власти и вполне беспомощный. У нас помогали друг другу, и довольно эффективно, только вполне беспомощные люди» [Мандельштам 1990: 274].

Н. Мандельштам предваряет рассказ о Звенигородском словами о жизненных установках А. Ахматовой и О. Мандельштама и настраивает адресата на восприятие последовавшего примера. В этом контексте история с Звенигородским логично продолжает вступление. Без этого вступления от этого рассказа веяло бы поучительством: вот каким положительным был Мандельштам, помогал старичкам.

«Как-то <актер» С. отдыхал в Сочи. Купаясь в море, он потерял вставную челюсть. Вышел на берег очень расстроенный, но кто-то тут же дал ему совет. Неподалеку купались местные мальчишки их подозвали и попросили за вознаграждение поискать челюсть на дне.

Мальчишки бросились нырять, и один из них тут же нашел потерю. Он вынырнул на поверхность, высоко поднял руку с челюстью и крикнул: «Ваша?» – так, как будто бы все дно в этом месте было усеяно челюстями» [Ардов 2001; 123–124].

М. Ардов не объясняет причин, по которым помещает в книгу мемуаров описанное событие. Из этого можно заключить, что, по мнению автора, этот малозначительный эпизод из жизни неназванного лица интересен адресату, как говорится, по умолчанию. Следовательно, М. Ардов считает, что его адресат, скорее всего, неразборчив в выборе юмористических объектов, его может рассмешить любой пустяк.

Постулат Способа гласит: «Выражайся ясно», «Избегай непонятных выражений» и «Избегай неоднозначности». Из этого следует, что автор должен использовать адекватный для адресата выбор языковых средств: слов, стиля, иностранных выражений и т. п. Поэтому, если автор поясняет выбранные им те или иные языковые средства, следовательно, он предполагает, что они могут быть непонятны адресату. Если же, наоборот, автор их не комментирует, следовательно, по его мнению, они понятны адресату. Приведем примеры.

«Помнится, осенью шестьдесят пятого года Ахматовой доставили только что опубликованный французский перевод нескольких ее стихотворений. В их числе была и «Песня последней встречи». Но там эти стихи именовались так: «La chanson de la dernière fois» («Песня последнего раза»). Анна Андреевна с полушутливым возмущением повторяла:

- Я им покажу - «Песню последнего раза»!..» [Ардов 2001: 218].

Из текста вытекает, что, по мнению М. Ардова, его адресат, возможно, не владеет французским языком. Поэтому автор, чтобы донести до адресата комичность ситуации, сопровождает французскую фразу переводом на русский язык.

«Это ответ тем, кто по-прежнему считает десятые годы блаженным «серебряным веком», а все последующее – случайностью, неожиданным вывихом, потому что век оступился. Теория вывиха – the time is out of joint – самоутешение, потому что кости можно вправить» [Мандельштам 1990: 357].

Очевидно, что, по мнению Н. Мандельштам, ее адресат владеет английским языком, поэтому автор не сопровождает высказывание переводом.

Последний пример является также хорошей иллюстрацией того, что представление об образе адресата текста чаще можно получить в соответствии с Принципом Кооперации на основании сразу нескольких постулатов речевого общения. Из текста вытекает, что адресату должно быть хорошо известно выражение из английского текста шекспировского «Гамлета» the time is out of joint ('век вывихнул сустав'), ставшее крылатым. В основе этого вывода лежат сразу два постулата речевого общения – Способа и Отношения. Автор не дает перевода этому выражению, т. к. на основании постулата Способа, как уже было сказано, по его мнению, адресат владеет английским языком, а на основании постулата Отношения адресат,

по мнению автора, имеет хорошее гуманитарное образование и поэтому поймет авторскую ассоциацию, особенно с намеком в контексте вывиха.

Подводя итоги, можно утверждать, что не только художественные, но и нехудожественные тексты способны нести в себе имплицитную информацию об образах их авторов и предполагаемых адресатов. При этом если источником сведений об образе автора служит в основном содержание текста, то информация об образе предполагаемого адресата содержится главным образом в способах передачи содержания. Эта информация может быть выведена с опорой на постулаты речевого общения Г.П. Грайса.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Ардов М. Легендарная Ордынка. Портреты. М., 2001.
- 2. *Арнольд И. В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4.
- 3. *Бакланова И. И.* Образ автора мемуарного текста: интенции мемуариста и восприятие читателя // Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 2004.
- 4. *Бакланова И. И.*, Федосюк М. Ю. Образ автора публицистического произведения в зеркале имплицитного содержания текста // Речевое общение, Вып. 7 (15), Филологические дисциплины в высшей школе. Красноярск, 2005.
- **5.** *Бахтин М. М.* Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996.
- **6.** *Бахтин М. М.* Язык в художественной литературе // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996.
- 7. *Бударагина Е. И.* Средства создания образа адресата в художественном тексте: Дис. . . . канд. филол. наук. М., 2006.
- **8.** *Виноградов В. В.* О художественной прозе // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980.
- **9.** *Виноградов В. В.* Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
- **10.** *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- 11. Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990
- **12.** *Падучева Е. В.* Семантика нарратива // Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996; *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.
- 13. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации. М., 1988.
- **14.** *Шмелева Т.В.* Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1.

Анекдот и «языковое сопротивление» в русском языке XX в. в зеркале записных книжек Е.И. Замятина, И.А. Ильфа и Вен. Ерофеева

Joke and «language resistance» in the 20th century Russian language in the mirror of Yevgeny Zamyatin, Ilya Ilf and Venedict Yerofeyev's notebooks

Ефимова Светлана Николаевна Efimova Svetlana Nikolaevna

В статье рассмотрена история двух элементов «языкового сопротивления» после 1917 г.: дистанцирование от «чужого слова» и смеховой протест (пародия, языковая игра, анекдот). В записных книжках Е.И. Замятина появляются анекдоты, нередко основанные на отклонении от прежней языковой нормы. Писатель также фиксировал как «чужое слово» фрагменты высказываний, иллюстрирующие новые языковые процессы. И.А. Ильф уже использовал советские клише в рамках «своего слова», но время от времени пародировал их. Заметки Ильфа позднее привлекли внимание Вен. Ерофеева, записные книжки которого – это расцвет смеховой культуры (по М.М. Бахтину), анекдота и языковой игры. Записные книжки принадлежат к повседневной речевой деятельности писателей, но описанные явления имеют параллели и в их творчестве.

The article is devoted to studying the history of two elements of the «language resistance» after 1917: distancing from the «other's word» and protesting by laughing (parody, language play, joke). Jokes found in Yevgeny Zamyatin's notebooks are often based on the deviation from the former language norm. The writer also marked as the «other's word» many speech fragments illustrating new language processes. Ilya Ilf already used Soviet clichés as a part of his «own words», but he also parodied them from time to time. Later Ilf's notes drew Venedict Yerofeyev's attention whose own notebooks show the heyday of the «culture of laughter» (the term of Mikhail Bakhtin), of the verbal play and joke. Although notebooks belong to everyday speech activity of the writers, the described phenomena also have some parallels in their literary works.

Ключевые слова: история русского языка, языковое сопротивление, «чужое слово», анекдот, языковая игра, смеховая культура.

Keywords: history of the Russian language, language resistance, «other's word», joke, verbal play, culture of laughter.

Анекдот и «языковое сопротивление» в русском языке XX в. в зеркале записных книжек Е.И. Замятина, И.А. Ильфа и Вен. Ерофеева

С. Н. Ефимова

История русского литературного языка совершается на наших глазах и в нашем сознании. Мы живем в языковой стихии и уносимся ее течением.

В.В. Виноградов

Одна из давних проблем в русистике - соотношение истории русского литературного языка XVIII-XX вв. и истории языка художественной литературы. В историческом очерке «Русский язык» Г.О. Винокур пришел к категоричному выводу: история русского языка после А. С. Пушкина - «это в значительной мере есть раздельная история общерусского национального языка и языка художественной литературы» [Винокур 1959: 100]. Иным был взгляд В.В. Виноградова, для которого интерес к языку писателей был связан с общим вниманием к речи отдельных личностей – носителей языка: «Изучение русского литературного языка, описание или реконструкция его системы всегда опирается на наблюдения над разнообразною речевою деятельностью представителей литературно образованного общества»; «сравнительное изучение ряда индивидуальных речевых систем лишь содействует более глубокому и полному пониманию общей языковой системы в ее движении и в ее внутренних противоречиях» [Виноградов 1978: 158, 161]. Саму историю языковой системы В.В. Виноградов считал органически связанной с «исторической стилистикой литературной речи», предметом которой являются «формы и тенденции индивидуальной речевой деятельности» [Там же: 159].

В свете концепции В. В. Виноградова особенно интересным объектом для изучения представляются записные книжки писателей, включающие в себя и творческие наброски, и личные заметки (элемент повседневной речевой деятельности), и наблюдения авторов над языком своей эпохи. Это клубок нитей, ведущих и к истории

языка литературы, и к истории общей языковой системы, и к «исторической стилистике литературной речи». Любопытно, что сам В.В. Виноградов в программной статье «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.» привлекал внимание к записным книжкам, правда, только в аспекте языковых наблюдений их авторов: «Хорошо известны записные книжки Гоголя, Достоевского, Лескова, Чехова и других великих русских писателей, отражающие их горячий стилистический интерес к разным формам и типам индивидуальной речевой деятельности» [Виноградов 1978: 159]. Впоследствии В.В. Виноградов заострил внимание на записных книжках Н.В. Гоголя в работе «Язык Гоголя».

В настоящей статье мы обратимся к нескольким записным книжкам XX в., чтобы на их материале проследить тенденцию к «языковому сопротивлению» (термин Н. А. Купиной⁸). История русского языка XX в. еще не была всесторонне изучена и требует внимания при взгляде из нового столетия. После революции 1917 г. была частично разрушена прежняя языковая норма, начался процесс бюрократизации и политизации языка, в противовес которому возникало «языковое сопротивление». Вслед за Н. А. Купиной под этим термином можно обобщенно понимать две реакции носителей языка: «языковое противостояние – намеренное игнорирование так называемого новояза, использование языка традиционного» и «борьба с языком... рожденным революцией» [Купина 1999: 7].

Н. А. Купина в своих работах анализирует с этой точки зрения отдельные разноплановые феномены, такие как антиутопии Е. И. Замятина и А. П. Платонова, советская песня о Родине и блатная песня, рассказы М. М. Зощенко и политический анекдот. Мы остановимся на двух явлениях, соответствующих двум формам языкового сопротивления: это, во-первых, восприятие новых политических и бюрократических клише, новой нормы как «чужого слова», а во-вторых, формы смехового протеста: пародия, языковая игра, анекдот. Первые фиксации советского анекдота относятся к 1918 г. [Мельниченко 2011: 2]; жанр анекдота как короткого рассказа в отличие от литературного анекдота возник в начале XX в. и распространился в 1920–1930-е гг. [Шмелева, Шмелев 2002: 20]. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова уже зафиксировано существительное «анекдотист» – «любитель собирать и рассказывать анекдоты» [Толковый словарь 1935: стб. 40].

⁸ Термин «языковое сопротивление» был введен Н.А. Купиной в научный обиход в книгах «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» (1995) и «Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры» (1999), где автор исходит из появления в России XX в. идеологизированного и мифологизированного тоталитарного языка, стремящегося подчинить себе общественное сознание. В настоящей статье мы не используем понятие «тоталитарный язык», также идеологизированное, и рассматриваем «языковое сопротивление» по отношению к ряду явлений в русском языке советского периода.

Эти два явления будут кратко прослежены по трем из пяти периодов, выделенных О.Г. Ревзиной в истории русского языка XX в.:

- 1) 1917 г. середина 1920-х гг.,
- 2) середина 1920-х середина 1950-х гг.,
- 3) середина 1950-х середина 1980-х гг. [Ревзина 2000: 33-34].

Для этого были выбраны три писателя и те их записные книжки, которые относятся к соответствующему периоду: Е. И. Замятин, И. А. Ильф и Вен. В. Ерофеев⁹.

В записных книжках Е.И. Замятина обнаруживаются заметки, приближающиеся по своей форме к современному анекдоту. Здесь есть текст повествователя и речь персонажей, диалог, языковая характеристика персонажа¹⁰. Несколько примеров:

- 1. «Экзамен по политграмоте. Что такое крестное знамение? Бессмысленный жест. Причастие? Антигигиеническое питание. И т. д. Ну что, выдержал я? Да. Можете идти. Ну, слава Богу! Крестится».
- 2. «В Киеве после переворота, ночью стучат в дверь с черного входа. Кто там? Главсевзапфронт. Что угодно? Дуня ваша дома? (Горничная)».
- 3. «Девочку кличет мать: Юпочка, Юпочка. Это как же ее звать-то? Да вот отец Юпитером ее назвал».
- 4. «Стоит девочка на углу, плачет навзрыд. Беленькая, лет девяти-восьми. Дама подходит к ней так жалко. Погладила по головке и ласково: Ты чего, миленькая, плачешь, а? Обидел кто? А? Девочка обернулась: А тебе што? В морду хошь?..» [Замятин 2001: 91, 90, 76, 43].

Польский исследователь Б. Дземидок в книге «О комическом» [Дземидок 1974] пришел к выводу, что разные концепции комического можно объединить при по-

⁹ Известны и опубликованы записные книжки Е.И. Замятина 1914—1936 гг., записные книжки И.А. Ильфа 1925—1937 гг. Пока изданы только записные книжки Вен. В. Ерофеева 1959—1978 гг., хотя сохранились и его записные книжки 1980-х гг. Таким образом, записные книжки И.А. Ильфа и Вен. В. Ерофеева хронологически укладываются во второй и третий из перечисленных выше периодов. Из записей Е.И. Замятина были проанализированы прежде всего те, которые относятся к первому из названных выше периодов (1917 – середина 1920-х гг.). Среди его заметок нетрудно было найти необходимую нам нижнюю хронологическую границу – 1917 г., связанный с революцией. Сложнее отделить заметки после середины 1920-х гг., но записи явно меняются тематически после отъезда Е.И. Замятина за границу в 1930 г.

¹⁰ Эти признаки современного анекдота описаны в [Шмелева, Шмелев 2002: 31].

мощи идеи отклонения от нормы. Так, анекдот отражает явления в языке и внеязыковой действительности, которые воспринимаются рассказчиком и слушателем как аномальные. Для Е.И. Замятина аномальны столкновение традиционно-религиозной и новой идеологической фразеологии (пример 1); новые сложносокращенные слова и употребление номинации «Главсезапфронт» вместо имени в бытовом контексте (пример 2); возникновение абсурдных новых имен (пример 3); разрушение норм речевого поведения (пример 4). Записывающий анекдот писатель выступает тем самым как носитель прежней языковой нормы, смеющийся над «чужим словом».

Примеры резкого нарушения прежней нормы составляют значительную часть послереволюционных записей Е. И. Замятина. Он иллюстрирует процессы, которые позднее были описаны в монографии А.М. Селищева «Язык революционной эпохи» (1928) [Селищев 2003], статьях Е.Д. Поливанова [Поливанов 1931: 161–172] и Б. А. Ларина [Ларин 1977: 185-179]. Среди этих процессов: широкое распространение и неправильное использование лексики книжного характера, канцелярских штампов (например, записи Замятина «Ну вот, братцы, теперь самый текущий момент ехать нам...», «Ввиду недостатка топливного кризиса» [Замятин 2001: 106, 68]); непонимание жителями деревни новых идеологических клише (например, запись «Землю целяком народу без аннексий и контрибуций! Да здравствует национал!» [Замятин 2001: 102]); распространение элементов жаргонов в разговорной речи (например, словарик тюремного жаргона у Замятина [Замятин 2001: 55]) и многое другое. Для писателя собранные примеры - отторгаемое «чужое» слово, которое не проникает в его собственную речь. При этом Е.И. Замятин обычно не комментирует записанное и не высказывает эксплицитных оценок11. Редкий случай - запись, где советские сложносокращения подвергаются пародийному переосмыслению: «Ревком - творческий перевод «Ревок», Политбюро -«Палибюро»» [Замятин 2001: 93]. Отдельные новообразования все же проникают в «свое слово» писателя; чаще всего это названия новых явлений или институций, не имеющие иной номинации. Например, в длинном наброске «Сюжет. Монах»: «Художница (голодала, но добилась своего, приехала в Петербург учиться в Академии – ВХУТЕМАС)», «По дороге устроила его в одном из сибирских городов на службу в Кустпроме» [Замятин 2001: 82].

¹¹ В этом отношении возможна параллель с внеязыковыми наблюдениями Е.И. Замятина. На страницах его записных книжек запечатлена катастрофа послереволюционной России, но описания голода, грабежей и смерти также беспристрастны и нередко своим синтаксисом напоминают краткую новостную хронику. На первом месте в предложении (в позиции «темы») стоит сирконстант-локатив, отделенный от остальной части предложения при помощи тире, например: «В трамвае – человек в рогоже вместо штанов и в рогожных сапогах», «В одной волости – ели лепешки из конского навоза», «В другом селе – распарили и съели резиновую калошу, забытую американцем», «В Коктебеле – воровство лошадей и коров» [Замятин: 35, 64, 71, 92] и др. Бесстрастность автора только подчеркивает противоестественность описанного.

И. А. Ильф – человек следующего поколения, журналист, усвоивший новые явления в русском литературном языке второй половины 1920-х и 1930-х гг. Это период бюрократизации языка, укрепления норм и «нейтрального стиля». Развитие «пуризма» (стремления к очищению литературной речи от диалектизмов, элементов просторечия и жаргона) привело к «массовому проникновению элементов книжной речи в разговорную» [Панов 1962: 4, 6]. С одной стороны, Ильф использовал официальные клише в записных книжках в рамках «своего слова», например: «Письмо. Поделиться опытом, обнародовать его», «Чубукин выполнил задание с честью», «Поняли результат соцсоревнования», «Пишет стихи, словно выбирает почетный президиум. Обязательно упоминается весь состав» [Ильф: 363, 509, 523]. Некоторые выражения все же входят в заметки Ильфа как элементы «чужого слова»: «Из отчета. "Заметно растет т. Муровицкая"»; «Соедините меня с Крымэнерго. Севастополь! Севастополь! Дайте Крымэнергию! Это Крымэнергия?» [Ильф: 517, 518].

С другой стороны, среди заметок И.А. Ильфа появляется и пародия на распространенные штампы: «"Наряду с достижениями есть и недочеты". Это вполне безопасно. Это можно сказать даже о библии. "Наряду с блестящими местами, есть идеологические срывы, например, читателя призывает автор верить в бога"» [Ильф: 523].

После смерти И. А. Ильфа его записные книжки были опубликованы, и позднее Вен. Ерофеев сделал много выписок из них уже в своей записной книжке. При этом он нередко выбирал те фрагменты, где Ильф комически использует советские клише, идеологические или канцелярские. Например: «У Ильфа: "Не гордитесь тем, что вы поете. При социализме все будут петь" (записная книжка)», «Давайте ходить по газону, подвергаясь штрафу», «Ввиду учета шницелей ресторан закрыт навеки» [Ерофеев 2007: 140, 141].

В записных книжках самого Вен. Ерофеева важную роль играют смеховая стихия и анекдот, особая популярность которого – одна из важных черт развития русского языка в 1950–1980-е гг. Анекдоты запоминали и рассказывали в большом количестве; это устный жанр, и Ерофеев записывал их не целиком, а только в виде ключевых слов, например: «В коллекцию анекдотов: заяц в трамвае и чемодан. "А то хуже будет, чем вчера"» [Ерофеев 2005: 541], «О Брежневе и кнопочках. "Нету Америки-то, нету"», «З варианта конк. на памятник Пушкину», «Не забыть и анекдот: сын Павлика Морозова» [Ерофеев 2007: 111, 157].

Между записями Е.И. Замятина и Вен. Ерофеева – история анекдота в русском языке XX века. Если само существительное анекдот в записных книжках Е.И. Замятина отсутствовало, то Вен. Ерофеев посвящает этому жанру свои размышления: «Да еще бы анекдот не был главным жанром: ведь все, в самом деле, анекдотично, и веселая самонадеянность русской нации, окованная со всех сторон...» [Ерофеев 2005: 457]. Обычно анекдот существовал в двух основных формах: устный речевой жанр и письменный текст (как, например, в сборниках анекдотов или в записях Е.И. Замятина). Записные книжки Вен. Ерофеева показали третью форму его существования: своеобразный конспект, краткая константа в записях для себя. В устной форме текст анекдота и детали могут варьироваться в зависимости от рассказчика, однако основная константа остается неизменной. Анекдот настолько вошел в повседневную культуру 1960–70-х гг., что Вен. Ерофеев составлял нумерованные списки кратких «конспектов»: например, заметки 1975 г. «Абрамцево, 19/IV, вечер анекдотов» со списком из семи анекдотов и «Абрамцево, 22/IV, вечер анекдотов» со списком из восьми анекдотов [Ерофеев 2007: 111, 113].

В заметках Вен. Ерофеева продолжается смеховая линия языкового сопротивления в форме игры с официальными клише. Например, заметки «антипартийный руководитель, антинародный герой, ветеран трех контрреволюций», «служу антисоветскому союзу» [Ерофеев 2007: 99, 431]; соединение официозных сложносокращенных слов со стилистически сниженным контекстом: «полпред советской забулдыжности», «подхмельком – комиссия по обсуждению проблемы опохмелений» [Ерофеев 2007: 215, 408]. В 1974 г. Вен. Ерофеев с иронией писал о языковой игре как форме «диссидентщины»: «Вся его диссидентщина заключалась в том, что он под окном партийного учреждения пел: Всю-то я вселенную проехал,/Нигде я пива не нашел» [Ерофеев 2007: 99]. Языковая свобода и игра воспринимались как форма протеста против застывшего официального языка.

Записные книжки Вен. Ерофеева – это бунтарская стихия языкового «карнавала». В них обнаруживаются три формы народной смеховой культуры, выделенные М.М. Бахтиным. Во-первых, «обрядово-зрелищная» форма, «празднества карнавального типа» [Бахтин 1990: 9]. Это описание потоков гостей и разного рода
вакханалий, например: «Игра в октябрьские переворотики. Он – Зимний (он сидит, а я этакая Аврора, пуляю в него винными пробками)» [Ерофеев 2007: 412]. Вовторых, «словесные смеховые (в том числе пародийные) произведения» [Бахтин
1990: 9]. К ним относятся и анекдот, и языковая игра. Особенно распространена у Вен. Ерофеева игра с интертекстуальностью, снижающие замены в прецедентных высказываниях советской культуры, в особенности в цитатах из школьной классики и текстов песен. Например: «А он, мятежный, просит бури, Как мор-

да просит кирпича»; «И пить торопится, и буйствовать спешит»; «И никто на свете не умеет/Лучше нас надраться и бузить»; «А деньги летят, наши деньги как птички летят» [Ерофеев 2007: 425, 457, 417]. Наконец, третья форма смеховой культуры по М.М. Бахтину – «различные формы и жанры фамильярно-площадной речи» [Бахтин 1990: 9]. И среди заметок Вен. Ерофеева в изобилии присутствует нецензурная лексика и игра с ней.

Прослеживается преемственность в истории языкового сопротивления XX в.: от зарождающегося анекдота и фиксации отклонений от прежней языковой нормы в записях Е.И. Замятина – к языковому комизму в заметках И.А. Ильфа – и затем к расцвету смеховой культуры в записных книжках Вен.В. Ерофеева. Это путь официальных идеологических и бюрократических клише от «чужого слова» до объекта пародии.

С одной стороны, можно предположить, что этот вектор развития был характерен не только для писателей, но и для более широкого круга образованных носителей русского языка в XX в. С другой стороны, история «языкового сопротивления» связана и с историей литературы. В 1920-е гг. не только Е.И. Замятин воспринимал новые тенденции в русском языке как «чужое слово». Под его руководством группа писателей (М. М. Зощенко, П. Е. Щёголев, К. И. Чуковский и др.) создала в журнале «Русский современник» за 1924 г. шутливый цикл «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева». В этом цикле с юмористическими комментариями были собраны цитаты из печатных источников, имеющие комический эффект из-за языковых и стилистических ошибок, широко распространившихся в то время. Например, «корабль валится ко дну по эллипсическим кругам»; «советская дипломатия... должна быть подкована на все четыре ноги по-летнему и на шипы»; «глубоко-социальный базис, подведённый под корень художественного оформления талантливого романиста»; «в этот день в 1473 году родился великий ученый положительной науки Коперник, который опрокинул туманную надстройку лженаучных буржуазных теорий о вращении земли» [Замятин 2003: 513, 522, 525].

1920–30-е гт. – время развития советской сатиры и юмористики, в которой особое место заняли И. А. Ильф и Е. П. Петров. И одним из источников комизма, пусть и не центральным, у авторов «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» были новые языковые явления, к примеру: «Когда огорченный Хворобьёв одиноко прогуливался по улицам города, то и здесь из толпы гуляющих вылетали постылые фразы: «...Тогда мы постановили вывести его из состава правления...», «...А я так и ска-

зал: на ваше РКК примкамера есть, примкамера...»¹², «...Лихачева нужно нагрузить!..» И, тоскливо поглядывая на советские вывески, Хворобьёв с раздражением повторял: – Вывести! Из состава! Примкамера!»; «До самого конца своей службы он не знал, как расшифровать слово Пролеткульт, и от этого презирал его еще больше» [Ильф, Петров 1976: 75]. Эти и другие фрагменты также можно вписать в историю «языкового сопротивления». Не случайно в 1948 г. Отдел агитации и пропаганды обвинял романы И. А. Ильфа и Е. П. Петрова в изобилии «пошлых, антисоветского характера острот» [Одесский, Фельдман 2000: 6].

Наконец, смеховая стихия частных записных книжек Вен. В. Ерофеева находит отражение в его поэме «Москва-Петушки», где расцвела игра с интертекстуальностью и обнаруживаются следы и карнавальной культуры, и анекдота. До сих пор окончательно не разрешен вопрос о том, принадлежит ли поэма Вен. Ерофеева к постмодернизму или является его предтечей. В любом случае представляется важным, что в постмодернизме развились принципы пародии и игры с культурными знаками и кодами, а одной из особенностей восточноевропейского постмодернизма считается деконструкция языка социалистического реализма [Скоропанова 2007: 71].

Таким образом, краткий анализ записных книжек трех авторов позволил соединить наблюдения над повседневной речевой деятельностью писателей со взглядом на аналогичные тенденции в литературе. «Языковое сопротивление» советскому языку, проявившееся в нескольких формах и в записных книжках, и в литературном творчестве Е.И. Замятина, И.А. Ильфа и Вен.В. Ерофеева, образует единый вектор движения в истории русского языка XX в. с 1920-х гг. до эпохи постмодернизма.

Нередко писатель становится своеобразным «лингвистом-любителем» – как Е.И. Замятин, чьи заметки с наблюдениями над деформацией прежней языковой нормы опередили по времени основополагающие работы А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и Б.А. Ларина о послереволюционном русском языке. Писательавтор записной книжки является и индикатором языковых процессов, и одновременно их «участником», поскольку эти процессы преломляются в его повседневном языковом существовании и в творчестве.

¹² РКК – расценочно-конфликтная комиссия (комиссии введены с 1928 г.). Примкамера – примирительная камера (камеры введены постановлением 1929 г. «Об организации примирительных камер для разрешения трудовых конфликтов в местностях, где нет камер инспекции труда»).

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- **2.** Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 152–177.
- 3. Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 11-110.
- 4. Дземидок Б. О комическом. М., 1974.
- 5. Ерофеев В. Записные книжки 1960-х гг. М., 2005.
- 6. Ерофеев В. Записные книжки. Книга вторая. М., 2007.
- 7. *Замятин Е. И.* Записные книжки. M., 2001.
- **8.** *Замятин Е. И.* Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева // Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 2003.
- **9.** *Ильф И. А.* Записные книжки. 1925–1937. М., 2000.
- **10.** Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. М., 1976.
- **11.** *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
- **12.** *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города (1928) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М., 1977. С. 175–189.
- **13.** *Мельниченко М. А.* Советский политический анекдот 1918–1953 гг. как исторический источник. Автореф. дис. . . . канд. истор. наук. М., 2011.
- 14. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Легенда о великом комбинаторе (в трех частях, с прологом и эпилогом) // Ильф И. А., Петров В. П. Золотой теленок. М., 2000. С. 5–62.
- 15. *Панов М. В.* О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 3–16.
- **16.** *Ревзина О. Г.* Этапы развития русского языка в XIX–XX веках // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 2000. С. 29–34.
- 17. *Поливанов Е. Д.* О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931. С. 61–172.
- 18. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. М., 2003.
- 19. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М., 2007.
- 20. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.
- 21. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА. АНАЛИЗ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ

Древнерусские посольские речи и повествовательная манера летописца

Old Russian Ambassadorial Speeches and Annalists' Narrative Manner

Пауткин Алексей Аркадьевич Pautkin Alexey Arkadjevich

В статье рассматриваются различные модели закрепления дипломатических высказываний князей в русском летописании XI–XIII вв. Особое внимание уделено формам введения дипломатической речи в нарратив. Существование традиционных формул не исключает проявления вариативности.

The article discusses various models of establishing princes' diplomatic statements in Russian XI–XIII centuries' chronicles. Particular attention is paid to the forms of introducing a diplomatic speech into narrative, as traditional formulas do not preclude variability manifestations.

Ключевые слова: летопись, дипломатический обычай, речь, опосредованная коммуникация, повествовательная манера.

Keywords: chronicle, diplomatic custom, mediated communication, narrative manner.

Древнерусские посольские речи и повествовательная манера летописца

А. А. Пауткин

Летописное повествование богато прямой речью. Эта особенность заметна уже в ранних памятниках. Значительный объем высказываний князей принадлежит так называемым дипломатическим речам. Не исключено, что именно такие речения явились одним из древних компонентов структуры летописного текста, определившим его облик. А. Н. Робинсон справедливо отмечал: «Обмен речами является одним из «общих мест» ранних форм разных эпосов» [Робинсон 1973: 203]. Среди своего рода начатков дипломатических речей можно назвать эпизоды «Повести временных лет» (далее ПВЛ), как раз связанные с эпической традицией: посланцы отправляются к варягам (под 862 г.); хитрость Олега, стоившая жизни Аскольду и Диру (под 882 г.); переговоры Олега с радимичами (под 885 г.); Ольга и древляне; появление славянской письменности; Святослав в переговорах с греками. Подобные примеры можно продолжить. Несмотря на различие форм и объемов прямой речи, каждый раз фиксируется именно ситуация тех или иных переговоров. Так отрабатывается и закрепляется дипломатическая речь в летописном изложении, ведь в роли переговорщика может выступать и сам правитель или предводитель войска, и его посланцы, а также представители какого-либо народа.

В свое время Д. С. Лихачев привлек внимание к древнерусскому дипломатическому обычаю [Лихачев 1986¹³: 140–153]. Опираясь на обширный летописный материал, он сделал множество важных наблюдений. Главным утверждением, на котором базировались выводы, было признание высокой культуры устной речи в Древней Руси. При этом обосновывался устный характер дипломатии XI–XIII вв. Позднее именно это утверждение подвергалось сомнению некоторыми историками и лингвистами. Так, В. Ю. Франчук при рассмотрении с лингвистических позиций текста так называемой Киевской летописи отвергла тезис об «отсутствии письменных форм общения в древнерусской княжеской среде, принятый в литературоведении» [Франчук 1986: 110]. Действительно, устные речи посланцев усматривали в раннем летописании И. П. Еремин и О. В. Творогов. В. Ю. Франчук опиралась на концеп-

¹³ Статья впервые была опубликована в 1946 г.

цию Б. А. Рыбакова об использовании дипломатических документов летописцами. При этом исследовательница не разделяла излишне радикального мнения отдельных историков (В. Л. Комарович, В. Т. Пашуто), считавших внесенные в летопись речи однозначно только письменными документами. Она отмечала, что «убеждение в длительности существования на Руси устной формы дипломатических переговоров сложилось до открытия берестяных грамот» [Там же: 112]. Упоминалось и примирительное письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу¹⁴, а существительное «речь» предлагалось считать дипломатическим термином, употребляемым «нередко» в смысле «послание» [Там же: 122]. Подтверждая мнение Д. С. Лихачева о точном воспроизведении летописцами княжеского высказывания и «соблюдении формы первого лица» [Там же: 126], В. Ю. Франчук склоняется к мнению Б. А. Рыбакова об использовании летописцами княжеских архивов, т.е. о документальных источниках летописи, а в приложении к книге предлагает полный корпус многочисленных дипломатических текстов Киевской летописи 1198 г.

По прошествии значительного времени именно берестяные грамоты и накопленный опыт по их изучению дали новый импульс к рассмотрению летописных дипломатических речей. А. А. Гиппиус привлек их в качестве сопоставительного материала при анализе эволюции этикетных адресных формул новгородских грамот на бересте [Гиппиус 2009: 279–300]. И хотя летописный материал не представлен здесь в большом объеме, вновь были подтверждены высказывавшиеся ранее положения об устном характере дипломатических речей и точной их передаче летописцами при крайне незначительной модификации, связанной с переводом устной речи в письменную форму.

Но даже отдавая предпочтение позиции Д.С. Лихачева, нельзя утверждать, что в летопись не попадали и письменные документы. Со временем их роль возрастала. Не исключено совмещение устной формы дипломатических контактов с обменом грамотами, доставляемыми этими же посланцами в случае необходимости. То есть слово князя подчас подкреплялось документом. Так, Петр Бориславич, посланец Изяслава Мстиславича, везет с собой «крестьныи грамоты» (II, 461)¹⁵. Известие 1287 г. Волынской летописи со всей очевидностью указывает на разделение устного обычая и письменного документа. «Мьстислав же рече епископу брата своего господине рци брату како Богу любо и тобе оже хочешь грамоты писати како Божья воля и твоя епископу же пришедшю ото Мьстислава поветом постава поветом постава по постава постава постава постава по постава постава по постава по постава п

¹⁴ Стоит напомнить, что в Поучении Мономаха говорится о послах, встреченных Владимиром Всеволодовичем на Волге. Они безрезультатно склоняли князя к выступлению против Ростиславичей. Судя по тексту Поучения, эти переговоры велись в устной форме.

¹⁵ Здесь и далее текст летописи цит. по Полному собранию русских летописей. Том и столбец указываются в скобках.

даючи речь братьню Володимеръ же повеле писцю своему Федорцю писать грамоты» (II, 902–903).

Тексты, включенные в летописное повествование как прямая речь, имеют несколько уровней аутентичности. Высшая степень достоверности характерна именно для речей дипломатических. Тут имелась изначальная установка на точность передачи высказывания. Путь дипломатической речи на страницы летописи был, видимо, самым коротким (особенно для «княжой» летописи). Достоверными лишь отчасти могли быть, например, речи воинские (верность пафоса и краткая афористичность высказывания). Третий уровень – слова, передающие лишь общий смысл. Таковыми могли быть коллективные высказывания (вроде «рекоша новгородци»). И наконец, наиболее вольный способ передачи демонстрируют фрагменты с явно вымышленными речениями, вложенными книжником в уста участника событий (молитвы, покаянные речи, внутренние монологи).

Попав в летопись, дипломатическая речь приобретает новые качества. Ситуация произнесения получает некую прецедентность, а само слово может восприниматься с известной долей дидактики и даже публицистичности. Утрачивается конфиденциальность переговоров. Круг их участников автоматически расширяется. Если воспользоваться формулировкой Ю. М. Лотмана, слово, сказанное в конкретных обстоятельствах, «вносится в коллективную память культуры... подлежит сохранению» [Лотман 1992: 186].

Вне зависимости от признания устного или письменного характера дипломатии XI–XIII вв., исследователи, как правило, едины в оценке точности передачи летописцами этого материала. Таким образом, исключается проявление местной повествовательной манеры, вмешательство книжника в текст самой княжеской речи (за исключением сокращений). Иное дело – форма ее введения в нарратив. Здесь можно заметить и традиционные формулы, и различные модели представления коммуникативного события¹⁶.

В подавляющем большинстве случаев участники переговоров разделены определенными пространствами. Преодолеваемый посланцами путь, как известно, не фиксируется. Летописцы ничего не сообщают и о времени, затраченном на «доставку» сведений. Информация могла достигать адресата через несколько дней или даже недель. То есть, переговоры, скоротечные по летописным известиям, в реальности были событием весьма протяженным. Оформление сообщения о пе-

¹⁶ Сегодня лингвисты с успехом применяют к древним текстам современные термины и категории русистики. См., например, работы В.С. Савельева, исследующего «речевое поведение» князей, отраженное в ПВЛ ([Савельев 2010: 484–516]).

реговорах князей всецело зависело от самого летописца и заслуживает специального рассмотрения.

Дипломатию древнерусских князей можно назвать опосредованной речевой коммуникацией, поскольку высказывание обращено к человеку, отсутствующему в момент непосредственного произнесения речи. Собеседники хорошо знают друг друга, но не видят реакции на свои слова. Роль посредника выполняет посланец, который в буквальном смысле оказывается «носителем речи». Его роль по-разному освещалась летописцами (от полного игнорирования – до максимально возможной информации о человеке, выполнявшем ответственную миссию). Какие же варианты или модели письменной фиксации дипломатического высказывания правителя можно отметить в летописании XI–XIII вв.?

Своеобразным исключением оказывается уникальный не только по богатству содержания, но и по своей форме фрагмент Киевской летописи, связанный с деятельностью боярина Петра Бориславича. Начало миссии Петра представлено вполне традиционно: «Изяславъ посла к Володимиру Галичкому Петра Бориславича съ крестьными грамотами... и рече ему Изяславъ...» (II, 461). Но далее эта обычная модель нарушается. Опосредованная речевая коммуникация превращается в обычный диалог Петра Бориславича и Владимира Галицкого («и рече ему Петръ» – II, 462). Посланец говорит уже сам за себя.

Наиболее простой и в то же время распространенной моделью введения дипломатического высказывания является фраза: «князь (имя адресанта) послал (имя адресата), говоря...». Далее следует сама речь. В.Ю. Франчук справедливо назвала вариант «посла...река (или глаголя)» обычной формулой [Франчук 1986: 129]. В этом случае посланец не называется, а лишь обозначен способ передачи информации. Князь как бы говорит в пространство. Эта формула чаще других встречается в ПВЛ, да и в более поздних текстах. Не раз она использована в «Повести об ослеплении Василька Теребовльского», насыщенной различными видами прямой речи.

Данный вариант оформления высказывания может усложняться, получая дополнительные элементы. В одних случаях прямо называется посол. Причем летописец подчас указывает не только его имя, но и положение, социальный статус человека: «Данилъ же оуведавъ посла Якова столника своего с великою жалостью ко Доброславу глаголя к нимь...» (II, 789). Уникален вариант формулы: «И посла мя пакы река». Его мы наблюдаем в «Повести об ослеплении Василька Теребовльского». Посол не только назван, но передает слова князя, говоря о себе в первом лице («азъ же идохъ ... и поведахъ ему вся речи» – I, 265). Можно заме-

тить случаи еще большей детализации, когда указывается город, куда направляется посол (например, Владимир Святославич «посла ко Рогъволоду Полотьску глаголя...» – I, 75), а также степень родства адресата и адресанта («посла Володимерь ко брату тако река...» – II, 904). Но даже в таком случае, если названо имя исполнителя воли правителя, речь произносится не для посланца. Его роль как бы пассивна, а посредничество лишь подразумевается. То есть коммуникативная ситуация представлена вполне традиционно. Последние два варианта часто встречаются в волынском летописании второй пол. XIII в.

Более редок вариант с обращением князя к послу, которому даются соответствующие указания. Имя посла в этом случае может и не называться: «Вячеславъ же рече мужеви своему поеди ко брату Гюргеви брата от мене целуи ... тако молви брату моему...» (II, 428–429). Но можно встретить образцы реализации этой модели с высокой степенью индивидуализации. Самый широко известный пример содержится в так называемой легенде о емшане, читаемой в начале Галицкой летописи XIII в. Сырчан отправляет «гудьца» Оря к хану Отроку: «Посла и во Обезы река ... молви же ему моя словеса пои же ему ... даи ему поухати...» (II, 716).

Пожалуй, наиболее интересную модель, отличающуюся целым рядом черт, которые можно признать отражением повествовательной манеры летописца Мстислава Даниловича, сохранила заключительная часть Волынской летописи. Здесь говорится о болезни Владимира Васильковича, а затем о получении Мстиславом волынского княжения. Переговоры Владимира представлены обычной схемой («посла... тако река»), речевое же поведение Мстислава фиксируется индивидуализированно. В частности, может отмечаться реакция князя на сообщение и отношение к посланцу: «Мстислав же удари челомь противу словомъ брата своего река... Рачьшу же одаривъ отпусти» (II, 912); «и приеха к Володимеру посолъ его в Каменець поведая речь Мьстиславлю Володимеру же люба бысть речь та» (II, 901). Внимание летописца к церемониальной стороне позволяет заметить различие между послом и гонцом, приносящим важную весть (например, прискакал из Люблина «лях» по имени Ятрак с известием о смерти князя Лестько Черного – II, 909).

Как же строится в данном случае высказывание князя волынским летописцем? Мстислав говорит, называется адресат, далее следует сама речь, но она прерывается императивом «рцы». То есть, с одной стороны, князь традиционно обращается к оппоненту, а с другой – маркируется ситуация отдачи распоряжений послу. Характерной чертой является двукратное прерывание княжеского высказывания повелительной формой глагола («молви ... рцы» – II, 912). Такое построение дипломатического изречения, пожалуй, можно считать проявлением индивидуаль-

ной манеры волынянина: «Мьстиславъ же рече брату своему господине рцы... (далее следует сама речь – А. П.) рцы...» (II, 900–901). Этот вариант используется летописцем конца XIII в. как при передаче переговоров, проходивших на значительных дистанциях, так и в ситуации, когда обе стороны общались через посредника, находясь вблизи друг от друга (например, Мстислав обращается к Владимиру Васильковичу через присланного к нему епископа: «Мьстиславъ же рече епископу брата своего господине рцы...» (II, 901).

В подавляющем большинстве случаев летописцы отмечают ситуацию, когда правитель отправляет посланца, выступая инициатором переговоров. Лишь изредка князь оказывается «получателем» дипломатической информации («приславшу же Могучеви (татарский воевода – А. П.) посолъ свои…» – II, 805; «присла папа послы честны… рекы и» – II, 826; «присла Юрьи Лъвовичь посолъ свои ко строеви своему князю Володимеру река ему…» – II, 911). Это обстоятельство еще раз косвенно подтверждает устный характер переговоров. Полученный письменный документ должен был бы значительно легче попадать в руки летописца и отражаться чаще. Однако этого не происходит.

Таким образом, существование традиционных формул летописной обработки дипломатической практики князей не препятствует проявлению вариативности. Модель, отмечавшаяся Д.С. Лихачевым, когда полностью игнорируется фигура посредника и общение сторон выглядит как простой диалог, встречается в чистом виде достаточно редко.

Различен и удельный вес подобных фрагментов в составе тех или иных сводов. Так, несмотря на то, что в ПВЛ первые дипломатические речения относятся к известиям, датируемым уже ІХ в., здесь нет большого их разнообразия. Вообще в ПВЛ интересующий нас материал значительно беднее, чем в Киевской летописи конца XII в., отразившей княжеское летописание. Возможно, сказались общерусский характер свода и хронологическая дистанция между событием и его запечатлением, в отличие от оперативной фиксации деятельности отдельных правителей 17.

В Летописце Даниила Галицкого дипломатических речей тоже немного, а переход к ним оформлен вполне традиционно. И это при столь высокой степени информированности галичанина в вопросах придворного быта. Сказываются иные тематические пристрастия книжника. Зато из Летописца Даниила Галицкого мы узнаем

¹⁷ В своих лекциях Н.И. Либан справедливо отмечал: «Повесть временных лет написана на рубеже эпох, в такие периоды работает не только интеллект, но и эмоции. Поэтому все излагается в художественной форме, нет строгого отбора, внутренней критики, стремления к логичности. Вот почему наши летописи так отличаются от западных хроник» [Либан 2000: 28].

больше всего имен древних дипломатов, принадлежащих к разным народам. Вот лишь некоторые из них: Орь, Вячеслав Лысый, Мирослав, Александр, Тимофей, Судислав, Павел, Яков, Ревба. Такое внимание к личности и умению посланца вполне в духе максимы Даниила Заточника: «Мужа бо мудра посылаи и мало ему кажи, а безумнаго посылаи, и сам не ленися по немъ ити».

Дипломатическая речь князя, оказавшись на страницах летописи, обретала статус делового документа, подобно иным источникам. Это и порождает давний спор о том, какая, устная или письменная традиция, стоит за формулой «сослаться речьми». Как бы то ни было, рассматриваемый материал оформляется именно как прямая речь. Это один из видов коммуникации. Следует признать, что основная разновидность древнерусского посольского обычая XI-XIII вв. действительно существовала в устной форме. В пользу этого свидетельствуют отсутствие различий в передаче переговоров, ведущихся на значительном расстоянии и вблизи, единение эпического начала и дипломатической речи (см., например, отголоски половецкого эпоса в Галицкой летописи) и наконец неразвитость формуляра, устойчивых структурных элементов в посольских известиях¹⁸. Следы же столкновения двух традиций можно заметить на материале ПВЛ (отражение переговоров князей-язычников с греками). «Двойного» делопроизводства в дальнейшем не наблюдается. Существование полного документа, тем более дипломатического, делает, по меньшей мере, странным внесение в летопись некой краткой из него выжимки, передающей лишь отчасти смысл переговоров.

В заключение отметим: если дипломатическая практика XI–XIII вв. подразумевала обмен устными высказываниями, то тогда очевидна потребность обеих сторон в фиксации произносимого послами. Иначе уже через некоторое время мнения сторон будут забыты или извращены. Необходимость письменной регистрации делает устное дипломатическое высказывание постоянным элементом летописного повествования. Синтетическая функция летописного текста, таким образом, включает в себя не только задачу юридическую, но и архивную, по закреплению многочисленных речевых актов, смысла и тональности устной дипломатии.

¹⁸ А.А. Гиппиус приводит лишь несколько наиболее ярких примеров летописных речей, в которых присутствует «приветственный компонент сообщения». Следует признать, что краткость и разнообразие дипломатических речений не позволяют однозначно вычленить какие-то иные аспекты формуляра, подобного письменной эпистолографии (см. [Гиппиус 2009: 288–289]).

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Гиппиус А. А.* Наблюдения над этикетными формулами берестяных писем // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. Сб. статей. М., 2009.
- 2. Либан Н. И. Литература Древней Руси: Лекции очерки. М., 2000.
- 3. *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 140–153.
- 4. *Лотман Ю. М.* Устная речь в историко-культурной перспективе // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. І. Талинн, 1992. С.184–190.
- 5. Робинсон А. Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава. Август 1973 г. Доклады советской делегации. М.,1973.
- 6. Савельев В. С. Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М., 2010. С. 484–516.
- 7. *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Норма и пространство вариантов: языковые параметры редакций Жития Михаила Клопского

Norm and Space of options: language Settings in Editorials of *Michael Klopsky's Zhitiye (Agiography)*

Ремнева Марина Леонтьевна Remneva Marina Leontievna

Сопоставление двух разных редакций Жития Михаила Клопского, проводимое на грамматическом материале, позволяет увидеть различное отношение авторов к представлениям о книжной норме и о степени ее императивности в XV–XVI вв. Осуществляемая правка показывает сознательное отношение В. М. Тучкова к элементам грамматической системы, нуждающимся в обязательном исправлении для включения текста жития Клопского в число памятников книжного языка.

The comparison on the grammatical level of two different versions of *Michael Klopsky's Zhitiye (Agiography)* makes it possible to identify distinctions in the authors' perception of the bookish norm and the degree of its imperativeness in the XV–XVI centuries. The introduced corrections demonstrate V.M. Touchkov's conscious attitude to the grammatical system elements which should be improved in order to consider the text of Klopsky's agiography as one of the works written in bookish language.

Ключевые слова: языковая норма, история русского литературного языка, церковнославянский язык, редакторская правка

Keywords: linguistic norm, history of the Russian literary language, Old Church Slavonic, text corrections.

Норма и пространство вариантов: языковые параметры редакций Жития Михаила Клопского

М. Л. Ремнева

Своеобразие языковой ситуации в Древней Руси и в России XV–XVII вв. состояло в том, что памятники книжно-славянской письменности, тексты юридического содержания и деловые восточнославянские документы могли создаваться как на церковнославянском языке, так и на языке восточнославянской народности. Таким образом, на Руси – и позже, в России – сосуществовали два письменных языка. Найти место каждого из них в системе книжно-письменной культуры – вот задача историка литературного языка.

В истории русского литературного языка важно определить место каждого из языков на раннем этапе развития, проследить за тем, как и каким образом возникают разновидности языков, прежде всего церковнославянского, что их формирует, как меняется позиция автора того или иного текста при оценке признаков престижности, литературности текста, представить себе, как взаимодействуют два структурно разных языка на разных этапах развития. История литературного языка, таким образом, – история изменения и становления норм в зависимости от представлений авторов о престижности текстов, о допустимости или недопустимости использования иносистемных явлений, о соотношении в сознании автора (и эпохи) представлений о каноне и отступлениях от канона.

Существенно, что для характеристики языковой системы письменного текста грамматические показатели являются решающими, поэтому описание особенностей именно грамматической нормы языка книжно-славянских и деловых памятников позволяет наиболее объективно охарактеризовать специфику языковой ситуации и письменной культуры в России донационального периода.

Норма представлена в текстах. Ее изучению и описанию обязательно должно предшествовать выявление присущих ей черт в результате анализа текстов. Норма исторична, в связи с чем следует иметь в виду, что можно говорить о нормативных реализациях определенного исторического момента и (поскольку речь идет о норме, реализованной в письменных текстах) о норме определенного в жанровом пла-

не корпуса текстов. Практически определить норму книжного языка можно, ответив на вопросы, какими правилами руководствовались книжники в области графики, орфографии, грамматики, создавая свои произведения, что для них было ошибочным и невозможным для реализации, что имело лишь одну возможность, что допускало вариантные реализации. Норма в истории русского литературного языка Древней Руси – это искомое, подлежащее определению и характеристике.

Обращаясь к материалу памятников XI–XVII вв. разных жанров, следует констатировать, что церковнославянский язык был нормированным и в памятниках книжно-славянской письменности реализовывалось несколько типов нормы.

Во-первых, это **строгая** норма церковнославянского языка, которая в определенном отношении была «равна» самому церковнославянскому языку, его грамматической системе (иными словами, это стандартный церковнославянский язык). Поскольку в этом типе нормы не существовало вариантных средств выражения грамматических значений, все используемые грамматические средства были нормативны и практически неподвижны в течение веков. Это происходило в силу отсутствия основы для динамики в виде конкурирующих синонимических средств выражения грамматических отношений, а также в силу жанровой и ситуативной закрепленности сферы употребления церковнославянского языка этого типа. Главными в истории строгой церковнославянской нормы являются устойчивость и последовательное отталкивание от «иносистемных» вариантов.

Наряду со строгой нормой церковнославянского языка можно говорить о грамматической норме сниженного типа. Норма сниженного типа характеризуется наличием языковых явлений, выходящих за пределы системно-языковых потенций церковнославянского языка. Характерной чертой данного типа нормы является набор вариантных средств для определенных грамматических отношений. При этом система вариантов в таком типе нормы формируется и за счет возможностей иной языковой системы – языка древнерусской народности. Указанное обстоятельство – набор вариантов и его открытость – делает данный тип нормы относительно подвижным, динамичным: «иносистемные» элементы могут меняться, варьироваться, их число может увеличиваться, они могут исчезать.

В применении к грамматической норме донационального периода литературного языка возникает вопрос: есть ли основания говорить об **императивности** и **осознанности** нормы? Ответ на этот вопрос дает сопоставление сюжетов, перерабатываемых книжниками с разными целями. Такое сопоставление приоткрывает характер представлений книжников о высокой книжной норме, о степени осознан-

ности внесения изменений в тексты списков, редакций, вариантов, о степени императивности нормы в период до появления кодифицирующих произведений.

В этом отношении интересна, например, история текстов жития Михаила Клопского. Язык первоначальной редакции жития, написанной в Новгороде в 1478 или 1479 г. [Дмитриев 1958: 47]), свидетельствует об устной основе произведения. В композиционном отношении эта начальная редакция жития Михаила Клопского резко отличается от известных житий: в нем нет ни вступления, ни похвального слова, ни отступлений.

Устную основу произведения подтверждают лексика, морфология, синтаксис: язык новгородского жития Михаила Клопского характеризуется синтаксическими конструкциями, передающими сочинительные отношения; тогда как конструкции, в которых реализуются подчинительные отношения, не характерны для языка этого текста и оформляются с помощью союзов или посредством бессоюзной связи «и тогды в Веряжи вся вода высохла и пойде понамарь по водицу <...> и пойде игумен с Михайлом на берег. И посмотрит игумен <...> и спросит...»). Условные и временные конструкции в первой редакции жития в целом редки, оформляются они без условных союзов посредством союзов сочинительных («И преставися Феодосей канун покрова дни и послаша ко владыки Буфимию <...> и он не поехал»). Широко использован союз «аже/ ажь/ аж», отмечаемый именно в этот период и в новгородских берестяных грамотах («и пойде понамарь по водицу аже Михайла пишет на песку»). Целевые отношения чаще всего оформляются посредством инфинитива, может употребляться возникший на восточнославянской почве союз «чтобы», инфинитив для передачи значения цели используется в основном в типичных контекстах супина, что свидетельствует о том, что нормой для этого текста является последовательная замена супина инфинитивом («и послаша ко владыки буфимию проводити Феодосия»). Значение приказа, распоряжения в подавляющем большинстве случаев передается императивом, возможно использование инфинитива, может также употребляться презентная форма.

Употребление форм прошедшего времени в житии Михаила Клопского новгородской редакции свидетельствует о том, что в его языке есть форма на «-л» и аорист, возможны в предикативной функции причастия. Все эти формы при передаче значения «действие в прошлом» используются недифференцированно: формы аориста и форма на «-л» могут употребляться, чередуясь в параллельных конструкциях: «и игумен створи молитвы... <... > и он створилъ молитву также»; «и преставися Феодосей... <... > и послаша ко владыки <... > и он не поехал»). Такое же чередование временных форм наблюдается и при описании чудес. Наличие перфект

ных форм свидетельствует о том, что употребление формы на «-л» и перфекта соответствует их использованию в деловой письменности, где различные формы глагола «**быти**» выступают в качестве функционального эквивалента личного местоимения.

В целом же следует отметить, что морфология и синтаксис данного текста соответствуют нормам русской (великорусской) традиции.

Явления грамматической нормы		Деловая восточно- славянская письменность XI–XIII вв.	Деловая восточно- славянская письменность XIV вв.	Первоначальная редакция жития Михаила Клопского
Временные формы	система форм	возможно окказиональное использование аориста	отсутствие окказиональных форм аориста	– окказиональное использование форм аориста, в т. ч. гиперкорректных
	форма на -л	+	+	+
Условные конструкции	аще	_	_	_
	Аче, оже, аже, ли, а кто	+	а кто (которыи), становление (а) боуде(т), редкое использование союзов	преимущественный выбор аже
Целевые конструкции	да + презентная форма, сослагательное накл.	-	_	-
	супин, инфинитив, ать (оть) + презентная форма, местные союзы	+	+ рубеж XIV-XV вв. - чтобы	чтобы
Временные	кгда, ДС	_	_	_
конструкции	коли, как(0)	+	+	+
Императивные конструкции	да + презентная форма	-	_	_
	инфинитив, презенс, ать + презентная форма	+	+	+
Двойственное число		_	_	_

Житие Михаила Клопского первой редакции было сознательно изменено в XVI в. (в 1537 г.) В.М. Тучковым по поручению новгородского архиепископа Макария при подготовке Великих Миней Четьих. Первоначальный текст жития был переработан по всем правилам агиографии: «непосредственно рассказу о житии святого предпослано большое витиеватое вступление», текст Тучкова неоднократно прерывается рассуждениями редактора по поводу рассказываемых им эпизодов, «после рассказа о смерти Михаила он [Тучков] вставляет пышное и многоречивое похвальное слово» [Дмитриев 1958: 79–80]. Такая переработка формы текста требовала и языковой переработки, что и было осуществлено В.М. Тучковым в соответствии с его представлениями о норме книжно-письменного языка начала XVI века.

Языковая переделка текста отмечалась многими исследователями жития. Уже в работе Л. А Дмитриева указано, что в тучковской переработке нет слов новгородского происхождения, «целый ряд [таких] слов <...> Тучков заменяет книжными оборотами» [Дмитриев 1958: 80]. Таким образом, рассматривается лишь лексический уровень правки, грамматические нормы не сопоставляются.

Текст тучковской редакции жития Михаила Клопского часто приводится для иллюстрации и в том случае, когда история литературного языка рассматривается вне связи с историей нормы. В этом случае говорится о «пуристических тенденциях – редакционной правке произведений, созданных в предшествующий период <...> Если анонимный автор редакции А [то есть первой] был «простецом», владевшим лишь азами грамоты, то В. М. Тучков был человеком начитанным, искусным в «философии» и риторике. Языковая установка Тучкова заключалась, во-первых, в последовательном устранении элементов просторечия и замене их славянизмами и, во-вторых, в риторическом «извитии» повествования» [Камчатнов 2005: 118–119]. Правка первоначальной редакции рассматривается лишь на стилистическом уровне.

Еще проще рассматривает переделку текста Т. П. Рогожникова, для нее актуальными оказываются семантические оппозиции в отношении «конкретное – абстрактое». «Тучковская редакция относится к ранней не как высокий стиль к низкому, а как род к виду» [Рогожникова 2007: 86].

При этом и Л. А. Дмитриев, и А. М. Камчатнов, и Т. П. Рогожникова анализируют в целом одни и те же примеры из текста жития, выбирая наиболее репрезентативные с лексико-семантической позиции, при этом встречающиеся в тех же примерах грамматические оппозиции ими игнорируются.

Нами правка первичной редакции жития Клопского рассматривается в первую очередь с точки зрения отношения В.М. Тучкова к сформировавшейся в XVI в. грамматической норме. Именно этим обусловлена правка, лексико-семантические изменения лишь сопутствуют ей.

Язык жития Михаила Клопского тучковской редакции прежде всего не знает формы на -л в качестве формы прошедшего времени, способной замещать все остальные формы прошедшего времени («в един же от дний изыде пономарь к реце <...> и шед, поведа игумену <...> Феодосий изыде к брегу <...> и обрете»). Условные конструкции оформляются по церковнославянской модели «аще... презентная форма глагола/сослагательное наклонение»; основными средствами оформления целевой конструкции является союз ако с модальной частицей да и сама частица да с презентной формой глагола («и начат вельможа молити его, да придет в дом его»; «и внезаапу весь ослабе..., яко ни очеси вызвести ему» и т.д.). Для оформления временных конструкций используется союз кгда и оборот «дательный самостоятельный» («кгда же съврышиша божественую литургию, князю же Констянтину и с княгинею сподобившуся приати пречистыя тайны»).

Дательный самостоятельный может использоваться в функции самостоятельного предложения, части сложносочиненного предложения, в одном ряду с конструкцией с союзом кгда в качестве однородных образований. Тексту жития тучковской редакции свойственно своеобразное нанизывание ДС без использования при этом в предложении спрягаемых глагольных форм («царствующу великою Росиею христолюбивому царю Василию <...> первопрестольствующу же тогда великия Россиискыя церкви святейшему митрополиту Фотею»). Таким образом, применение ДС во всех частях повествования в различных функциях – очевидный признак синтаксической нормы жития Михаила Клопского тучковской редакции. Формы двойственного числа в тучковской редакции жития используются, но не регулярно и не всегда правильно, однако важен сам факт их использования: именно этим его текст и отличается от текста жития первой редакции («межу двема вельможами»; «ни очима вызрети» и т.д.).

Совершенно очевидно, что В.М. Тучков, приступая к созданию жития для Макариевских Четьих Миней, четко представлял себе, что должно быть заменено, что не может быть использовано в тексте канонического жития и какими соответствующими книжно-славянскими средствами это должно быть выражено.

Сравнение грамматической нормы языка жития Михаила Клопского двух редакций обнаруживает, что для В.М. Тучкова необходимыми заменами в грамматике

текста для соответствия жития канону были: замена разговорной условной конструкции типа «**a** (**н**)...» конструкцией с союзом **аще**, инфинитивных конструкций и конструкций с союзом чтобы – церковнославянской конструкцией «**да** + презентная форма глагола», временного союза как – союзом кгда. Для его представления о норме существенным также было широкое использование в разных функциях ДС, употребление конструкции «**да** + презентная форма» в качестве описательной формы повелительного наклонения, системы прошедших времен, не чередующихся в тексте с формой на -**л**, и форм двойственного числа.

В тех случаях, когда с точки зрения грамматической правильности текст первоначальной редакции не вызывал необходимости внесения этой правки, лексическая проводилась минимальным образом. В первой редакции: И повелѣ Феодосии игоүменъ у сѣнець верхы содрати изменено в тучковской на Игуменъ же повелѣ въскрыти покровъ пред келію. Главной грамматической правкой, сделанной Тучковым в этом фрагменте, было изменение нейтрального союза «и» на маркированный книжный «же».

Поскольку эта редакция жития предназначалась для Макариевских Четьих Миней, произведенные изменения, тенденция этих изменений, грамматические особенности тучковской редакции жития отвечали в целом представлениям книжников XVI в. о нормативном. Знаменательной была и причина обращения В. М. Тучкова к обработке данного житийного текста: В. О. Ключевский писал о том, что Макарий был недоволен весьма простым изложением древней редакции, в связи с чем текст был сознательно обработан в соответствии с вполне определенными требованиями.

Таким образом, когда мы говорим о норме литературного языка донационального периода, мы имеем в виду реально существующий социально-языковой феномен. Тексты, играющие роль кодифицирующего образца, определяли строгость требований, несли в себе высокую степень императивности и характеризовались общественным признанием, опирающимся на традицию. После появления первых восточнославянских грамматик церковнославянского языка стало очевидным, что даже такая авторитетная грамматика, как грамматика М. Смотрицкого, не могла дать книжникам XVII в. строго регламентированных практических рекомендаций в силу наличия системы вариантных флексий, употребление которых никак не дифференцировалось. В ряде случаев требованиям грамматики просто не следовали (напр., при использовании форм двойственного числа). Императивность «образца» и в XVI–XVII вв. оказывалась сильнее.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка: XI первая половина XIX века. М.: Академия, 2005.
- 2. *Дмитриев Л. А.* Повести о житии Михаила Клопского/Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.–Л. Изд-во АН СССР, 1958.
- 3. Рогожникова Т. П. Редакция жития Михаила Клопского как источник по истории русского литературного языка/История языка и культурная память народа: Материалы XXXVI Международной филологической конференции. СПб, 2007. С. 85–87.

Адъективные показатели количества: дискретные множества (на материале прямой речи в «Повести временных лет»)

Adjectival indicators of quantity: discrete sets (on the material of direct speech in *The Tale of Bygone Years*)

Савельев Виктор Сергеевич Savelyev Victor Sergeevich

В статье рассматриваются адъективы, описывающие дискретные множества. Их анализ позволяет установить принципы выделения дискретных множеств, закономерности в отношениях между входящими в них элементами (однородными и разнородными), а также их отношение к элементам, не входящим в множества. Рассматриваются способы выражения количественных характеристик элементов, составляющих дискретные множества, в частности, показатели минимума и максимума. Описывается процесс собирания ряда объектов в множество, мыслимое как единый объект, и обратный ему процесс разрушения множества. Особое внимание уделено установлению закономерностей употребления лексем единъ vs. одинъ и их дериватов, что позволяет выделить и описать категории единство vs. одиночество.

This article is devoted to adjectives, that describe the discrete sets. Their analysis allows us to establish the principles of formation of the discrete sets, the typical relations between the elements (homogeneous and inhomogeneous) that are included in the discrete sets and their relation to the elements not included in the sets. We explore ways of expressing the quantitative characteristics of the elements, in particular the indicators of minimum and maximum. We describe the process of gathering a number of objects in the set, which is thought as a single object, and the process of destruction of the set. We pay special attention to research of the use of the adjectives eduno vs. oduno and their derivatives, which allows to identify and describe the categories unity vs. loneliness (the solitariness).

Ключевые слова: адъективы, описывающие дискретные множества, показатели минимума и максимума, категории единство vs. одиночество.

Keywords: adjectives describing discrete sets, indicators of minimum and maximum, categories *unity* vs. *loneliness* (*solitariness*).

Адъективные показатели количества: дискретные множества (на материале прямой речи в «Повести временных лет»)

В.С. Савельев

Как показывает анализ адъективных показателей количества в прямой речи героев «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), количественные оценки недискретных объектов и дискретных множеств во многих случаях оказываются взаимодополняющими и потому неразрывно связанными. В данной статье будут рассмотрены адъективы, описывающие дискретные множества¹⁹.

ДИСКРЕТНЫЕ МНОЖЕСТВА: РАЗДЕЛЕНИЕ

Восприятие объекта как дискретного множества базируется на способности к определению сходств и различий, позволяющей классифицировать объекты как однородные, но разных видов. При этом необходимо уметь не только разделить множество на объекты, его составляющие, но и определить границы этого множества, т.е. отделить объекты, составляющие множество, от объектов, в это множество не входящих. Релевантность каждого из перечисленных признаков по-разному проявляется в различных ситуациях восприятия и по-разному реализуется в значениях адъективов.

¹⁹ Публикуемая статья представляет собой продолжение статей [Савельев 2013] и [Савельев 2014], в которых, в частности, изложены принципы анализа и промежуточные итоги исследования адъективных показателей количества в прямой речи героев ПВЛ.

А. Дискретность внутри множества

И ркоша деревльне къ Wazts: «Кдть суть друхть наши, ихъже послахомъ по тъл?» Wha же ρ ϵ : «Идуть по мнть съ дружиною мужа мое ϵ » $(6453/945)^{20}$ – другие наши – это часть от «мы», они входят в дискретное множество «мы», являются его элементом, тождественным другим элементам, составляющим это множество.

Б. Дискретное множество // чужеродные элементы

И рѣша старцѣ кодарстии: «Не добра дань, кнаже! Мы доискахомса wружьемь wдинога страны, рѣкше саблами, а сихъ wружье wбоюду wстро, рекше мечи. Gu имуть имати и на нå дань, и на инѣхъ странахъ» – иной – это похожий на элемент множества, но во множество не входящий; в рассматриваемом фрагменте противопоставляются даже не элементы, а целые множества, организованные по сходному принципу (пространства, заселенные людьми, осознающими свою родовую связанность).

В. «Свой» // «чужой»

Реализация концепта «свой» // «чужой» представляет собой такое оценочное отношение к социальным множествам, при котором носитель языка мыслит себя как элемент, входящий в одно социальное множество, которое он мыслит как «своё», противопоставленное другим социальным множествам, которые он мыслит как «чужие». При этом всё, входящее в множество «своё», оценивается положительно, а всё, относимое к «чужому», – отрицательно.

²⁰ В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ, воспроизведенный в издании «Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе» (СПб., 1908). В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу издания [ПСРЛ 1908], обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании [ПСРЛ 1908]. В тех случаях, когда чтения Ипатьевского списка представляются ошибочными исследователям ПВЛ, занимавшимся изданием текста летописи, приводятся сноски к соответствующим местам: приводятся чтения из Хлебниковского списка, а также списков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись, – Лаврентьевского, Радзивилловского и Академического (по изданию [ПСРЛ 1926]). При этом в сносках всегда приводятся чтения Хлебниковского и Лаврентьевского списков, а в случае указания лишь на один из них отсутствие указания на второй свидетельствует о совпадении его чтения с чтением Ипатьевского списка. Указание вариативных чтений кажется нам полезным и необходимым для анализа фрагментов ПВЛ, объяснение которых вызывает затруднения без обращения к текстам разных списков, сохранивших летопись. В разбивке слов мы в основном следовали изданию [ПСРЛ 1908], произведя при этом разбивку текста на предложения и использовав пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова). В некоторых случаях мы сочли необходимым дать перевод соответствующих фрагментов.

Механизм возникновения оценочной нормы, задаваемой концептом «свой» // «чужой», замечательно объясняет афористическое высказывание, звучащее в ПВЛ:

И рѣша боїарє и старци: «Вѣси, кнаже, тако своего никтож не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши оу собе мужи: пославъ, испытаи когождо и службу, и како служить Бу (6495/987)²¹ – у каждого есть своё «своё» и «чужое», и каждый ценит «своё» и отрицает «чужое»; система оценок в таком случае базируется на признании априорного превосходства «своего» над «чужим», и боїарє и старци мудро указывают на необъективность таких оценок и неэффективность такого оценивания для получения желаемого результата в данном случае – при выборе правильной веры. Однако это не означает, что система оценок, задаваемая концептом «свой» // «чужой», неправильна: именно она сплачивает род, связывает его воедино, поддерживает его существование, воплощает идею единства и уникальности²².

Реализация концепта «свой» // «чужой» в речи чаще всего связана с введением в текст противопоставления, которое может и не сопровождаться вербально выраженной оценкой, но оценка при этом всегда подразумевается:

Ї р $\hat{\mathbf{r}}$ є ему Идмславъ: «Братє, не тужи! Видиши бо, колко см мн $\hat{\mathbf{t}}$ сключи дла? Первоє бо, не выгнаша ли мене и им $\hat{\mathbf{t}}$ нье моє разграбиша? И паки, кую вину створиль есмь? <u>Не изгнаста ли вы мене, брата свою? И не блуди $\hat{\mathbf{x}}$ ли по чюжимъ земламъ, им $\hat{\mathbf{t}}$ ньи быхъ, не створи дла ничтоже? $\hat{\mathbf{I}}$ нын $\hat{\mathbf{t}}$, бра $\hat{\mathbf{r}}$, не тужив $\hat{\mathbf{t}}$. Аще будеть нама причастье в Роускои земл $\hat{\mathbf{t}}$, то we $\hat{\mathbf{t}}$ ма. Аще лишена будев $\hat{\mathbf{t}}$, то we $\hat{\mathbf{t}}$ ма $\hat{\mathbf{t}}$ сложу главу свою за та» (6586/1078) – а) **Не изгнаста ли вы мене**, брата свою? – нарочитое напоминание о том, что изгнан был брат сво $\hat{\mathbf{u}}$, выявляет импликатуру, порождаемую этим косвенным речевым актом: «Изгнание своего брата – дурной поступок»; б) **И не блуди\hat{\mathbf{x}} ли по чюжимъ земламъ**, им $\hat{\mathbf{t}}$ нья лишенъ быхъ, не створи зла ничтоже? – аналогично выявляется импликатура: «Бродить изгнаннику по чюжим Землям – большое для него зло»;</u>

Такъ бо баше бляный кнуь Тарополкъ кротокъ, смиренъ, бра Тлюбивъ Тищелюбець, десатину дага Всихъ скотъ свои Ст Бци, и Жита на вса

²¹ Данный фрагмент отсутствует в списках Ипатьевской редакции; дается по Лаврентьевскому списку.

²² И р в Wлетъ: «Ищинте пре паволочиты руси, а словъно кропиннныка». И вы тако. И повъсища щиты свога въ вратъхъ, покадающе повъкду, и поиде W Црагра. И въспаша пре паволочитътъ, а словъне кропинныка, и раздра га вътъръ. И ркша словенъ: «Имемъса свои толъстинамъ: не даны сутъ словъно пре кропинныка» (6415 / 907) – «Может, другие и могут ходить под кропийными парусами, но это не наше: мы будем плавать так, как привыкли».

²³ Хлебн. и Лавр.: wба.

лѣта, и мольше Ба всегда, глъ: «Гн̂, Бе мон, Ісъ Хе̂! Приими млтву мою ї даи же ми смрть таку, гакоже вдалъ еси брату моєму Борису и Глѣбови, \overline{w} чюжюю роуку, да wмыю грѣхи всь своею кровью, їзбуду суєтнаго свѣта и сити²⁴ вражии!» (6595/1087) – выявляется импликатура: «Если предстоит принять гибель, то благо принять ее от чужой руки, а не от руки своих»;

И посла к нему Мьстиславъ посолъ свои из Новагорода, глж: «Иди шпмть Мурому, а в чюжей волость не съди. И азъ пошлю молитьсм съ дружиною своею къ шцю моему и смирю см 25 с нимь. Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивно: в ратехъ во цр̂и и мужи погыбають» (6604/1096) – выявляется импликатура: «Править нужно своей волостью, а не чужой»;

И послаша кнанть къ Стославу, глюще: «Ты, кнаже, чюжен демли ищешь и блюдешь, а своем см лишивъ. Малть бо нå не въдмша печентьди, и мтрь твою и дтин твоихъ. Аще не придеши, ни мборониши нå, да пакы въдмуть. Аще ти не жаль штьчины своем, и мтрь, стары суща, и дти своих?» (6476/968) – а) Ты, кнаже, чюжен демли ищешь и блюдешь, а своем см лишивъ – выявляется импликатура: «Плохо заботиться о чужой Земле, предав при этом забвению свою»; б) Аще ти не жаль штьчины своем, и мтрь, стары суща, и дти своих? – этот косвенный речевой акт порождает импликатуру: «Свою отчизну, мать и детей нужно жалеть».

Г. Количество элементов, составляющих множество

Значение точного количества элементов дискретного множества выражают слова, традиционно именуемые количественными числительными. Их грамматический «облик» неоднороден: по происхождению «числительные єдинъ, два, три, четырє являются им. прилагательными, а пътъ и прочие – им. существительными. Это отражается на характере их склонения и сочетания с им. существительными, на количество которых они указывают» [Алипий 1991: 82]. В результате количественные числительные, называющие признак-количество, образуют в сочетании с субстантивами синтагмы, выражающие значения актантов (аргументов предиката).

²⁴ Хлебн. и Лавр.: съти.

²⁵ Хлебн. и Лавр.: т.а.

Количественные числительные в норме не выражают оценочных значений²⁶; их «задача» – назвать количество элементов, составляющих множество:

И ркош $^{\hat{a}}$ философы: «Есть мужь в Селүни, именемъ Левъ, и суть оу него снве разумиви газьку 27 словеньску, и хытра два сна оу него и философа» (6406/898), Wha же рекоста: «Вѣ два вѣдаевѣ, како есть створенъ члбкъ» (6579/1071), Wць же нашь Федосии р̂е: «Шедше кромѣ мене, нар̂ете, егоже хощете, кромѣ двою брату, Николы 28 Игната. Вь прочихъ кого хощете, $^{\hat{b}}$ старѣишихъ даже и до меншихъ» (6582/1074), Wни же ркоша: «Была су $^{\hat{b}}$ три братьга — Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша годъ сии 29 и изъгыбоша, а мы сѣдимъ въ городѣ ихъ 30 и платимы дань козаро $^{\hat{m}}$ » (6370/862), Wна же ре имъ: «Нынѣ оу вå нѣту меду, ни скоры, но мала оу васъ прошю: данте ми $^{\hat{b}}$ двора по три голуби и по три воробьи...» (6454/946), И изнемогаху людие въ гра, и р̂е володимеръ $^{\hat{k}}$ гражаномъ: «Аще съ не вдасте, имамъ стогати за три лѣ $^{\hat{b}}$ » (6496/988), И приде единъ мужь старъ к нему и р̂е ему: «Кнъже, есть оу мене единъ снъ дома меншии, а сь четырми есмь вышелъ, а wнъ дома...» (6501/993).

Однако в ПВЛ есть ряд фрагментов, в которых количественные числительные выражают оценочные значения. В каждом из случаев это связано с тем, в каком контексте употребляется числительное:

Колика ти радость! Не єдинъ, ни два спсається! Р є бо Г є : «Тако ра сть бываєть на неси w єдинъмъ грѣшницѣ кающемс» 31. Се же не єдинъ, ни два, но бещисленоє множьство к Бу приступаша 32, стмь кр щникмь просвѣщени (6496/988) – числительные єдинъ и два противопоставляются словосочетанию бещисленоє множьство, которое используется для выражения значения максимального количества элементов дискретного множества (см. об этом ниже), что порождает импликатуру: «Один или два – это незначительное, малое количество, но и одному спасенно-

²⁶ Однако сам факт подсчета указывает на особо пристальное внимание к объекту счета; ср. с: «следует отметить, что понятия «счета» (ср. ищисти 'сосчитать, счесть' СС: 276; ищитати 'считать' СС: 276; ращисти 'высчитать, рассчитать, вычислить, сосчитать' СС: 580) и «числа» (ср. число 'число 'СС: 779; чисма 'число' СС: 779) в старославянском языке были производными от глаголов со значением 'чтить', 'почитать'Эта древняя семантика числа прекрасно сохранилась в старославянском языке у глаголов чисти и чьстити (ср. чисти 1) 'читать'; 2) 'чтить, почитать' // 'соблюдать' СС: 779; чьстити 'почитать, чтить, уважать' СС: 786). Таким образом, понятия «счета» и «числа» в языковом сознании средневекового человека оказывались связанными с почитанием» [Вендина 2007: 273].

²⁷ Хлебн. и Лавр.: гадыкоу.

²⁸ Хлебн. и Лавр.: прибавлено и.

²⁹ Хлебн.: горо сии. Лавр.: градоко сь. Радз.: градъ сеи.

³⁰ Хлебн. и Лавр.: вместо въ городъ ихъ обнаруживается ро их.

³¹ Лк. XV, 7.

³² Хлебн. и Лавр.: пристоупиша.

му Бог будет рад; насколько же велика радость 33 от спасения бесчисленного множества крестившихся!»;

И рекоша новгородци Стополку: «Се мы, кнаже, прислани к товъ, и рекли намъ тако: «Не хощемъ Стополка, ни сна его. Аще ли двъ головъ имъетъ снъ твои, то посли и. Сего ны далъ Всеволодъ, оускормили есмы совъ кнада, а ты еси шелъ В насъ» (6610/1102) – парадоксальное суждение новгородцев представляет собой косвенный речевой акт: общая презумпция коммуникантов («у человека не может быть двух голов») «опровергается» просьбой говорящих («пришли нам сына, если у него две головы») – они намеренно нарушают коммуникативный постулат истинности, что позволяет собеседнику понять, что на самом деле «просьба» новгородцев является отказом; отправной точкой, позволяющей новгородцам использовать описанную рече-поведенческую тактику, служит упоминание несуществующего дискретного множества – установив ложность сказанного, собеседник вынужден расшифровывать высказывание как косвенный речевой акт.

Значительно реже для обозначения точного количества элементов дискретного множества используются порядковые числительные, при этом выразить данное значение они оказываются способны только в особых контекстуальных условиях³⁴: Ї по стамь вожгоша домъ стыга влачицта біцта, и приидоша къ цркви, и дажгоша дверта, гаже ко оугу стороннита, и вторыга, иже к ставеру (6604/1096), И възложи на на дань тажьку, и дата часті идета Кневу, а третьгага – Вышегороду къ Wльдта, вта во вышегородъ Шльжинъ горо (6454/946) – во всех случаях речь идет о множествах, элементы которых а) существуют одновременно (последовательность их «появления на свет» в данном случае неважна), б) обладают равной ценностью по отношению друг к другу. Неудивительно, что порядковое числительное при этом может попасть в один ряд с количественным (дата часті – третьгага).

Д. Количество элементов, составляющих множество: минимум и максимум

Определяя количество составляющих множество элементов, говорящий обращает внимание на границы нормы – минимум и максимум. Значение минимума для дискретного множества, как уже говорилось, выражает лексема мало,

³³ **Колика ти радостъ!** – косвенный речевой акт: катафорическое вопросительное местоимение коликъ используется для «исчисления» радости.

³⁴ Основная функция порядковых числительных – назвать не количество элементов, а место, которое занимает элемент множества в перечислительном ряду; об этой их функции будет сказано ниже.

при этом чаще всего она указывает на негативное отношение говорящего к такому количеству:

Вид'євъ же мало дружины своєга, р̂є в себе: «Єга, како прел'єстивше, изъбьють друж"ну мою и менє», въша бо мьнози погыбли на полку. И р̂є: «Поиду в \mathbf{P} $\hat{\mathbf{v}}$ и приведу боле дружины» (6479/971) – малочисленность дружины и, как следствие, ее низкая боеспособность заставляют Святослава принять решение вернуться в Русь.

На максимум количества элементов, составляющих дискретное множество, указывает лексема *многий*:

Отын аплъ Андрън <...> даоутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите горы сига? Тако на сихъ горахъ въсигаеть блгтъ Бжига. Имать и городъ великъ быти, и цркви мьногы има Бъ въздвигнути» – множество однородных объектов (церквей) будет находиться в пространстве великого (большого) города;

Waга <...> посла къ деревлано^м, ркущи сице: «Ge оуже иду к вамъ, да пристроите меды мьногы оу города, идеже оубисте мужа моего, да поплачюса надъ гробомъ $\epsilon^{\tilde{\Gamma}}$ и створю трыдну мужю моему» (6453/945) – меды описываются как счетные объекты, образующие дискретное множество.

Употребление *многий* может быть связано с описанием ситуаций, в которых сравнивается несколько множеств:

И вылѣде Wлегъ на берегъ, и повелѣ воемъ идъволочити кораблм на берегъ, и повоева wколол⁶³⁵ города, и много оуб^ниств[®] створи грѣко^м, и полаты многы радбиша, а цръкви пожьгоша (6415/907) – существовало некое исходное множество палат, часть из них была разрушена, при этом количество разрушенных палат значительно превысило количество оставшихся нетронутыми; совокупности разрушенных и неразрушенных палат – это и есть сопоставляемые в количественном отношении множества.

Существуют и особые случаи употребления слова многий:

Гать Гефргии в автописьце: «...Въ Вритании же мноди мужи съ единою женою спать, тако же и многым жены съ единымъ мужемъ похотъствують и безаконьнам законъ шць творать независтьно и невъздержанно...» –

в данном контексте *многий* противопоставлено дефиниции *единъ*: сравнивается обустройство «чужого» мира, в котором попирается норма «своего» мира – вместо одного мужа с одной женой многие мужи спят.

Схожим образом употребляется *многий* и в сочетании с отадъективными субстантивами, называющими состояния:

А іхъже имаху полонаникы, швъхъ посъкаху, другыю же мучаху, иныю же растрълаху, а другыю въ море вметаша, і ина мн $rac{r}{1}$ твораху русь гръко $rac{m}{n}$, елико же ратнии творать (6415/907),

Гать Гефргии в летописьце: «...Законъ же и оу ктириганъ, глемии върахмане и фотровичи, иже $\overline{\psi}$ пределъ показаньемь и багочетьемь масъ не гадуще, ни вина пьюще, ни бауда твораще, никакога же заобы твораще <u>страха ра многа</u>».

Строго говоря, в приведенных контекстах следовало бы ожидать употребления словосочетаний с адъективом великий: в схожих случаях, когда определяется количество «опредмеченного» признака, названного субстантивом, чаще всего употребляется именно это прилагательное (смрадъ великъ, кличь великъ, трудъ великъ, честь велика). Возможно, отсутствие дифференцированного употребления великий и многий связано с самой природой определяемых объектов (тех из них, которые могут быть восприняты как дискретные множества): с одной стороны, это совокупности ситуаций, оцениваемых сходным образом (много дло – это ряд действий русичей, каждое из которых – злодеяние), с другой – важна не многочисленность совершенных одновременно или последовательно действий, а «объём» содеянного, т.е. внимание фиксируется на результате (трудъ великъ – всё сделанное поражает своим «размером»).

Особо следует сказать о словосочетании **много оубииство**. С одной стороны, форма единственного числа указывает на стремление выразить значение результативное, назвать единый итог своеобразного дистрибутива (**много оубииство** – это все совершенные убийства: дискретность в данном случае отступает на второй план, и важным становится общее впечатление от масштаба злодеяний), а с другой стороны, выбор определения указывает на осознание говорящим того, что он все-таки называет совокупность однородных действий:

И воротисм ц \hat{b} ь. Си же внутрь Суда вшедъше, много оубинство хр $\hat{\tau}$ имномъ створиша, и въ двою сту кораблии Ц \hat{b} ьгр \hat{a} а wступиша (6374/866),

И вылъде Wлегъ на берегъ, и повелъ воемъ изъволочити кораблм на берегъ, и повоева wколол 536 города, и много оуб 6 нств 8 створи гръко 6 , и полаты многы разбиша, а цръкви пожьгоша (6415/907).

Таким образом, мы видим, что:

- 1) значение **минимума** количества как недискретного объекта, так и дискретного множества выражают разные формы одной лексемы *малъ* (на **минимум** количества дискретного множества указывает субстантивированная форма *мало*),
- 2) значение **максимума** количества недискретного объекта выражает лексема *великъ*, значение **максимума** количества дискретного множества выражает лексема *многъ*, при этом последняя крайне редко используется для указания максимального «размера» опредмеченного признака (*многъ страхъ*).

Е. Количество элементов, достигающее предела

Если *многий* указывает на большое количество элементов в пределах максимальной нормы, то адъектив *весь* указывает на исчерпанность нормы – приращение количества нарушит норму, ограниченную мерой, иначе говоря, *большего количества*, чем то, что определяется словом «весь», быть не должно:

И послаша к ненү³⁷, глиє: «По что идеши шпать? Поималъ еси высю дань» (6453/945) – неслучайно Игорь, не послушавший древлян, был убит ими: взимание дани как в сознании берущего, так и в сознании дающего есть акт вполне законный, но лишь до тех пор, пока одна из сторон не нарушит «договоренность» о количестве взимаемого.

В то же время адъектив *весь* указывает и на то, что меньшее, чем *всё*, количество должно быть оценено как *недостаток* – в буквальном (как *нехватка*, *отсутствие должного быть*) и переносном (как *ущербность*, *неполноценность объекта*) смыслах слова – данного множества:

³⁶ Хлебн. и Радз.: около.

³⁷ Хлебн. и Лавр.: к немоу.

Сє же оуслышавъ, папежь римьскый похули тѣхъ, иже ропьщю $^{\tilde{\tau}}$ на кникы 38 словѣньскый, рькм: «Да см исполни $^{\tilde{\tau}}$ книжное слов $^{\tilde{o}}$, тако «въсхвалатъ Ба вьси газыци» 39 (6406/898), Дбдъ же: «Хвалите Γ å вси газыци, похвалите его вьси лю $^{\tilde{o}}$ е» 40 (6494/986).

Таким образом, «весь» как признак множества указывает на его соответствие норме:

Цръ́ же, ра вывъ, повелѣ письцю писати на харотью вьсм рѣчи Стославли (6479/971) – было записано то, что было необходимо записать – не больше и не меньше сказанного;

По семъ⁴¹ прислаша грѣци къ Володимиру философа, глюще сице: «Слышахомъ, ако приходили суть болгаре, оучаще тм принмти вѣру свою. Ихъ же вѣра wсквѣрнметь нбо и хемлю, иже суть проклатѣ паче всѣхъ члвкъ, оуподобльшесм Содому и Гомору, на н^аже пусти Бъ камѣнье горущее и потопи га, и поградоша. Тако и сихъ wжидаеть днь погибели ихъ, егда придеть Бъ судити на хемлю и погубити вьсм творащага безаконье и сквѣрны дѣющага...» (6494/986) – день погибели ожидает всех творящих беззаконие, никто из них не скроется от Божьего гнева.

Как мы уже отмечали, противопоставление малы и вєликыи (гладкы стєкланыи, и малы и вєликыи, провертаны (6622/1114) необходимо для указания на разнообразие однородных объектов, входящих в дискретное множество (все они круглые, но разного размера). Иное синтаксическое оформление тех же лексем, использованных в одном контексте, позволяет выразить значение исчерпанности ряда: Идмславъ... сє рєкъ, утъщи⁴² Всеволода и пове $^{\hat{\Lambda}}$ дбирати вога $^{\hat{W}}$ мала до вєлика (6586/1078) – указываются нижняя и верхняя границы ряда, «от мала до велика» означает «все, кто может быть собран»⁴³.

³⁸ Хлебн.: книгы. Лавр.: книги.

³⁹ Пс. LXXXV, 9.

⁴⁰ Πc. CXVI, 1.

⁴¹ Хлебн. и Лавр.: прибавлено жє.

⁴² Буква у переправлена из в, и – из ѣ (втѣшѣ). Хлебн. и Лавр.: оутъши.

⁴³ Т.Л. Вилкул отмечает, что клише ₩ мала до вєлика, которое обычно использовалось в «описаниях многолюдных собраний, в том числе вечевых, но могло означать состав войска, все население города в буквальном смысле слова, вплоть до младенцев», встречается в ПВЛ всего один раз. Исследователь указывает на книжное происхождение этого оборота, обнаруживаемого в «славянских переводах ветхозаветных текстов и Апостола», но редко используемого в оригинальных древнерусских памятниках и получающего распространение начиная с конца XII века (см. [Вилкул 2009: 67–71]).

Ж. Невозможность определить количество элементов, составляющих множество

В ряде случаев при описании множества автор фиксирует невозможность определить его количество, используя при этом прилагательное **вещисленыи**:

И ρ è кназь печенъжьскыи: «А ты кназь ли еси?» Why κ^{ϵ} ρ è: «Азъ есмъ мужь ϵ^{ϵ} и пришелъ есмь въ сторожехъ, а по мнъ идеть вои <u>бещисленое множьство</u>». Се же ρ è, гроза имъ (6476/968),

Послаша же перегаславци къ печен ${\tt tron}^{\tilde{n}}$, глм: «Идеть ${\tt Grocnab}$ ь в ${\tt Pych}$, възе ${\tt n}$ им ${\tt thhe}$ много оу гр ${\tt tron}$ и полонъ бещислен ${\tt tron}$, а с маломъ дружины» (6479/971).

Характерно, что этот «отказ от подсчета» позволяет автору выразить идею сверхбольшого количества; особо показателен в этом отношении последний фрагмент, в котором бесчисленность пленных ставится в один ряд с многим именьем и противопоставляется малочисленности дружины. По сути, многий и бесчисленный оказываются синонимами, выражающими значение максимального количества элементов дискретного множества.

3. Разнообразие сходных элементов внутри множества

Разделение объекта на однородные элементы, его составляющие, т.е. выделение дискретного множества, отнюдь не предполагает установления их абсолютного тождества. Наоборот, во многих случаях носителю языка важно подчеркнуть, что объединенные родовым сходством элементы в рамках рода представляют собой разные виды.

Прилагательное разноличный указывает на разнообразие однородных предметов, собирающихся в большом количестве в одном пространстве. Характерно, что в каждом из случаев словосочетание «разноличный + существительное, называющее дискретное множество» (А) входит в перечислительный ряд, в котором упоминаются другие объекты, составляющие вместе с А еще одно множество более общего порядка (например, паволокы + zoлото + вино + wвощи раzноличьнии + серебро + комони + скора + воскъ + медъ + челъдь = всъ благаю). Поскольку элементами этих множеств являются разные «материальные ценности», их перечисление выражает идею богатства, обилия, свойственного описываемому пространству:

 \mathbf{P} в Стославъ къ мтрь⁴⁴ своен и къ боюром своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю жити в Переюславци в Дунаи, юко то есть среда земли моеи, юко ту всм благаю сходмть: \mathbf{W} гръкъ – паволокы, золото, вино и <u>wвощи разноличьнии</u>, и и щеховъ 45 и изъ оугоръ – серебро и комони, изъ Руси же – скора, и воскъ, и медъ, и челмдь» (6477/969),

И р $\hat{\epsilon}$ ц $\hat{\delta}$ ь: «Переклюка ма, Wлга». И вдасть єн дары многы, долото и серебро, паволокы, <u>съсуды радноличный</u> и $\hat{\mathbf{W}}$ пусти ю, нарекъ ю дщерь себ $\hat{\mathbf{t}}$ (6463/955),

Володимиръ <...> оустрои же се: ρ е, тако: «Немощнии, болнии не могуть доити двора моєго», повеле оустроити кола и, вьскладываше хлѣбы, ммса, рыбы и <u>мвощь разноличьныи</u>, и медъ въ ^бчках, а вь другыхъ – квасы, возити по градомъ, выпрашающе: «Кде болнии, нищии, не могы ходити?» И тѣмь раздаваху на потребу (6504/996).

Особое внимание следует обратить на словосочетание **wroщь разноличьныи** в последнем из фрагментов: форма единственного числа (при возможной форме множественного числа в других однотипных контекстах) делает его похожим на рассмотренное выше словосочетание **много оубинство**. Очевидно, такой способ описания дискретного множества, при котором использовалась форма единственного числа субстантива с собирательным значением в сочетании с прилагательным, указывающим на дискретность, был нормативным во времена написания ПВЛ.

Еще одним прилагательным, выражающим идею разнообразия, является слово обильный:

Ркоша русь чюдь, словен \mathbf{t} , кривичи и всм: «Землж наша велика и <u>шбилна,</u> а наржда въ неи н \mathbf{t} тъ. Да поидете кнажи $^{\tilde{\tau}}$ и волод \mathbf{t} ть нами».

Необходимость распространения слова *земля* именно двумя прилагательными – *великий* и *обильный* – объясняется тем, что каждое из них описывает особый признак. «В этом осознании «земли, страны» как «широкой», в этом частном случае, проявляется общее свойство индоевропейских языков и древней индоевропейской культуры, – а именно, распределение «сущностей» на два рода и соответственно наименование их двумя различными способами. В один класс относятся сущности, по самой своей природе предназначенные к тому, чтобы в мире явлений быть именно этим, все их признаки заключены в их природе и в их мысли-

⁴⁴ Хлебн. и Лавр.: къ матери.

⁴⁵ Хлебн.: и ис чеховь. Лавр.: и щехъ. Радз., Акад.: изъ чехъ.

тельном содержании; такова, в данном случае, «земля» – в природе этой сущности «быть широкой», и признак для ее именования «широкая» – извлекается из этого сущностного «списка»....В другой класс относятся сущности, которые в мире явлений могут совершать то или иное действие или приобрести тот или иной признак, которые заранее не входят в их сущностную природу; так, земля как почва по воле обстоятельств может оказаться либо «плодородной», либо «бесплодной» [Степанов 2004: 171]. Итак, великий описывает свойство земли как пространства, обильный указывает на реализованные потенциальные возможности земли, в частности, на то, что она насыщена разнообразными объектами.

ДИСКРЕТНЫЕ МНОЖЕСТВА: ОБЪЕДИНЕНИЕ

Рассмотренные выше способы описания дискретных множеств связаны с реализацией такого типа восприятия, при котором изначально существующий объект начинает осмысляться как некоторая структура, состоящая из взаимосвязанных элементов. Ниже мы рассмотрим такие способы описания дискретных множеств, в которых реализуется противоположная идея: носитель языка «собирает» некоторые объекты в множество, обнаруживая существующие между ними связи, сходства и различия; конечной целью этого процесса становится создание единства – дискретного множества, воспринимаемого как единый объект.

А. Объединение объектов в множество

Идею объединения элементов в множество выражают словосочетания, которые называют сами элементы, а также тот их общий признак, на основании которого эти элементы объединяют:

И ставшима wethима полкома противу собть, и р Редеда кь Мьстиславу: «Что ради губивть дружину межи собою? Но снидевтьсм боротьсм. Да аще wдолтьешь ты, и водмеши имтьник мое, и жену мою, и демлю мою. Аще ли адъ wдолтью, то водму твое все» (6530/1022) – а) водмеши имтьник мое, и жену мою, и демлю мою – перечисляемые элементы объединяет фигура посессора («все они – мои»), б) водму твое все – анафорическое в данном случае все называет элементы не дискретно, а как совокупный объект, существование которого связано с его принадлежностью («всё, принадлежащее тебе»);

⁴⁶ Буквы са в подлиннике зачеркнуты. Хлебн. и Лавр.: прибавлено сама. 47 Хлебн. и Лавр.: одолееши.

Аскъдъ же и Диръ истаста в городъ семъ, и многы варыгы съвокуписта, и начаста владъти польскою демлею (6370/862) – многы варыгы образовали множество, потому что Асколдъ и Диръ съвокуписта их;

Понде Wлгъ, поемъ вои свои многы: вармгы, чюдь, словъны, мърю, весь, кривичи (6390/882) – вармгы, чюдь, словъны, мърм, весь, кривичи образовали множество вои, объединившись по признаку «принадлежности» Олегу – для него эти вои были свои:

Ркоша же дружина Игорева: «Да аще сице глть црь, то что хощемъ боле того: не вивши, имати длато, и серебро, и паволокы? Еда кто въсть, кто шдолъеть: мы ли, ши ли? Или с моремъ кто свътенъ? Се бо и не по демли ходимъ, но по глубинъ морьстии, и шбыча смрть всъмъ» (6452/944) – прилагательное общий употребляется при сопоставлении изначально существующего множества (мы) и того, что обычно характеризуется разнообразием (смрть), однако в данном случае существует основание (не по демли ходимъ, но по глубинъ морьстии), которое позволяет выделить новый объект (шбыча смрть) – дискретное множество, мыслимое как совокупный объект;

Престависм 48 кнадь рускыи ГАрославь. И еще живу сущю ему, наради сны свою, рекы 49 имъ: «Се адъ Ѿхожю свѣта сего, а вы 50 , сновѣ мои, имѣите межи собою любовь, понеже вы есте братью одиного wца и единои мтрь 51 . Да аще будете в любви межи собою, и Бъ будеть в васъ и покорить вы противныю подь вы...» (6562/1054) – здесь в значении «общий» выступает лексема e(o)дин; Ярослав не создает нового единства – оно (единство братьев) уже существует, – но называет важную причину, по которой следует хранить это единство: общим признаком, объединяющим «элементы» в составе этого «множества», является их родство – все братья являются сыновьями одиного wца и единои мтрь.

Б. Присоединение объекта к множеству

Создание множества из ряда элементов предполагает их «равноправие»: каждый из них для другого является тем же, чем этот другой является для него. Иначе описывается ситуация, в которой один из элементов служит своеобразной точкой отсчета: именно к нему присоединяется другой элемент. Иначе говоря, один из элемента.

⁴⁸ Хлебн. и Лавр.: в сликыи.

⁴⁹ Хлебн. и Лавр.: рекъ.

⁵⁰ Слова а вы приписаны на правом поле со знаком выписки.

⁵¹ Хлебн.: единого wца и единоа мтре. Лавр.: единого wца и мтре.

ментов уже находится в некотором пространстве создаваемого множества, а другому только предстоит быть оцененным – может он быть включен в множество или нет:

Идє Wлга въ грѣкы и приде к Црюграду. И вѣ тога црѣ Костантинъ, снъ Лемнтовъ. И видѣвъ ю добру сущю лицей и смыслену велми, и оудивиса црѣ разуму ета, бестѣдова к неи и рекъ еи: «Подобна еси црѣтвовати в городѣ семъ с нами» (6463/955) – прилагательное подобный указывает на то, что предложенный к включению в множество (все, кто царствует в этом городе) элемент (княгиня Ольга) удовлетворяет условиям включения (княгиня Ольга способна царствовать);

Waгa <...>жє, поклонивши главу, стоюще, аки губа напакаєма, внимающи оученью, и, покл°нившисм патриарху, глаше: «Матвами твоими, вако, да съхранена буду ₩ сѣти неприкаднены» (6463/955) – специфика описываемой ситуации состоит в том, что Waгa – объект, который может быть включен в пространство сѣти неприкаднены, – стремится избежать этого включения, сопротивляется тому, чтобы эта «сеть» была на нее «наброшена» 1 При этом внутренняя форма словосочетания сѣть неприкаднена указывает на активность того, кто мыслится как объект (потенциальный элемент множества) по отношению к самому множеству: именно для него эта сеть неприязненна – её нельзя прикати 13.

ДИСКРЕТНЫЕ МНОЖЕСТВА: РАЗРУШЕНИЕ

Описанное нами разделение объекта на составные части фиксирует особенности человеческого восприятия, достаточно высокий уровень развития абстрактного мышления, позволяющий оперировать такими параметрами, как сходство, различие, связь, структура, единство. Иначе следует оценить ситуацию, при которой восприятие сменяется действием. Разрушение множества – случается ли оно по вине человека или по воле Господа – всегда оценивается как событие, пагубное для «элементов», составлявших множество. Показателями разрушения множества являются лексемы с префиксом раз- (расъсыпатисм, раздыно, расточити) и некоторые другие (опрочь, не припустити, особъ, отъвръщи, не пущати):

⁵² Данный топос встречается в ПВЛ неоднократно; см., например: Такъ во ваше важный кязь Гарополкъ кротокъ, смиренъ, бра $^{\tau}$ любивъ ї нищелюбець, десатину дага \overline{w} всихъ скотъ свои x ст $^{\tau}$ ен Бій, и \overline{w} жита на вса лъта, и молаше Ба всегда, гла: «Гй, Бе мои, І x ъ Х x ! Принми матву мою ї дан же ми смрть таку, гакоже вдалъ еси брату моєму Борису и Глъбови, \overline{w} чюжюю роуку, да wмыю гръхи вса своею кровью, їзбуду суетнаго свъта и сити вражии!» (6595 / 1087).

^{53 «}Нєпринаднинть – прил. прит. от нєприпаднь – относящийся к злу, принадлежащий злу; дьявольский» [Срезневский 1958b: 415].

Whи же, видивьше бесщисленое множество $z_{\Lambda a^{T}}$, и сребра, и паволо $^{\kappa}$, р $^{\kappa}$ вша: «Се ни во что же ксть, се бо лежить мр $^{\kappa}$ во. Сего суть см $^{\kappa}$ тье 54 лучьше. Мужи б $^{\delta}$ доищут $^{\delta}$ и болша сего». Сице см похвали Секии, црь Іюд $^{\kappa}$ посломону, црю Асурииску 55 , егоже всм в z_{Λ} та быша оу Вавилона 56 . Тако и по сего см $^{\kappa}$ ти все им $^{\kappa}$ нье расъсыпаш $^{\delta}$ ра $^{\kappa}$ (6583/1075) – то, что имение Святослава после его смерти рассыпалось раздно, оценивается как печальный итог его бессмысленного поклонения богатству;

Жидове кодарьстии <...> ръша: «Радъгнъвалъса Бъ на штци наш и расточи ны по странай гръхъ ра нашихъ, и предана вы демла наша хртыаномъ». Володимиръ же ръ: «То како вы инъхъ оучите, а сами швържени та? Ба? Аще бы Бъ любилъ васъ, то не бысте расточени по чюжимъ демламъ. Еда и намъ то же мыслите дло прпати?» (6494/986) – в данном фрагменте наблюдается высокая «концентрация» средств, описывающих конфликт «единения» // «разрушения»: а) расточение происходит из-за грехов (Радъгнъвалъса Бъ на штци наш и расточи ны по странай гръхъ ра нашихъ), б) расточение вызвано гневом Божиим (Радъгнъвалъса Бъ на штци наш и расточи ны по странай), в) расточение по странай тождественно отвержению от Бога (сами швържени Ба), г) любовь Господа не может привести к расточению (Аще бы Бъ любилъ васъ, то не бысте расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточени по чюжимъ демламъ), д) расточение связано с изгнанием в чужие земли 18 (расточение связано с изгнанием 18 чужие земли 18 (расточение связано с изгнанием 18 чужие земли 18 чужие земли

Следует обратить внимание на то, что в данном фрагменте разрушение множества связано с тем, что элементы его перестают быть в едином пространстве, что еще раз доказывает существование тесной связи между пространством-вместилищем и объектами, помещаемыми в это пространство.

Вариантом разрушения множества является ситуация, при которой из множества удаляется один из его элементов:

И ЖВѣща к нему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к намъ, река: «Хощю, братье, принти къ вамъ и пожаловати своее⁵⁹ мбиды». Да се еси пришелъ и сѣдиши

⁵⁴ Хлебн.: кл ${\bf t}^{\scriptscriptstyle {\rm T}}$. Лавр.: км ${\bf \epsilon}$ ть ${\bf \epsilon}$.

⁵⁵ Хлебн.: къ послом цра асурінска.

⁵⁶ Хлебн. и Лавр.: въ Вавилонъ.

⁵⁷ Хлебн. и Лавр.: прибавлено 🖫.

⁵⁸ Пространство народа (пределы его земли) заданы Господом изначально: Не токмо во хранитель газыкомъ повелени быша аныгли, гакоже речено быстъ: «Єгда раздъльше Вышнии газыкы, нуъ же расига сны Адамовы, постави предълы газыкомъ по числу англъ Бжину, ны и върнымъ члекомъ комуждо достаса англъ» (6619 / 1111; приводимая в ПВЛ цитата восходит к Втор. XXXII, 8).

⁵⁹ Хлебн. и Лавр.: своєга.

съ своєю братьєю на єдиномъ коврѣ. И чему не жалуєши, до кого ти швида?» И не швѣща ему ничтоже Давыдъ. И сташа оуса брата на конихъ. И ста Стополкъ съ своєю дружиною, а Двдъ и Шлегъ съ своєю дружиною раздно, кромѣ себе. А Двдъ Игоревичь сѣдаше опрочь. И не припустаху его к собѣ и шсобѣ думаху ш Двдѣ (6607/1099) – а) ста Стополкъ съ своєю дружиною, а Двдъ и Шлегъ съ своєю дружиною раздно, кромѣ себе – братья, только что сидевшие на едином ковре, уединились для совещания каждый со своей дружиной; однако это не привело к пагубным последствиям, т. к. после этого они объединились для принятия общего решения, б) а Двдъ Игоревичь сѣдаше опрочь. И не припустаху его к собѣ и шсобѣ думаху ш Двдѣ – «отделение» же Давыда Игоревича, «изгнание» его из братского круга (т. е. из «дискретного множества») привело к пагубным для того последствиям: он был осужден за вероломство, лишен стола во Владимире и отправлен в Бужск.

Вообще, следует обратить внимание на одну закономерность: разрушение множества или удаление из него одного из элементов необратимо и пагубно. В этом состоит один из основных дидактических мотивов летописи, призыв, обращенный к князьям: постоянные споры между князьями-братьями, порой открытая вражда, ведущая к убийству, всегда заканчиваются жестокими поражениями от врагов-иноплеменников. В се же врема поидоша половцъ на Рускую демлю <...> Отополкъ же не ддума с бо $^{\wedge}$ шею дружиною $\overline{\mathbf{W}}$ нею и строга своего <...> Володимеру же пришедшю Киеву, и совокуписм оу стго Михаила, и вдаста межи собою распо \pm и которы <...> $\mathbf M$ р \pm ша ему 60 муж \pm смыслен \pm и: «Почто вы распрю имата межи собою? А погании губать демлю Рускую. Послъдъ см смирита, а инт поидита противу имъ, любо с миромь, любо ратью» <...> Побътоша наши предъ иноплеменнъкы, и падаху газвенъи предъ врагы нашими, и мноди погибоша и быша м ϕ тви, паче неже во 61 **Т**репола (6601/1093). Поэтому братская междоусобица, раздробление рода недопустимо: это преступление против отцов и дедов, в великих трудах собиравших Русскую землю. Поиндоша Стополкъ, и Володимеръ, и Дбдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, і Дбдъ Стославичь, и братъ его Wлегъ, и снашå Любчи на строенье мира. И гше к собъ, рекуще: «Почто губимъ Рускую демлю, сами на см котору и 62 имуще? Δ половци демлю нашю несуть <u>роддно</u>, и ради суть, wже межи нами рать до нить. Wсель им'вмьсм по 63 едино со це и съблюд'вмь Рускую демлю...» (6605/1097). Итак, пока князья враждуют, половцы одолевают Русскую землю оодоно, но стоит князьям собраться въ єдино сєрдцє, и Русская земля будет соблюдена. Однако клятвы быть преданными Русской земле и друг другу вновь сменялись взаимной враждой.

⁶⁰ Лавр.: има.

⁶¹ Хлебн. и Лавр.: **о***ү*.

⁶² Хлебн. и Лавр.: и отсутствует.

⁶³ Лавр.: въ.

Рассмотрим еще один фрагмент, в котором говорится о разрушении дискретного множества:

И посла по те ними послы, гла сице цо єві: «Се идуть к тевт варади. Не моди ихъ държати в городъ, или то створа ти въ градъ, како дъв. Но расточи ка радню, а семо не пущаи ни едино (6488/980) – в данном фрагменте противопоставляются множество и раздробленные элементы. Множество (варади) могущественно и таит опасность для адресата. Однако если греческий царь последует совету говорящего (князя Владимира) и разрушит это множество (расточи ка раддно), то он сможет управлять каждым из варягов поодиночке (семо не пущаи ни едино той: единство как единство противопоставлено здесь элементам, не обладающим силой: единство могущественно, одиночество бессильно.

ДИСКРЕТНЫЕ МНОЖЕСТВА: ЕДИН // ОДИН

Особое по сравнению с другими количественными числительными использование слова **єдинт** в письменном славянском тексте непосредственно связано с его изначальной сакральной семантикой. «Единица (ср. **кдинт** 'один' СС: 799, **кдытт** 'один' СС: 801) в старославянском языке – это не просто число, открывающее нумерологический ряд, а *символ* Бога, именно поэтому числительное **кдинт** не имело формы множественного и двойственного числа. Объясняя божественную сущность единицы, Дионисий Ареопагит так говорит: «Единым же Он зовется потому, что единственно Он есть – по превосходству единственного единства – всё и является, не выходя за пределы Единого, Причиной всего... Ведь как всякое число причастно единице – и говорится «одна двоица», «один десяток» или «одна половина», «одна треть», «одна десятая», – так и все, и часть всего причаствует единице, и существование единицы означает существование всего» (Дионисий Ареопагит 1994: 327).

...Именно поэтому единица осмыслялась средневековым человеком как символ единого целого (ср. **кдино** прил. в знач. сущ. 'одно единое целое': **адъ і отъць єдино єсв к** СС: 800), единства трех составляющих, их единосущности (ср. **кдиносжщик** 'единосущие, единосущность (о Троице) ' СС: 799; **кдиносжщьнъ** 'единосущный' СС: 799; **кдыносжщьнъ** 'единосущный' СС: 801; **кдьнокстьствьнъ** 'единосущный' СС: 801).

Будучи выражением идеи целостности, единства, общности, а значит, уверенности, единица противопоставлялась числительному два, которое осмыслялось как раздвоенность, неустойчивость, порождающая колебания и сомнения

(ср. дъводоушик 'сомнение' СС: 201; дъв спомышлкнии 'колебание, сомнение' СС: 477).

...Итак, главная идея, которая была заложена в числительном **кдинъ** (**кдынъ**) в старославянском языке – это идея Бога, производной от которой являлись значения «целостности», «общности», «единства». «Уже самое первое число, начало цифрового ряда, обращает внимание на внутреннюю «счетность» объекта, на то, что он *один* и *един*, на *единство одного*, состоящего из *единиц*» (Арутюнова 2005: 15)» [Вендина 2007: 273, 274, 277].

Необходимо заметить, что в ПВЛ дистрибуция слов єдинъ и одинъ сходна с той, что обнаруживается во многих древнерусских памятниках: а) єдинъ и его дериваты более частотны, б) єдинъ и одинъ способны выражать одни и те же значения (наиболее показательны примеры, когда єдинъ и одинъ встречаются в пределах одного контекста: Фєость же сь законъ расыпа и въстави єдиному мюжю єдину жену имъти и женъ за одинъ моужь посагати (6622/1114);...кназь рускыи Гарославь <...> наради сны свога, рекы нать: «Се азъ шхожю свъта сего, а вы 65, сновъ мои, имънте межи собою любовь, понеже вы есте братыта одиного шца и единои мтрь 66...» (6562/1054); «По мы же, хртигане, елико земль, иже върують въ стую Трфю, и въ едино крщение, и въ едину въру, законъ имамъ шдинъ, «елико в Хå кръстихомъса и въ Хå шблекохомса» 67, – однако в) в тех случаях, когда необходимо выразить значение так или иначе связанное с идеей цельности и единственности Господа, предпочтительным является употребление єдинъ 68.

⁶⁴ Хлебн. и Лавр.: рекъ.

⁶⁵ Слова а вы приписаны на правом поле со знаком выписки.

⁶⁶ Хлебн.: единого wila и единоа мтое. Лавр.: единого wila и мтое.

⁶⁷ Гал. III, 27.

^{68 «}Особо следует подчеркнуть тот факт, что корень кдин- не просто утверждается в языке, а получает преимущественное по сравнению с корнем один- развитие. Об этом красноречиво говорят многочисленные композиты, имеющие в своей первой части корень кдин-.

Чем же объяснить этот интерес языка к корню **кдин**-? Ответ на этот вопрос дают древнерусские памятники письменности. Анализ дериватов с корнями **кдин**- (**кдин**-) и **один**- позволяет высказать предположение, что с помощью этих корней язык стремился реализовать идею сакрального и профанного, которая <...> уже прочно утвердилась в словарном составе языка древнерусской письменности.

^{...}Сакральное значение корня єдин- оказало влияние на формирование этических и социальных смыслов. Так, в частности, идея «единства», «неделимости», заключенная в корне єдин-, породила многочисленные дериваты, в семантической структуре которых содержались компоненты 'единение', 'согласие', 'общность'.

^{...}А поскольку любое единение людей не только объединяет, но и выделяет их из своей среды (делая особыми и непохожими на других), то становится понятной актуализация в дериватах с корнем єдин- семы «исключительности», «единичности».

^{...}Однако оборотной стороной этой исключительности и индивидуальности в мире людей часто является одиночество. Так в языке появляется новая (хотя и небольшая) группа имен с семантическим компонентом 'одинокий'.

^{...}Совсем иная картина вырисовывается при анализе производных с корнем один-.

Прежде всего следует отметить, что они не имели такого широкого распространения, как дериваты с корнем **єдин**-, при этом довольно часто являлись их языковыми дублетами» [Вендина 2007: 277, 278, 280, 281].

А. Бог один и един

И кр $\hat{\mathbf{u}}$ ну же Володимеру в Корсуни, предаша ему въру кр $\hat{\mathbf{v}}$ ътаньскую, рекуще сице: «... Ие трие б \mathbf{z} и – единъ Б $\hat{\mathbf{u}}$, понеже едино Б $\hat{\mathbf{w}}$ ество вь трехъ лици $\hat{\mathbf{v}}$...» (6496/988);

Wлегъ <...> посла гля: «...На оутвержение ж $^{\epsilon}$ и неподвижение быти межи вами, хр † тьганы, и Русью бывшии миръ състворихо $^{\acute{m}}$ Ивановомъ написание $^{\acute{m}}$ на двою харотью, ц $^{\acute{p}}$ м вашего и своею рукою, предлежащимъ ч † тнымъ кр † томъ и стою единосущною Тр $^{\^{m}}$ цею единоистиньнаго Б $^{\acute{a}}$ нашего, изв $^{\acute{b}}$ сти и дастъ нашимъ словомъ $^{\acute{b}}$ 9» (6420/912) – в приводимом фрагменте проявляется свойственная корню един- способность образовывать многочисленные дериваты-кальки, соотносимые с греческими теологическими определениями, в состав которых входят два корня.

Игуменьство бо Федосьеви держащю оу живот в своемь и праващю стадо, порученое ему Бгомъ, черноризци, не токмо же си едини, но и мирьскими печаше дшами, како быша спслисм (6599/1091) – если бы Феодосий заботился только о черноризцах, они были бы для него «одни».

Б. «Один» объединяет «разных»

Существование дискретного множества связано с тем, что однородность составляющих его элементов определяется через отношение к некоей единственной в своем роде (в прямом смысле слова!) сущности – это и есть объединяющее в множество, создающее множество начало:

А радимичи, и ватичи, и северо <u>шдинъ</u> обыча имаху: живаху в лѣсѣ, гако же всакый двѣр, гадуще все нечѣо, и срамословье в нихъ предъ ощи и пре снохами, и бъраци не бываху в нихъ, но игрища межю селы – три племени объединены единым обычаем;

\Delta словѣнескъ падыкъ и рускыи <u>wдинъ</u> (6406/898) – два народа объединены общим языком;

Симъ же и Хамъ и Афетъ, раздъливше землю и жребии метавше не переступати никомуже въ жребии братень, и живжуу кождо въ своеи части. И бы газыкъ единъ – Сим, Хам и Иафет разделили землю, но осталось объединяющее начало – один народ;

И вшаса грѣци, и ркоша црѣ и боюрьство всє: «...И да входать в городъ <u>wдіными</u> вороты съ црѣвымъ мүжемъ, бедъ wрүжью, мүжь ..и и да твора $^{\tilde{\tau}}$ күплю, бакоже имъ надобъ, и не платаче мыта ни в чемь же» (6415/907) – то, что русичи будут проходить сквозь те же ворота, что и греки, уравняет их в правах;

И ЖВѣща к нему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к намъ, река: «Хощю, братье, принти къ вамъ и пожаловати своеє⁷⁰ жбиды». Да се еси пришелъ и сѣдиши съ своею братьею на единомъ коврѣ. И чему не жалуеши, до кого ти жбида?» (6607/1099) – единый ковер в данном фрагменте – это то пространство, которое является общим для князей-братьев; он служит знаком их кровного и душевного единства и требует особого поведения от того, кто на нем находится.

В. «Один» приводит к единству

Главное объединяющее начало – Бог, вера в него создает на основе дискретных множеств такие единства, в которых признак целостности оказывается главным; при этом ценностью обладает не отправная точка – множество, а возникшее новое состояние – единство:

И се слышавша, цр̂м быста печална, посласта въсть, сице глще: «Не дость 72 кртнмъ да поганыю посмгати и даюти. Аще ли см кртиши, то приимеши се и получиши цртво нбное, и с нами <u>единовърникъ</u> будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можевъ дати сестры своен да тм» (6496/988);

Тѣм же и мы долъжни есме хранити 73 достоино строи Хва, мольщесь прилъжно к нима, рекуще: «Рантась, страстотерпца Хва, даступьника Руськои демли, еже ицъление подаета приходыщимъ к вамъ върою и любовью. Радуитась,

⁷⁰ Хлебн. и Лавр.: своега.

⁷¹ Лавр.: бы¢т⁴.

⁷² Лавр.: не достоить.

⁷³ Хлебн. и Лавр.: хвалити.

нбсьнага жителм, вь плоти англа быста, <u>единомыслено⁷⁴ служителм, върьста единомбрадна, стмь единодшьна</u>, тъмь стражющимь всимъ исцъление подаета...» (6523/1015) – вечное единство Бориса и Глеба – непреходящая радость для них, ушедших в пакибытие, и для нас, оставшихся: совокуплена тълома, паче же и дшама, оу въкы вси \tilde{x} ц \tilde{b} м пребывающа в радости бесконъчнъи и вь свътъ неидреченьнемь (6523/1015).

Г. «Один» как показатель количества

Как было сказано выше, *один* противопоставлен всем; *один* – элемент, не составляющий множества, однако мыслимый как количественный показатель именно потому, что существуют множества, состоящие из *двух*, *тех*, *четырех* и т.д.:

Слышавше же древлане, тако шпать идеть, съдумавше древлане съ кнадемъ своимъ Маломъ и ркоша: «Аще са въвадить волкъ въ швцѣ, то шносить по единои все ста, аще не оубьють его. Тако и сии: аще не оубьем его, то вси ны погубить» (6453/945), Шнъ же р $\hat{\epsilon}$: «Аще суть е \hat{z} и, то единого себе послють е \hat{a} , да поимуть с \hat{h} а моего. А вы чему перетеребуете имъ?» (6491/983).

Oduh – это минимально возможное количество, и вполне естественно, что слово, указывающее на одну из количественных границ (т.е. минимум), появляясь в определенных контекстуальных условиях, способствует порождению неэксплицитных оценочных смыслов:

И посла пре ними послы, гла сице цреві: «Се идуть к тевть варади. Не моди ихъ държати в городъ, или то створат ти въ градъ, како ддъ. Но расточи ка раддно, а семо не пущаи ни едино (6488/980) – даже одного варяга будет много, если пустить его в город;

И събравшесь лю страны Днѣпьра в лодыххъ и ше ону страну стокху, и не бъ луѣ внити в Киевъ ни единому же ихъ, ни их города къ шнѣмъ (6476/968) – осада была настолько «плотной», что никто, даже один-единственный человек, не мог ни проникнуть в Киев, ни покинуть его;

Баху бо шбри теломъ велице, а оумомъ горди, и потреби га Бъ, и помроша вси, и не шста ни единъ шбринъ – до тех пор пока был хотя бы один обрин, обры были; нет ни одного из них – нет и обров;

74 Хлебн.: єдиномысленна. Лавр.: єдиномысленага.

И рѣша старцѣ кодарстии: «Не добра дань, кнаже! Мы доискахомся wружьемь wдинога страны, рѣкше саблями, а сихъ wружье wбоюду wстро, рекше мечи. Gu имуть имати и на на дань, и на инѣхъ странахъ» – одна заточенная сторона оружия менее опасна, чем две;

Б $^{+}$ кже гадение e^{-} проскура <u>wдина</u>, и та же чрес $^{+}$ днь, и воды в м $^{+}$ вру пьташе (6582/1074) – для обычного человека *одна* просфора – это слишком малое количество еды; количество съедаемого говорит о том, насколько житье крепко вьсприта Исакий.

Д. Желанное одиночество

Приведенные выше примеры говорят о тесной связи между категориями единства и одиночества – их противопоставленность предполагает принадлежность одному семантическому полю: противопоставить можно только сопоставимое⁷⁵. Единство представляет собой такое объединение объектов, при котором они образуют дискретное множество, заполняющее «свое» пространство и мыслимое как единый объект. Одиночество предполагает заполнение пространства единственным объектом, не допускающим проникновения в «свое» пространство никаких других объектов: он не способен к объединению, к созданию множества. Одиночество может осознаваться как несчастье: объект вынужден быть одиноким, – или мыслится как желанная цель, к которой стремится объект. Но даже во втором случае мы узнаем о трагедии одиночества: в ПВЛ об этом нам сообщает летописец.

Одним из итогов деятельности князя, фиксируемых ПВЛ, является его единовластие: И прию Рюрикъ власть всю <u>шдинъ</u> (6370/862), И нача кнажити Володимиръ въ Киевѣ <u>шдинъ</u> (6488/980), А Парополкъ посади посадникъ свои въ Новѣгородѣ и вѣ володѣю <u>единъ</u> в Руси (6485/977). Однако в ПВЛ отмечается не только итог борьбы за стол, но и тот момент, когда князь решает бороться за единовластие – сам или по чьему-то наущению: И \mathbf{w} той вы межи има ненависть, Парополку на Шльга, и молваше всегда Парополку Свѣнгелдъ: «Поиди на брата своего и приимеши власть <u>еди</u> его», хота Шмьстити сну своему (6483/975), Стополкъ же шканьный, длый оуби Стьслава, пославь кь горѣ Оугорькой, вѣжащу ему вь оугры. И нача помышлати, тако: «Избью всю братью свою и прииму власть рускую <u>единъ</u>» (6523/1015) – стремления двух

⁷⁵ Ср. с: «Итак, *один, одно* способствуют объединению. Достоевский, сосредоточенный на идее единения славян, писал: «А надежда почти что на одного Бога: "Авось, дескать, пошлет нам какую-нибудь общую идею, и мы вновь соединимся!"» (25: 179).

^{...}Избранное «одно» не только создает единение, но оно охотно разъединяет. Избранность ведет к одиночеству: внутри множества – одинок вождь и диктатор, а за его пределами – одиноки изгои, изгнанники, отшельники, отверженные, бродяги, одиночки, люди призвания, гении и др.» [Арутюнова 2005: 18].

русских князей – Ярополка и Святополка – схожи: и тот и другой стремятся к единовластию за счет братьев. Однако есть и существенное различие: Святополк исполнись безаконию, Каиновъ смыслъ приимъ, и остается таковым до конца, а потому судьей ему становится Господь – Святополк и по смрти въчно мучимъ есть и связанъ; трагедия Ярополка состоит в том, что он, подговоренный Свенельдом, добившись своей цели (Гарополкъ <...> прига волость его), обретает прозрение и раскаяние (И вшедъ Гарополкъ в горо Wлговъ, прига волость его и посла искати брата свое И, искавше его, не шбрътоша. И ре шдинъ древланинъ: «Азъ видъхъ вчера, гако сънехънуша и с моста». И посла Гарополкъ искатъ, и волочиша трупье изъ гробли б оутра и до полудни, и налъзоша исподи Wлга подъ трупьемъ, и внесъше, положиша и на ковръ. И приде Гарополкъ надъ шнь и плакаса, и ре Свеньгелду: «Вижь, иже ты сего хоташе» (6485/977): понимание того, что власть не стоит братской любви, приходит слишком поздно.

Е. Вынужденное одиночество

Некоторые герои ПВЛ осознают, что одиночество пагубно:

Whъ же не внимаше того, гла: «Како адъ хочю инъ даконъ <u>шдинъ</u> гадъ⁷⁷ принати? **А дружина мога сему смъгати начну** \tilde{r} » (6463/955) – главный аргумент Святослава, не желающего принять христианство, состоит в том, что, по его мысли, он окажется одинок;

И се слышавъ, Глѣбъ вьспи велми сь следами и плачасм по wтци, паче же и по братъ, и нача молитисм со следами, глм: «Оувы мнѣ, Γ й! Луче бы мнѣ оумрети с братомь, нежели жити вь свѣтъ семь 78 . Аще бо быхъ, брате, видилъ лице твое англ̂кое, оумерлъ быхъ с тобою. Иынъ же что ради wстахъ адъ единъ? Кде суть словеса твога, гаже глаше ко мнъ, брате мои любимыи? Иынъ оуже не оуслышю тихаго твоего накаданига...» (6523/1015) – Борис убит, Глеб остался один, и он воспринимает свое одиночество как наказание, одиночество для него – горе.

«Одиночество пагубно» – то, что данная презумпция существует в сознании средневекового человека, демонстрирует и следующий фрагмент: **И** $\hat{\rho}$ **Е Болеславъ**: «**Аще вы сего оукора вы**⁷⁹ **не жаль, адъ <u>единъ</u> погибну»** (6526/1018) – «смыслен-

⁷⁶ Лавр.: спєхнуша. Хлебн. и Радз.: съпхноуша.

⁷⁷ Хлебн. и Лавр.: мдъ отсутствует.

⁷⁸ Над строкою приписано новым почерком прелестнемъ. В Хлебн. и Лавр. этого слова нет.

⁷⁹ Хлебн. и Лавр.: вы отсутствует.

ный» Болеслав прибегает к косвенному речевому акту; подразумевается: «Мы единое целое, и, оскорбив меня, оскорбили и вас; если вас не оскорбило сказанное врагом, то я один погибну, отстаивая нашу общую честь, а вы окажетесь трусами». Таким образом, это не только побуждение к действию, но и «потенциальный» упрек в случае невыполнения этого действия. Воины Болеслава понимают, что не могут оставить своего предводителя одного (для него это чревато смертью, для них – позором), и вслед за ним бросаются на врага.

Ж. Необходимое одиночество

Однако существует и такое одиночество, которое необходимо, и оценивается оно положительно; это благое одиночество отречения от суетного мира, одиночество, позволяющее познать Господа⁸⁰: И се рекъ имъ, р имъ (Антонии): «Живете wcof в, поставлю вы игумена, и самъ хощю вь ину гору с тсти <u>wдинъ</u>, гакоже и преже бахъ wбыкаъ, оу единивса» (6559/1051).

3. «Один» выделен из ряда подобных

 $O\partial uh$ – это не только итог стремления к единению, но и возможность выделить из дискретного множества единицу. При этом данная единица в начале своего отделенного существования еще не обладает чертами индивидуальности, характеризующим ее признаком является то, что она $o\partial ha$. Существует особый тип контекста, в котором реализуется это значение слова $e(o)\partial uh$ – речь идет о введении в текст впервые упоминаемых героев летописи:

<u>Единъ</u> же поваръ тако же вте именемь Исакии и рече, посмихавсм: «Исакьи⁸²! Who стедить вранъ черьный, иди, ими его!» (6582/1074), И быше варыть <u>шдинъ</u>, вте дворъ его, идеже вте цркви стыва Бца, юже съгда Володимиръ. Бте же варыть тъ пришелъ \overline{w} гртекъ и дтержаше втеру в таинте кр тываньск (6491/983) – в данных фрагментах e(o)дин имеет «референтный денотативный статус слабой определенности, т. е. соотносится с индивидуализированным объектом, который изве-

⁸⁰ Ср. с: «Идея божественности единицы присутствует и в дериватах с корнем ин-, передающих идею «одного» (ср. инокъ 'тот, кто живет один, одинокий' СС: 261; иночьскъ 'одинокий, монашеский' СС: 261; иночьство 'монашество' СС: 261), ибо одиночество осмыслялось как некая положительная ценность, так как только в одиночестве человек способен «освободиться» от мирской суеты и обрести то душевное состояние, которое позволяло ему достичь мистического познания Бога (ср. также иномысльнъ 'единомыслящий' СС: 261; иномышленик 'единодушие, единомыслие' СС: 261 и др.)» [Вендина 2007: 275, 276].

⁸¹ Хлебн. и Лавр.: ្គិំ имъ отсутствует.

⁸² А.А. Шахматов указывает: «Конечно, и переделано из ю» [ПСРЛ 1908: 187]. Лавр.: Ісакию.

стен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему» [Падучева 2001: 212]. В большинстве же случаев выделенность из множества остается единственным признаком субъекта – связано это с тем, что дальнейшая детализация неважна и, вероятнее всего, невозможна, поскольку сам по себе летописец не является первичным источником информации, рассказывая то, что было рассказано ему:

И приде единъ мужь старъ к нему и р̂ ему: «Кнаже, есть оу мене единъ снъ дома меншин...» (6501/993), И ре ему <u>шдинъ</u> кудесникъ: «Кнаже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на нем $^{\kappa}$, $^{\kappa}$ того ти оумрети» (6420/912), И р̂ е <u>шдинъ</u> штрокъ: «Азъ могу преити» (6476/968), И р̂ е <u>шдинъ</u> древланинъ: «Азъ видѣхъ вчера, како сънехънуша⁸³ и с моста» (6485/977), И бъ же <u>шдинъ</u> старець не былъ⁸⁴ въчи томь, выпрашаше: «Что ради створиша въче людье?» (6505/997) – в приведенных контекстах упоминаются люди, о которых рассказчик знает не более того, что он сказал; для него они в той же мере некие муж, кудесник и пр., что и для читателя. Наиболее явно это проявляется в отрывке, где один субстантивируется: Изаславу стоющю в пъшъцъхъ, оунезапу приъхавъ <u>шди</u>85, оудари копьемь за плеча (6586/1078) – один выражает значение «кто-то», указывая на неизвестность упоминаемого для самого говорящего.

Следует заметить, что во всех случаях вводимые в текст с помощью e(o)дин имена в последующих частях текста употребляются без помощи этого слова – свою текстообразующую функцию «представления», «знакомства» оно уже выполнило.

⁸³ Лавр.: спєхнуша. Хлебн. и Радз.: съпхноуша.

⁸⁴ Хлебн.: прибавлено в. Лавр.: прибавлено на.

⁸⁵ Хлебн. и Лавр.: єди".

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Алипий, иеромонах (Иеромонах Алипий Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. М., 1991 (репринтное издание).
- 2. *Арутюнова Н. Д.* Проблема числа // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- 3. *Вендина Т.И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
- 4. Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях XI–XIII вв. М., 2009.
- 5. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 2001.
- 6. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб, 1908.
- 7. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историкоархеографической комиссиею Академии наук СССР (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926.
- 8. *Савельев В. С.* Количественное восприятие пространства: пролегомены к изучению количественных показателей в «Повести временных лет» // Структуры и функции: исследования по русистике. 2013. Т. 1. Вып. 1. Таллинн, 2013.
- 9. Савельев В. С. Адъективные показатели количества: категории пустоты и наполненности (на материале прямой речи в «Повести временных лет») // Структуры и функции: исследования по русистике. 2014. Т. 1. Вып. 2. Таллинн, 2014.
- 10. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб, 1902. Т. 2 (репринтное издание 1958 г.)
- 11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на ежегодник «Филолого-коммуникативные исследования»

Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник – 2014/науч. ред. А. А. Чувакин; И. В. Силантьев; отв. ред. Ю. В. Трубникова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 289 с.

Е.В. Осетрова

Первый выпуск ежегодника «Филолого-коммуникативные исследования», опубликованного в этом году Издательством Алтайского университета – сигнал о новом междисциплинарном проекте, запущенном научно-образовательным центром филологических исследований коммуникации, кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета совместно с Институтом филологии СО РАН. И сигнал весьма интенсивный: на без малого 300 страницах издания расположены статьи, материалы и переводы большого интернационального коллектива авторов из России, Казахстана, Бельгии, Польши, Франции, Чехии и США.

Впрочем, не только эти формальные признаки внушительного научного потенциала привлекают внимание читателя. Большой интерес вызывает содержательная направленность издания.

Главную цель проекта его участники видят в исследовании природы и процессов коммуникации, главным же способом ее достижения провозглашают объединение «творческих сил в филологии и коммуникативных науках» [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 12].

Теория коммуникации [Бакулев 2005; Основы теории... 2005], или коммуникативистика [Землянова 1995; 1999], или коммуникология [Корконосенко 2004; Березин 2004] – гуманитарное направление, бурно формирующееся с начала 90-х гг. XX века,

– может быть определено как наука об информационном обществе, где порождение информации, а затем ее адекватное усвоение в границах общения «становится главным стержнеобразующим процессом, структурирующим общество» [Башаратьян 2002: 4, 9].

Именно обстоятельства «коммуникативной революции», по Э. Барноу, которую переживает современное общество, заставили объединить усилия молодую коммуникативистику, положившую феномен общения в основу собственной идеологии, и филологию, столетиями изучающую текст как продукт общения и язык как его знаковую систему. Филология, знающая об устройстве своих главных объектов очень многое, исследует их сегодня в функциональном аспекте, отвечая на вопросы «почему», «для чего», «с каким эффектом» и «с помощью каких механизмов» обращаются тексты в социально-языковой среде, иными словами, как происходит коммуникация.

Справедливости ради следует отметить, что не только филология участвует в этом процессе научной интеграции. Теория коммуникации разрабатывает проблему языкового функционирования в русле социологии, психологии, философии, истории с учетом знаний, заимствованных из экономики и юриспруденции.

Здесь не столь важен вопрос о приоритете: какая из названных наук занимает место ведущей, претендуя на максимально широкую зону исследовательского и социального влияния, – хотя подобные рассуждения ведутся, волнуя заинтересованных авторов. Намного важнее обратить внимание на то, что с разных позиций и в разном объеме в границах перечисленных выше научных направлений обсуждается один предмет – структура и природа языковой коммуникации. Так, психология делает главным героем действующего субъекта общения, человека думающего и говорящего, в совокупности его личностных и групповых характеристик; филология выводит в центр интереса текст с его фактурами, различными в разных сферах коммуникации; собственно коммуникативистика занята исследованием процессов разнообразного взаимодействия социальных субъектов в условиях информационного общества или сосредоточена на детальном анализе ситуативных условий/компонентов речевого акта.

Внимательное прочтение ежегодника доказывает, что перечисленные выше и многие другие аспекты нашли отражение в его содержании.

Ежегодник включает шесть разделов; они посвящены поиску объекта формирующегося филолого-коммуникативного направления и хронике научных событий,

темам дискурса и текста, а кроме того, прикладным и теоретическим аспектам филологической коммуникативистики, представленным в том числе серией небольших переводов.

1. Авторы раздела «Объекты филологического исследования» фактически сосредоточены на проблемных узлах, развязка-разрешение которых обусловлено их двойным интересом к тексту с одной стороны и условиям его функционирования - с другой. Этот двойной интерес манифестирован не только в названиях статей; ср.: «Школьный учебник как генератор коммуникативных проблем» М.Ю. Сидоровой, «Коммуникативные стратегии в диалоге на основе газетного интервью» У. Патоцка-Сигловы или «Синтетичность областей применения письменной и устной речи ... (на материале текстов институционального и бытового дискурсов)» С. А. Медведева [выделено мной – Е. О.]. Прежде всего он задает общую логику самих научных рассуждений, проясняющих сначала с разной степенью детальности теоретическую базу вопроса, а затем смещающих внимание в направлении конкретного материала, будь то уже упомянутые газетные интервью, школьные учебники, интернет-тексты (Е.И. Клинк, А. А. Шмаков, «Возможности методики коммуникативного моделирования...» 86) или судебные речи (3. В. Баишева, «Драматизация речи как реализация тактики «перевоплощение» в судебных выступлениях А. Ф. Кони») и диалоги из телевизионных фильмов (Э.В. Малыгина, «Об одном из признаков кризисной коммуникации как объекта эвокации»). Отдавая должное профессионализму всех авторов раздела, особо выделю две публикации.

Свою статью «Школьный учебник как генератор коммуникативных проблем» М.Ю. Сидорова начинает с реконструкции образовательной ситуации в российской школе, которая при широком ее понимании в качестве участников, кроме ученика и учителя, включает еще родителей, репетиторов, экзаменаторов, внешних экспертов, то есть контролеров любого ранга, проверяющих усвоенное детьми знание. Этот непредвзятый анализ выводит на научную и методическую поверхность шесть коммуникативных проблем, буквально прошивающих тексты современных учебников для 4–6 классов, независимо от их предметной принадлежности к географии, природоведению, истории, ОБЖ или русскому языку.

(1) Недостаточность или избыточность информации, «размытость» или, напротив, чрезвычайная сложность определений, отсутствие четко струк-

⁸⁶ В круглых скобках здесь и далее обозначены авторство и название статьи ежегодника, привлекшей внимание рецензента.

турированных двухчастных дефиниций типа X – это Y, X является Y – резко понижают «проверяемость» материала, а значит, повышают его конфликтогенность.

- (2) Если предыдущий системный недостаток связан с нарушением максим Количества и Способа, по Г. Грайсу, то следующий проистекает из несоблюдения критерия искренности и максимы Отношения. В школьных учебниках часто нет ни адекватной информации для осмысленного ответа на вопросы учебника, ни заданий, позволяющих эмпирическим путем извлечь эту информацию. Мы слышим внутреннюю речь ребенка: «Меня спросили, значит, я должен знать... Но я не знаю... В учебнике этого нет <...> Что делать?» [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 25], и понимаем, вследствие чего даже у разумных, старательных детей генерируется информационный стресс.
- (3) Другая коммуникативная проблема «точнее «куст» проблем затемненное тема-рематическое членение, композиционные нарушения, неумение использовать ключевые слова ... неточная пространственно-временная референция текста» [Там же] мешает устанавливать логические связи и локализовать содержание во времени и пространстве.
- (4) Еще одна претензия к коммуникативной организации школьных пособий связана с включением в их состав заданий, которые основаны на приеме «навязывания эмоций». Особенно часто он используется в учебниках русского языка и литературы, авторы которых, судя по всему, исходят из того, что какой-либо текст, вызывающий определенные образы и эмоции у взрослого, обязан то же самое вызывать у 9–11-летнего ребенка; ср., например, два вопроса к подобным заданиям: Какие слова выражают отношение к увиденному состояние восторга, удивление? или Почему этот маленький рассказ вызывает улыбку? На них заведомо невозможно честно и правильно ответить, не нарушив принцип искренности [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 28].

Исследовательская часть статьи завершается обсуждением регулярного несоответствия текста учебника той коммуникативной ситуации (в широком смысле слова), в которой прорабатывается тема (5) и резкого дисбаланса языковой сложности учебников русского языка и учебников по другим предметам «на входе в основную школу» (6).

Важно, что конструктивная критика, основанная на творческом применении идей Г. Грайса, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой и др., позволяет автору здесь же намечать пути решения обозначенной проблемы, крайние проявления которой М. Ю. Сидорова иначе как «информационным стрессом», «когнитивной неграмотностью», даже «когнитивной катастрофой» не называет. Именно поэтому в заключении предложено в алгоритм экспертизы школьных учебников к дидактическому, методическому и правовому этапам добавить собственно коммуникативный этап, что позволило бы квалифицировать соответствующие тексты с позиций речевой грамотности и четкости образовательных целеполаганий.

Та же высокая степень проникновения в материал, научная экспрессия, эмоциональность – следствия глубокого научного и человеческого интереса к своему предмету – характеризуют статью З. В. Баишевой «Драматизация речи как реализация тактики «перевоплощение» в судебных выступлениях А.Ф. Кони». Главная идея, которая, с нашей точки зрения, организует этот материал, – готовность талантливых языковых личностей (а А.Ф. Кони таковой, безусловно, являлся) выступать во множестве амплуа, одну за другой примеряя различные социально-коммуникативные роли. Очередной такой ролью для А.Ф. Кони становится роль драматурга. Именно как драматург, юрист драматизирует обвинительную речь, яркими штрихами вырисовывая в картинах преступления временные и пространственные обстоятельства, точно расставляя психологические ремарки или, как будто еще глубже погружаясь в историю преступления, разыгрывает людские трагедии и драмы, выступая то от лица обвиняемого, то от лица свидетеля, а иногда становясь на позицию жертвы. Эта коммуникативная тактика перевоплощения помогает быстро и максимально точно изложить суть преступления, а кроме того, добиться эффекта «присоединения» к оратору слушательской аудитории, в конечном счете подводя к объективному судебному решению. Понятно, что вести такую сложную коммуникативную игру может позволить себе только тот, кто понимает, какая ответственность ложится на него в связи с применением воздействующих тактик, речевых приемов внушения и убеждения.

Как видно, принципы и подходы филологической теории коммуникации дают простор для интересных интерпретаций не только новых, но и традиционных объектов филологии.

2. «Дискурс в филолого-коммуникативных исследованиях» – второй раздел ежегодника – первоначально создает впечатление разноцветной научной мозаики; ее содержание формируют и исследования интернет-среды (Э. А. Лазарева, «Представление типологии семиотически неоднородного дискурсивного ка-

нала»), и рассуждения о медийном дискурсе функционально-стилистической направленности (Т.В. Чернышова, «Коммуникативная парадигма: актуальные аспекты изучения языка СМИ»), и заметки «на полях» научных текстов (Ю.В. Трубникова, «Аннотация: современные проблемы владения жанром»). Они, в свою очередь, перемежаются филологическим анализом художественных произведений, охватывающим широкое поле исторического и национального дискурсов. На одной его границе расположены тексты Ф. М. Достоевского и повести В. М. Шукшина (И.Ю. Качесова, «Развертывание как способ воспроизведения аргументативного дискурса в тексте; К. Alaverdian, «La morale c'est la vérité (Šukšin et Dostojevskij)»), на другой – романы канадской писательницы Маргарет Этвуд и англичанина Дэвида Лоджа – «Robber Bride» и «Nice Work» (Д. А. Кожанов, «Языковая личность исследователя-гуманитария в тексте художественного произведения»). Однако при более заинтересованном прочтении оказывается, что эта эклектика имеет единое основание, скрепленное аксиомой о коммуникативной ситуации, одной из главнейших в коммуникативистике.

Действительно, рассуждения о вторичном дискурсе с аргументативным целеполаганием (И. Ю. Качесов), тем более о «расщепленном сознании» языковой личности ученого-гуманитария (Д. А. Кожанов) заставляют вспоминать о главных ролях любого общественного диалога – Авторе и Адресате; аннотация как практика короткого научного высказывания отсылает к жанровой проблематике (Ю.В. Трубникова), а жанр выставляет на обозрение проблематику его предметного воплощения. И тогда лингвисты начинают говорить о языке и профессиональных подъязыках как коммуникативных кодах, активно используемых в современных СМИ (Т.В. Чернышова), а кто-то, увлеченный новейшей реальностью Интернета, берется рассуждать об «архитектонике Сети» и трехмерной структуре ее текстов, части которых «словно извлекаются из глубины целого дискурса» (Э.А. Лазарева). Все это закономерно венчается рассуждениями о содержании коммуникации, когда в центре оказываются формулы «мораль – это правда», «поиск правды», «милосердие к осужденному» (К. Alaverdian).

В результате мы шаг за шагом восстанавливаем типовую модель коммуникативной ситуации: Автор и Адресат обмениваются целенаправленными содержательными высказываниями, они же отливаются в различные по фактуре тексты, оформленные с помощью языкового кода, дополненного другими – визуальными и аудиальными кодами.

3. Исследования, результаты которых составили содержание очередного раздела ежегодника – «Текст в мире текстов: аспекты исследования» – проведены ис-

ключительно на материале художественных произведений. Знакомство с ними вызывает размышления о механизмах взаимодействия литературных текстов в универсальном пространстве социума.

Как показывают наблюдения авторов, можно говорить о двух режимах такого взаимодействия. Первый из них кажется более стихийным и связан с обращением текстов в сфере художественного творчества. Он обеспечен процессами интертекстуальности, когда посредством разного рода отсылок (К. Е. Гайер, «Об одном из способов комментирования текстов Умберто Эко»), развития сквозных тем (О.В. Марьина, «Авторская маска в текстах русской художественной прозы…»), приемов прямого и косвенного цитирования, комбинирования, трансформации «вечных сюжетов» (Т. Н. Василенко, «К проблеме понятия «родственный текст» в деривационном аспекте исследования…») возникает эффект естественного взаимопроникновения текстов. Субъектами, организаторами динамики такого рода, выступают авторы художественных произведений, а в роли ценителей оказывается вся заинтересованная аудитория – не только филологи и интеллектуалы, но и масса любителей чтения.

Второй режим межтекстового взаимодействия можно было бы назвать произвольным, или намеренным. Главной здесь становится профессиональная обработка оригинала, а результатом - некий вторичный текст, специально созданный для расширения среды его (оригинала) использования. В этом случае на сцену выходят переводчики, разрешающие, по мысли М.Л. Гаспарова, проблему перевода «чужой культуры на язык наших понятий и чувств» [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 158] и подготавливающие его к условиям существования в иноязычной аудитории (Е.С. Катунина, «Синтаксические трансформации текста при переводе на русский язык...»; И.А. Широких, «Текст как среда функционирования бытийной семантики»). Аналогичные усилия в образовательной среде предпринимают специалисты по русскому языку как иностранному/неродному: обеспечивая школу методическими материалами, они занимаются адаптацией художественных текстов в соответствии с уровнем компетенций иноязычных учащихся (А.В. Игнатовская, «Денотативная структура оригинального и адаптированного текстов: сопоставительный анализ (на материале рассказа В. Драгунского «Что любит Мишка»)).

4. Четвертый раздел рецензируемого издания, посвященный прикладным аспектам филолого-коммуникативных исследований, открывает статья А. А. Чувакина «Филология и коммуникативные науки»: проект учебного издания для магистратуры». Здесь обобщен 20-летний опыт преподавания дисциплин фило-

лого-коммуникативной направленности в Алтайском государственном университете в рамках программ «Теория и практика речевой коммуникации», «Теория и практика перевода», «Риторика и речеведение» и под. Автор описывает структуру, содержательные центры («человек – язык – текст»), принципы организации учебного материала в проектируемом пособии, а также предлагает развернутую систему аргументов в пользу создания такового.

В частности, анализ энциклопедических изданий по филологии и коммуникативным наукам приводит к выводу, что большой блок понятий и терминов этих дисциплин оказывается общим, а значит, филологи и коммуникативисты «говорят на одном языке», основываются на схожей теоретической базе, пользуются известными в обеих областях методиками, получая при этом эмпирический опыт, полезный для совместного использования.

В качестве жанра, предложенного к разработке издания, выбран жанр хрестоматии, поскольку он «представляет собой наиболее «мобильный» вариант учебного пособия – в сравнении, например, с «традиционным» учебным пособием» [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 199], в качестве же отправной точки – рассуждения У. Эко об «открытом» тексте: «Хорошо, если студент увидит в книге вопросы, оставшиеся в науке без ответа; овладеет методологией превращения знания теоретического в операциональное. Это означает, что текст учебного издания для магистрантов должен быть открытым» [Там же: 197].

В заключение приведен перечень двадцати важнейших изданий, подготовленных на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета, который должен быть взят на вооружение всяким, интересующимся филологическими аспектами коммуникативистики, и сам по себе служит одним из доказательств размаха филолого-коммуникативных исследований. Очередное доказательство этой работы – проведенный на базе Алтайского университета в апреле 2014 г. международный семинар «Филология и коммуникативные науки в мире культуры, науки и образования: XXI век»; информацию о событии А. А. Чувакин дает в разделе «Хроника».

Положения, сформулированные А. А. Чувакиным, находят применение в статьях Г. А. Кажигалиевой и А. В. Бушева. Г. А. Кажигалиева («Коммуникативное направление ... в контексте преподавания русского языка как неродного в казахстанском педагогическом вузе»), основываясь на концептуальной модели образования, подробно рассматривает концепции, методы и приемы, используемые в обучении русскому языку национальной аудитории, а А. Б. Бушев («Глобальный медиади-

скурс в Интернете и его анализ») делится с читателем опытом преподавания спецкурса, предназначенного для знакомства с текстами глобальных масс-медиа, документами европейской интеграции, сайтами мировых социальных институтов, – формирующего широкий спектр коммуникативных компетенций учащихся-бакалавров.

Другие векторы прикладной филологии направлены в область корректуры/редактуры и в сферу лингвистической экспертизы, обеспечивающей необходимую поддержку правоведения.

Примечательно, что К.В. Прохорова («Пунктуация современного медиатекста в аспекте интенциональности») и Н. А. Корнилова «Пунктуация в аспекте коммуникативной неудачи (на примерах из текстов современных СМИ)»), сделавшие наблюдения на одном материале - медиатекстах - защищают противоположные позиции в отношении пунктуационной нормы. Первый из названных исследователей утверждает возрастающую роль коммуникативного целеполагания в текстах СМИ, осмысленность в выборе знаков (многоточия, тире, двоеточия, скобок) и отсюда увеличение публикаций с авторской пунктуацией; процессы эти не могут не вызывать одобрения, поскольку сознательный выбор знака манифестирует осмысленность информации и толковость автора-журналиста. Н.А. Корнилова, напротив, защищает принципы нормативной пунктуации, предлагая развернутую типологию ошибок в журнальной публицистике: «Основная функция пунктуации заключается в том, чтобы облегчить читателю восприятие текста, поэтому так важно, чтобы знаки препинания расставлялись в соответствии с существующими нормами» [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 228]. Две позиции, в интересах Автора и в интересах Адресата, разумеется, не демонстрируют непреодолимый конфликт. Ведь здравый смысл заставляет нас каждый раз, входя в диалог, помнить о принципах кооперации и эффективной коммуникации, о балансе интересов ее участников.

В материалах С. В. Дорониной («Эргоним как идентификационный код: коммуникативный и правовой аспект») и Т. А. Полтавец («Семантический анализ как метод выявления модальных эпистемических значений в практике лингвистических экспертиз»), как отмечалось, осмыслен практический опыт лингвистов-экспертов. Серьезная теоретическая база лингвистического анализа, будь то положения коммуникативной лингвистики или языковой семантики, а также точный объективный анализ социально-языковых фактов, лишний раз демонстрируют, насколько укрепилось и развилось направление юрислингвистики в составе комплекса коммуникативных наук.

5. Раздел «Переводы» в общем контексте ежегодника видится естественным развитием мыслей А. А. Чувакина о создании учебного пособия с комплексной филолого-коммуникативной направленностью и построен на фрагментах из работ нескольких зарубежных авторов. Э. Барноу, Ш. Хамилтон, К. Дэвис, К. Жермен и Ц. Босак, исходя их определения коммуникации как процесса обмена мыслями, чувствам и идеями, определяют ее специфику и способы моделирования, разводят понятия контекста и ситуации – или же заняты более эмпиричными, но не менее важными вопросами различия американской и британской манер общения, разницей реактивных реплик в монологе и диалоге и т. д.

В заключение хочу заметить, что деление ежегодника на разделы весьма условно: со сложной задачей структурировать материал, предоставленный множеством авторов, сталкиваются редакторы всех коллективных трудов. По сути же, опубликованные тексты представляют единое научно-информационное поле, в центре которого расположена коммуникативная идея; как пишет Эрик Барноу: «Центральное положение коммуникации в человеческой истории не вызывает сомнения и объясняет, почему такие разные дисциплины, как антропология, искусствоведение, педагогика, этология, история, журналистика, юриспруденция, лингвистика, философия, политология, психология, социология, все более тяготеют к изучению процессов коммуникации и сотрудничают в создании новой дисциплины – теории коммуникации» [Филолого-коммуникативные исследования... 2014: 251].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бакулев Г. П.* Массовая коммуникация: Западные теории и концепции: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005.
- 2. *Башаратьян М. К.* Коммуникативистика: Библиографический указатель. М.: Русская энциклопедия, 2002.
- 3. *Березин В. М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: РИП-холдинг, 2004.
- 4. Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика: Теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1995.
- 5. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1999. 301 с.
- 6. *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004.
- 7. Основы теории коммуникации: Учебник/Под ред. М. А. Василика. М.: Гардарики, 2005.
- 8. Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник 2014/науч. ред. А. А. Чувакин; И. В. Силантьев; отв. ред. Ю. В. Трубникова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВЫПУСКА

Бакланова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва, Россия)

Baklanova Irina Ivanovna – PhD (Philology), Associate professor of the Russian Language Dept., National Research Nuclear University MEPhI – Moscow Engineering Physics Institute (Moscow, Russia)

Ефимова Светлана Николаевна – аспирант Института общего и сравнительного литературоведения им. Петера Сцонди, Берлинский Свободный университет (Берлин, Германия)

Efimova Svetlana Nikolaevna – PhD student, Freie Universität Berlin, Peter Szondi Institute of Comparative Literature (Berlin, Germany)

Золотова Галина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета (Москва, Россия)

Zolotova Galina Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor of the Dept. of Russian Language, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Иванова-Лукьянова Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

*Ivanova-Lukjanova Galina Nikolaevn*a – Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Dept., Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Пекант Павел Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка Московского государственного областного университета (Москва, Россия)

Lekant Pavel Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Dept. of Contemporary Russian Language, Moscow State Region University (Moscow, Russia)

Нахид Шейхи – кандидат филологических наук, профессор Тегеранского университета (Тегеран, Иран)

Nahid Sheikhi – PhD (Philology), professor, University of Tehran (Tehran, Iran)

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия)

Osetrova Elena Valerievna – Doctor of Philology, Associate professor, Professor of the Dept. of Contemporary Russian Language and Methodology, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia)

Пауткин Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Pautkin Alexey Arkadjevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Dept. of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology (Moscow, Russia)

Пивоварова Лидия Михайловна – аспирант Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Pivovarova Lidia Michailovna - PhD student, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, (Нижний Новгород, Россия)

Radbil Timur Benyuminovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Dept. of Contemporary Russian Language and General Linguistics, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizny Novgorod, Russia)

Ремнева Марина Леонтьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Remneva Marina Leontievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Dept. of Russian Language, Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Савельев Виктор Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Savelyev Victor Sergeevich – PhD (Philology), Associate professor of the Dept. of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology (Moscow, Russia)

Сидорова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Sidorova Marina Yurjevna – Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Dept., Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology (Moscow, Russia)

Уржа Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Urzha Anastasia Victorovna – PhD (Philology), Associate professor of the Dept. of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology (Moscow, Russia)

Храковский Виктор Самуилович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Khrakovskiy Victor Samuilovich – Doctor of Philology, Chief research associate at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Ягунова Елена Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры информационных систем в искусстве и гуманитарных наках Санкт-Петербургского государственного университета

Yagunova Elena Victorovna – Doctor of Philology, Associate professor of the Dept. of interdisciplinary studies in the field of languages and literature at St. Petersburg State University, professor of the Dept. of information systems in the arts and humanities at St. Petersburg State University

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ/ CALL FOR PAPERS

Том I, выпуск 4/Volume I, issue 4

Грамматика, словообразование

В современной лингвистике новый импульс получили многие идеи предшествующего этапа ее развития. Становится очевидным, что расширение интересов лингвистики в современной научной интегрирующей парадигме не вступает в противоречие с пониманием языка как семиотической «системы систем», но ставит задачи соотнесения знаний об устройстве языковой системы и функциях языковых единиц с другими знаниями - о ментальном, духовном, эмоциональном, эстетическом внутреннем мире человека как носителя языка, с его когнитивными способностямии представлениями о внешнем мире. Лингвистические исследования в этом направлении показали, что широкие гуманитарные знания человека как члена этноса тесным образом взаимодействуют с системой семантических координат и ориентиров, явным или скрытым образом выраженных в языке, в частности в его грамматике и словообразовании. В этой лингвистической парадигме особую значимость приобретает также исследование исторической памяти языка и связей между синхронией и диахронией. В связи с этим считаем интересным и актуальным обсудить следующие вопросы русской морфологии и словообразования:

- производное слово как единица извлечения, систематизации и хранения знаний человека о мире;
- функции словообразования в современном русском языке, в том числе дискурсивная, адаптирующая (в сфере заимствований) и игровая;
- когнитивная значимость словообразовательных гнезд и словообразовательных категорий;

- лакунарность русской словообразовательной системы и заполнение «пустых клеток» потенциальными производными;
- современные процессы в русском словопроизводстве;
- связь словообразования и морфологии как типологическая черта русского языка;
- универсальные и специфические свойства грамматикализации в русском языке;
- роль словообразования и морфологии в выражении доминантных и типовых смыслов русской языковой картины мира;
- категоризация в сфере грамматики;
- межкатегориальные связи;
- культурно-историческая мотивация словообразовательных и морфологических категорий и единиц;
- семантический спектр русских именных и глагольных морфологических категорий;
- грамматика конструкций;
- дискурсивные функции морфологических категорий.

Grammar, Word Formation

In modern linguistics many ideas expressed in the preceding stages of its development have been given new impetus. It is getting obvious that broadening the interests of linguistics in the modern integrating scientific paradigm does not contradict the understanding of language as a semiotic "system of systems", but sets the goal of relating the knowledge of the way the linguistic system is structured and of functions of linguistic units 1) with other kinds of knowledge – that of the mental, spiritual, emotional, aesthetic inner world of a

human being as a native speaker of a language, and 2) with a person's cognitive capacities and ideas about the surrounding world. The linguistic investigations in this direction have shown that the wide humanitarian knowledge of a human being as a member of an ethnos are closely interrelated with the system of semantic coordinates and hallmarks explicitly and implicitly expressed in language, in its grammar and word-formation in particular. Within this linguistic paradigm of special importance is the investigation of the historical memory of a language and of the connection between synchrony and diachrony. This makes us think that the following issues of Russian morphology and word-formation are of interest and topicality:

- a derivative word as a unit of extracting, systematizing and keeping human knowledge about the world;
- functions of word-formation in Modern Russian, including the discourse function, the adaptive function (as displayed in the sphere of loan-words) and the game function;
- the cognitive significance of word-formation families and wordformation categories;
- the lacunal character of Russian word-formation system and the filling of the gaps by potential derivatives;
- the connection between word-formation and morphology as a typological feature of the Russian language;
- the universal and the specific properties of grammaticalization in Russian;
- the role of word-formation and morphology in expressing the dominant and the standard semantic categories of the Russian linguistic worldview;
- categorization in the sphere of grammar;
- inter-categorial connections;
- cultural-historical motivation of word-formation and morphological categories and units;

- the semantic capacities of Russian nominative and verbal morphological categories;
- grammar of constructions;
- the discourse functions of morphological categories.

Том II, выпуск 1/Volume II, issue 1

Психолингвистика, социолингвистика, когнитивные исследования

Во второй половине и особенно в конце XX века лингвисты столкнулись с рядом вопросов, на которые традиционная наука не всегда могла дать ответ. Среди этих вопросов были и абсолютно новые, возникшие в связи с развитием цивилизации и науки (в частности с появлением новых технологий, с достижениями нейронаук и т.д.) и спровоцированные задачами нового времени (например, необходимостью диалога «человек – машина», актуальностью решения проблем машинного перевода и под.), и такие, которые занимали умы ученых на протяжении долгого времени (что есть язык, как язык связан с мышлением, что есть языковая норма и под.). На многие из этих вопросов исследователи до сих пор ищут ответы.

Для обсуждения в данном выпуске предлагаются следующие проблемы:

- как влияет современная языковая среда на формирование речемыслительной деятельности ребенка?
- влияют ли изменения языковой среды на образ мира и как именно?
- связано ли появление новых типов текста с изменениями в речевой деятельности и языковом сознании?
- как влияет культурно-языковая полифония на формирование языковой личности?

- каковы факторы возникновения конфликтогенных зон в коммуникации?
- как устроена и как «работает» языковая картина мира?
- актуальна ли для современных языков (в том числе для русского) проблема нормы?
- какова динамика нормы на разных уровнях языковой системы?
- важна ли сегодня граница между литературным языком и «-лектами» (диалектами, социолектами и под.) и, если да, то где она проходит?
- какое место занимает и какую роль играет изучение речевых жанров в современной русистике, в науке о языке в целом и о человеке говорящем?

Psycholinguistics, Sociolinguistics, Cognitive Studies

In the second part and especially at the end of the XX century linguists faced a number of questions which traditional linguistics was not always able to answer. Among these questions there were both 1) the absolutely new ones which arose because of the development of civilization and science (the appearance of new technologies, the achievements of neurosciences etc.) and which were caused by the goals of modern epoch (the necessity of establishing "man – machine" dialogue, of solving the problems of machine translation, and the like), and 2) those which had been occupying the scholars' minds since time immemorial (what is language, the connection between language and thinking, what is linguistic norm, and the like). Scholars keep looking for answers to many of these questions up to now.

In the present issue of the journal the following problems are suggested for discussion:

 how does modern linguistic milieu influence the formation of a child's speaking and thinking capacities?

- do the changes in linguistic milieu affect one's image of the world and in what way specifically do they do it (if at all)?
- is there any connection between the appearance of new types of texts and the changes in speech and in linguistic thinking?
- how does the cultural and linguistic polyphony influence the formation of a linguistic personality?
- for what reasons do zones of conflict appear in communication?
- what is the structure of linguistic worldview and how does it work?
- is the problem of norm relevant for modern languages (including the Russian language)?
- what is norm dynamics at different levels of the language system?
- is the border-line between literary language and all kind of -lects (dialects, sociolects etc.) important today? If so, where does it lie?
- what role does the study of speech genres play in modern Russian linguistics, in the studies of language as a whole and of homo loquens?

Том II, выпуск 2/Volume II, issue 2

Лингвистические основы практического изучения и преподавания русского языка

Современная лингвистическая парадигма подразумевает активное сотрудничество между теоретической и прикладной русистикой. Прикладная русистика, с одной стороны, опирается на достижения русистики теоретической и использует предлагаемый ею инструментарий (причем делает это не механистически, а твор-

чески, с учетом собственных целей), с другой – постоянно ставит перед теоретической наукой новые задачи и намечает возможные пути их решения. Одним из полей такого взаимного интереса является обучение русскому языку как родному, второму родному, неродному, иностранному в моно- и поликультурной аудитории на разных уровнях и в разной языковой среде. Цифровой, открытый, динамично меняющийся мир преобразует задачи практического изучения и преподавания русского языка, место которого в этом мире напрямую зависит от эффективности и привлекательности систем обучения. Пришло время для серьезного обсуждения целого ряда связанных с этим проблем:

- научные основы практического изучения и преподавания русского языка традиции и современность;
- сочетание коммуникативности и системности в практическом изучении и преподавании русского языка;
- новые информационные технологии в практическом изучении и преподавании русского языка – возникающие задачи и открывающиеся возможности;
- русский язык как родной, второй родной, иностранный, неродной что мы уже знаем и каких знаний нам не хватает, чтобы эффективно организовать обучение;
- антропоцентрический взгляд на обучение русскому языку новый человек в изменяющемся мире, учитывает ли русистика его специфику;
- тексты для обучения русскому языку лингвистические основы отбора текстов и работы с ними;
- новые явления в русском языке как предмет практического изучения и преподавания;
- русский язык для нефилологов содержание курса, коммуникативные стратегии и тактики обучения;
- использование международного опыта (например, EFL, ESL) для совершенствования обучения русскому языку;

- учебники по русскому языку для разной аудитории
 лингвистическое и лингвокультурное содержание,
 лингводидактические принципы;
- вычленение лингвистического компонента при преподавании различных дисциплин на русском языке и использование его для совершенствования обучения;
- русский язык в мультимедийном обучении.

Linguistic Basis for Practical Learning and Teaching Russian Language

Modern linguistic paradigm involves active collaboration between Theoretical and Applied Russian Linguistics. Applied linguistics, on the one hand, relies on the achievements of theoretical linguistics and uses its tools (though not mechanically but creatively, according to its own aims); on the other hand, it constantly poses new tasks for theoretical studies and outlines possible solutions. One of the fields of such mutual interest is teaching Russian as a native, as a second native, as a non-native and as a foreign language to mono-and multicultural audiences at different levels and in different language environment. The digital, open, dynamically changing world transforms the tasks of the practical learning and teaching of the Russian language. Its status in the world directly depends on the efficiency and attractiveness of training. It's time for a serious discussion of a number of related issues:

- the theoretical basis of the practical learning and teaching of the Russian language tradition and modernity;
- the combination of the communicative and of the systemic approaches in the practical learning and teaching of the Russian language;
- new information technologies in the practical study and teaching of the Russian language the emerging challenges and opportunities;
- Russian as a native, as a second native, as a foreign and as a non-native language – what do we already know and what do we lack to provide efficient training;

- the antropocentric approach to teaching Russian a new person in the changing world, does Russian linguistics take into account this particular aspect;
- texts for teaching Russian the linguistic basis of text selection and working with them;
- new phenomena in the Russian language as a subject of practical learning and teaching;
- Russian language for non-philologists the content of the course, the communicative strategies and teaching tactics;
- the application of international experience (e.g. EFL, ESL) to the enhancement of Russian language teaching;
- Russian language textbooks for different audiences their linguistic and linguistic-cultural content, linguo-didactic principles;
- the linguistic component in teaching various disciplines in Russian and its use for enhancement of learning;
- Russian language in multimedia teaching.

Указанные списки содержат основные темы выпусков, которые, тем не менее, не ограничены только и исключительно ими; однако мы просим авторов в работах строго придерживаться основной проблематики дисциплин, обозначенных в названии выпуска.

The above lists contain the main topics of the next issues, which are not though confined to them only and exclusively; however, we strongly recommend that thematically our authors should keep strictly within the linguistic disciplines mentioned in the title of the issue.

Обращаем особое внимание наших будущих авторов!

Статьи, представляемые в редколлегию, должны быть оформлены в соответствии с требованиями (см.: http://www.pushkin.ee/ru/struktury-i-funktsii-issledovaniya-po-rusistike). Рукописи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются.

Все присылаемые в журнал статьи подвергаются обязательному анонимному рецензированию членами экспертного совета, которые оценивают ясность, логичность и четкость изложения, качество оформления текста, структурированность и содержательность статьи, ее методологическую основу и актуальность. Окончательное решение о публикации принимается редколлегией журнала на основе экспертного заключения и не подлежит обсуждению.

Все статьи, предлагаемые для публикации в нашем журнале, должны быть написаны специально для данного издания и не могут дублировать уже опубликованные работы.

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с ее безгонорарным опубликованием в журнале в печатном и/или электронном виде.

Является желательным (но не обязательным) цитирование работ, ранее опубликованных в нашем журнале.

Редколлегия

